ПРЕЗИДЕНТСКАЯ АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ
РАНХИГС САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ЕЭК Евразийская экономическая комиссия

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ISSN 2073-2929

INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND ANALYTICAL JOURNAL

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА

EURASIAN INTEGRATION: ECONOMICS, LAW, POLITICS

欧亚一体化：经济、法律、政治

Том 18 / Vol. 18

№1 (47) 2024

16+

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ISSN 2073-2929
DOI 10.22394/2073-2929

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:

ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА

Международный научно-аналитический журнал

Том 18, № 1 • 2024

Тема номера:
ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВО РОССИИ В СНГ

Партнеры журнала: Евразийская экономическая комиссия
Координационный совет Евразийского информационно-аналитического консорциума

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям:
5.2.1. Экономическая теория (экономические науки), 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки), 5.2.5. Мировая экономика (экономические науки); 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки); 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки), 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки), 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки).
Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде. Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций DOAJ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 199004, Санкт-Петербург,
В. О., 8-я линия, д. 61
Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Факс: (812) 335-42-16
https://www.eijournal.ru

© Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2024
© Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2024
© Редколлегия журнала «Евразийская интеграция: экономика, право, политика» (составитель), 2024
© Все права защищены

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY
AND PUBLIC ADMINISTRATION

NORTH-WEST INSTITUTE OF MANAGEMENT

ISSN 2073-2929
DOI 10.22394/2073-2929

EURASIAN INTEGRATION:

ECONOMICS, LAW, POLITICS

International Scientific and Analytical Journal

Vol. 18 No 1 • 2024

Topic of the Issue:
RUSSIAN FEDERATION'S CIS CHAIRMANSHIP

Partner of the journal: Eurasian Economic Commission
Coordinating Council of the Eurasian Information and Analytical Consortium

ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE: 199004, St. Petersburg,
V.O., 8th line, 61
Ph.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Fax: (812) 335-42-16
Website: https://www.eijournal.ru

© Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2024
© North-West Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2024
© Editorial Board of the Journal „Eurasian Integration: economics, law, politics“ (compilation), 2024
© All rights reserved
It is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГЛАЗЬЕВ Сергей Юрьевич, Член Коллегии (министр) по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, академик Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КЕФЕЛИ Игорь Федорович, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории стратегического планирования и евразийской интеграции СЗИУ РАНХиГС, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, эксперт РАН

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СОВЕТ

МЯСНИКОВИЧ Михаил Владимирович, Председатель международного научного совета, Председатель Коллегии Евразийской экономической комиссии, член-корреспондент НАН Беларуси, доктор экономических наук, профессор

ШАМАХОВ Владимир Александрович, научный руководитель международного научного совета, научный руководитель СЗИУ РАНХиГС, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса

СЛУЧЕВСКИЙ Вячеслав Владимирович, заместитель научного руководителя международного научного совета, советник научного руководителя Северо-Западного института управления РАНХиГС, кандидат исторических наук

АЛИМБЕКОВ Мусабек Тургынбекович, почетный профессор Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, доктор юридических наук (Казахстан)

БЕБЕНИН Сергей Михайлович, Председатель Законодательного собрания Ленинградской области

БОНДУРОВСКИЙ Владимир Владимирович, заместитель Ответственного секретаря ПА ОДКБ, кандидат юридических наук

БОРДЮЖА Николай Николаевич, председатель Координационного совета Евразийского информационно-аналитического консорциума (ЕИАК)

КОГУТ Виктор Григорьевич, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Национального собрания Республики Беларусь в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат политических наук

КУЧЕРЯВЫЙ Михаил Михайлович, доктор политических наук

ЛОКЯН Арсен Багдасарович, ректор Академии государственного управления Республики Армения, доктор психологических наук

МАКСИМЦЕВ Игорь Анатольевич, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук, профессор

РАХИМИ Фарход Кодирович, действительный член, президент Национальной академии наук Таджикистана, доктор физико-математических наук, профессор

САТВАЛДИЕВ Нурбек Абдрашитович, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Жогорку Кенеша Кыргызской Республики в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат политических наук

САФАРЗОДА Бахтовар Амирали, Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Таджикистан в Республике Беларусь, полномочный представитель Маджлиси Оли — парламента Республики Таджикистан в ПА ОДКБ, доктор юридических наук

ХАНЬ Лихуа, старший научный сотрудник Университета международного бизнеса и экономики (Китай), PhD, профессор

ЧИЛИНГАРЯН Айк Марселович, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Национального Собрания Республики Армения в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат экономических наук

ШУХНО Сергей Степанович, заместитель начальника отдела Департамента развития интеграции Евразийской экономической комиссии

ЭРКЕБАЕВ Абдыганы Эркебаевич, академик Национальной Академии наук Кыргызской Республики, председатель совета Ассамблеи народа Кыргызстана, доктор филологических наук

ЯКУНИН Владимир Иванович, заведующий кафедрой государственной политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор политических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АБАЙДЕЛЬДИНОВ Ербол Мусинович, профессор кафедры международного права Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, доктор юридических наук, профессор (Казахстан, Астана)

АКАЕВ Аскар Акаевич, доктор технических наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, иностранный член Российской академии наук (Кыргызстан)

АСАУЛ Максим Анатольевич, доктор экономических наук (Россия, Москва)

ВЕТРЕНКО Инна Александровна, заведующая кафедрой социальных технологий СЗИУ РАНХиГС, директор Исследовательского аналитического центра «Русская мечта», доктор политических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

ДЕНИСОВ Андрей Иванович, первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по международным делам, кандидат экономических наук (Россия, Москва)

ЕНГОЯН Ашот Пайлакович, заведующий кафедрой теории и истории политической науки Ереванского госуниверситета, доктор политических наук, профессор (Армения, Ереван)

ЕРЕМЕЕВ Станислав Германович, депутат Законодательного собрания Ленинградской области, доктор экономических наук, кандидат политических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

КАЗАНЦЕВ Андрей Анатольевич, директор аналитического центра Института международных исследований Московского государственного института международных отношений, доктор политических наук (Россия, Москва)

КАШКИН Сергей Юрьевич, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

КАЮМОВ Нуриддин Каюмович, академик Национальной академии наук Таджикистана, доктор экономических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

КИРИЛЕНКО Виктор Петрович, заведующий кафедрой международного и гуманитарного права СЗИУ РАНХиГС, академик РАЕН, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, редактор раздела «Право» (Россия, Санкт-Петербург)

КРОТОВ Михаил Иосифович, Полномочный представитель Федерального Собрания Российской Федерации — заместитель Ответственного секретаря ПА ОДКБ, доктор экономических наук, профессор (Россия, Москва, Санкт-Петербург)

КУКЛИНА Евгения Анатольевна, профессор кафедры бизнес-информатики СЗИУ РАНХиГС, доктор экономических наук, профессор, редактор раздела «Экономика» (Россия, Санкт-Петербург)

ЛЕБЕДЕВА Марина Михайловна, заведующая кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (Россия, Москва), доктор политических наук, профессор

ЛИВЕРОВСКИЙ Алексей Алексеевич, научный руководитель юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, заведующий кафедрой конституционного права, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович, профессор кафедры международного и гуманитарного права СЗИУ РАНХиГС, доктор экономических и юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

НОВИКОВА Ирина Николаевна, декан факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

РЕМЫГА Владимир Николаевич, генеральный директор Координационного центра «Экономический пояс Шелкового пути», доктор экономических наук (Россия, Москва)

СЕРГЕВНИН Сергей Львович, декан юридического факультета СЗИУ РАНХиГС, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

СКВОРЦОВ Олег Юрьевич, профессор кафедры коммерческого права СПбГУ, доктор юридических наук (Россия, Санкт-Петербург)

СТАРОВОЙТОВ Александр Александрович, эксперт юридического факультета СЗИУ РАНХиГС, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

ТОРОПЫГИН Андрей Владимирович, профессор кафедры международных отношений СЗИУ РАНХиГС, доктор политических наук, редактор раздела «Политика» (Россия, Санкт-Петербург)

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований Института государства и права РАН, главный редактор Евразийского юридического журнала, доктор юридических наук (Россия, Москва)

ХАШ-ЭРДЭНЭ Самбалхундэв, председатель общества «Знание» Монголии, доктор социологических наук, профессор (Монголия, Улан-Батор)

ЧЭНЬ ЧЖИГАН, вице-президент Китайского делового центра в Санкт-Петербурге, доктор экономических наук (Китай, Пекин)

CHIEF EDITOR

GLAZYEV Sergey, Member of the Board — Minister in charge of Integration and Macroeconomics of the Eurasian Economic Commission, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics

DEPUTY CHIEF EDITOR

KEFELI Igor, Leading Researcher of the Research Laboratory Institute for Strategic Planning and Eurasian Integration, North West Institute of Management, RANEPA, Doctor of Philosophy, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Expert of RAS

INTERNATIONAL SCIENTIFIC COUNCIL

MYASNIKOVICH Mikhail, Chairman of the International Scientific Council, Chairman of the Board of the Eurasian Economic Commission, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Doctor of Economics, Professor

SHAMAKHOV Vladimir, Scientific Supervisor of the Council, Research Supervisor of the North-West Institute of Management — branch of the RANEPA, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class

SLUCHEVSKY Vyacheslav, Deputy Scientific Supervisor of the Council, Advisor to the Research Supervisor of North-West Institute of Management of RANEPA, PhD in Historical Sciences

ALIMBEKOV Musabek, honorary professor of the L. N. Gumilyov Eurasian National University, Doctor of Laws

BEBENIN Sergey, Chair of the Legislative Assembly of the Leningrad Region

BONDUROVSKY Vladimir, Deputy Executive Secretary of the CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Law

BORDYUZHA Nikolai, Chairman of the Coordinating Council of the Eurasian Information and Analytical Consortium

KOGUT Viktor, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the National Assembly of the Republic of Belarus in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Political Sciences

KUCHERYAVY Mikhail, Doctor of Political Sciences

LOKYAN Arsen, Rector of the Academy of Public Administration of the Republic of Armenia, Doctor of Psychology

MAKSIMTSEV Igor, Rector of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Economics, Professor

RAHIMI Farhod, President of the National Academy of Sciences of Tajikistan, Doctor of Physics and Mathematics, Professor

SATVALDIEV Nurbek, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the Jogorku Kenesh of the Kyrgyz Republic in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Political Sciences

SAFARZODA Bakhtovar, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Republic of Tajikistan to the Republic of Belarus, Plenipotentiary Representative of Majlisi Oli — Parliament of the Republic of Tajikistan in the CSTO PA, Doctor of Laws

HAN Lihua, Senior Researcher of University of International Business and Economics (China), PhD, Professor

CHILINGARYAN Ayk, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the National Assembly of the Republic of Armenia in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Economics

SHUKHNO Sergey, Deputy Head of the subdivision of the Department for the Development of Integration of the Eurasian Economic Commission

ERKEBAYEV Abdygany, Academician of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Doctor of Philology

YAKUNIN Vladimir, Head of the State Policy Department of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Political Sciences, Professor

EDITORIAL BOARD

ABAYDELDINOV Erbol, Doctor of Laws, Professor, Department of Integrational Law, Faculty of Law, L. N. Gumilyov Evrasian National University (Kazakhstan, Astana)

AKAEV Askar, Doctor of Technical Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences (Kyrgyzstan)

ASAUL Maksim, Doctor of Economics (Russia, Moscow)

VETRENKO Inna, Head of the Department of Social Technologies of the North-West Institute of Management of the RANEPA, Director of the Research Analytical Center "Russian Dream" (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Political Sciences, Professor

DENISOV Andrey, First Deputy Chair of the Federation Council Committee on Foreign Affairs (Russia, Moscow), PhD in Economics

ENGOYAN Ashot, Head of the Department of Theory and History of Political Science of Yerevan State University (Armenia, Yerevan), Doctor of Political Sciences, Professor

YEREMEEV Stanislav, Deputy of the Legislative Assembly of the Leningrad Region (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Economics, PhD in Political Sciences, Professor

KASHKIN Sergey, Head of the Department of Integration and European Law of Moscow State Law University named after O. E. Kutafin, Professor, Department of "Zhan Monnet" (European Union) (Russia, Moscow), Doctor of Laws, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

KAZANTSEV Andrey, Director of Analytical Center, Institute of International Studies of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (Russia, Moscow), Doctor of Political Sciences

KAYUMOV Nuriddin, Academician of the National Academy of Sciences of Tajikistan (Tajikistan, Dushanbe), Doctor of Economics, Professor

KIRILENKO Viktor, Head of the Department of International and Humanitarian Law, North-West Institute of Management of RANEPA, academician of the Russian Academy of natural Sciences, Honored Lawyer of the Russian Federation, editor of the "Law" section (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Laws, Professor, Academician of RANS

KROTOV Mikhail, Plenipotentiary Representative of the Federal Assembly of the Russian Federation — Deputy Executive Secretary of the CSTO PA (Russia, Moscow, Saint Petersburg), Doctor of Economics, Professor

KUKLINA Evgenia, Chair of Business Informatics of North-West Institute of Management of RANEPA (Russia, Saint Petersburg), Editor of the "Economics" section, Doctor of Economics, Professor

LEBEDEVA Marina, Head of the Department of World Political Processes of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (Russia, Moscow), Doctor of Political Sciences, Professor

LIVEROVSKY Alexey, Scientific Director of the Faculty of Law of St. Petersburg State University of Economics, Head of the Department of Constitutional Law (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Laws, Professor

MISHALCHENKO Yuri, Professor of the Department of International and Humanitarian Law of the North-West Institute of Management of RANEPA (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Economics, Doctor of Laws, Professor

NOVIKOVA Irina, Dean of the Faculty of International Relations of St. Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg), Doctor of History, Professor

REMYGA Vladimir, Director-General of the Coordination Center "Economic Belt of the Silk Road" (Russia, Moscow), Doctor of Economics

SERGEVNIN Sergey, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of History and Theory of State and Law, North-West Institute of Management of RANEPA (Russia, Saint Petersburg), Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Laws, Professor

SKVORTSOV Oleg, Professor of the Department of Commercial Law, St. Petersburg State University, Doctor of Laws (Russia, Saint Petersburg)

STAROVOITOV Alexander, Expert of the Law Faculty, North-West Institute of Management of RANEPA (Russia, Saint Petersburg), Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Laws, Professor

TOROPYGIN Andrey, Professor North-West Institute of Management of RANEPA (Russia, Saint Petersburg), editor of the "Politics" section, Doctor of Political Sciences

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Doctor of Laws, Leading Researcher, Sector of International Legal Studies, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), Editor-in-Chief of the Eurasian Law Journal

KHASH-ERDENE Sambalhundev, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chairman of the society "Knowledge" of Mongolia (Mongolia, Ulan-Bator)

CHEN ZHIGAN, Doctor of Economics, Vice-President of the Chinese Business Center in Saint Petersburg (China, Beijing)

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:
ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА
Международный научно-аналитический журнал
Том 18, № 1 2024

Содержание

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Глазьев С. Ю.
На пути становления нового мирохозяйственного уклада ... 9

ГЛАВНОЕ

Лебедев С. Н.
Доклад Генерального секретаря Содружества Независимых Государств С. Н. Лебедева на тему: «О председательстве Российской Федерации в Содружестве Независимых Государств в 2024 году» ... 11

Кротов М. И.
Евразийский экономический союз и многополярная глобализация ... 15

ЭКОНОМИКА

Погребцова Е. А.
Стратегия социально-экономического приграничного сотрудничества в региональном разрезе (на примере Омской области и Республики Казахстан) ... 25

Русинов И. А., Щербинин Н. В.
Международный опыт регулирования линейного контейнерного судоходства в транспортной системе ... 38

Федченко А.А., Борисова Л. И.
Опыт и перспективы развития российско-таджикского сотрудничества в сфере образования ... 48

ПРАВО

Кириленко В. П., Гусейнова Д. М.
Правовое регулирование параллельного импорта в государствах Евразийского региона ... 60

Дроздова М. А., Покровская О. Д.
Актуальные вопросы международно-правового регулирования сотрудничества ЕАЭС — Китай в транспортно-логистической сфере ... 71

Шеповалова О. А.
Совершенствование правового регулирования косвенной судебной юрисдикции в Евразийском экономическом союзе ... 81

ПОЛИТИКА

Кочарян В. К., Сторогин М. С.
Транспарентность сведений о регионах ОДКБ в контексте информационного противоборства и когнитивной безопасности ... 90

Иванцов А. В.
Информационный суверенитет Республики Беларусь и Российской Федерации: направления обеспечения и пути их совершенствования ... 100

Голуб К. Ю.
Актуальные подходы к совершенствованию консенсусных механизмов принятия решений в международных региональных организациях ... 109

Мартынова Е. С.
К вопросу о методологии оценивания эффективности интеграционных объединений на примере АСЕАН и ЕАЭС ... 118

Ирошкина Т. В.
Особенности внедрения целей устойчивого развития в региональные интеграционные системы стран ЕАЭС ... 130

Михневич С. В., Аксенов М. А.
Место евразийского бизнеса в процессах развития евразийской экономической интеграции ... 140

Малинина С. А.
Институциональная регламентация Миссии наблюдателей от СНГ в избирательных кампаниях и освещение ее деятельности в средствах массовой информации ... 153

EURASIAN INTEGRATION: ECONOMICS, LAW, POLITICS
International scientific and analytical journal
Vol. 18, No. 1 2024

CONTENTS

FROM THE EDITOR-IN-CHIEF

Sergei Yu. Glazyev
On the Path to the Formation of a New World Economic Order 9

MAIN

Sergey N. Lebedev
Report of the Secretary-General of the Commonwealth of Independent States Sergey Lebedev on the topic: "On the Chairmanship of the Russian Federation in the Commonwealth of Independent States in 2024" 11

Mikhail I. Krotov
The Eurasian Economic Union and Multipolar Globalization 15

ECONOMICS

Elena A. Pogrebtsova
Strategy for Socio-economic Cross-border Cooperation in the Regional Context (the Example of the Omsk Region and the Republic of Kazakhstan) 25

Igor A. Rusinov, Nikita V. Shcherbinin
International Practice of Liner Container Shipping Regulation in the Transport System 38

Anna A. Fedchenko, Lyubov I. Borisova
Experience and Prospects for the Development of Russian-Tajik Cooperation in the Field of Education 48

LAW

Viktor P. Kirilenko, Dinara M. Guseinova
Legal Regulation of Parallel Import in the States of the Eurasian Region 60

Maria A. Drozdova, Oksana D. Pokrovskaya
Current Challenges of International Legal Regulation of EAEU — China Partnership in Transport and Logistics 71

Olesia A. Shepovalova
Improving the Legal Regulation of Indirect Judicial Jurisdiction in the Eurasian Economic Union 81

POLITICS

Vyacheslav K. Kocharian, Maksim S. Storogin
Transparency of Information about the CSTO Collective Security Regions in the Context of Hybrid Warfare and Cognitive Security 90

Aleksei V. Ivantsov
Information Sovereignty of the Republic of Belarus and the Russian Federation: Directions for Ensuring and Ways to Improve them 100

Kirill Yu. Golub
Current Approaches to Improving Consensus Decision-Making Mechanisms in International Regional Organizations 109

Elena S. Martynova
To the Question of the Methodology for Evaluating the Effectiveness of Integration Associations on the Example of ASEAN and EAEU 118

Tatyana V. Iroshkina
Features of the Implementation of Sustainable Development Goals in the Regional Integration Systems of the EAEU Countries 130

Sergey V. Mikhnevich, Maxim A. Aksenov
Eurasian Business in Developing Eurasian Economic Integration 140

Svetlana A. Malinina
Institutional Regulation of the CIS Observer Mission in Election Campaigns and Coverage of Its Activities in the Media 153

(cc) BY

DOI: 10.22394/2073-2929-2024-01-9-10

EDN: AKIQZW

На пути становления нового мирохозяйственного уклада

Согласно прогнозу, 2024 год — переломный в смене мирохозяйственных укладов (МХУ). Подготовительный этап этой смены достаточно длителен. Так, предыдущий переходный период охватил Первую и Вторую мировые войны и завершился победой Советского Союза в Великой Отечественной войне, что привело к противостоянию двух мировых систем — социалистической и капиталистической в рамках нового МХУ. Имея противоположные политико-идеологические системы, они были очень похожи с точки зрения систем управления развитием экономики. Вертикально интегрированные производственные объединения и министерства в Советском Союзе и крупные корпорации капиталистических стран объединяли воспроизводственные контуры полного жизненного цикла промышленного производства. Велось безграничное кредитование наращивания массового производства посредством целевой эмиссии денег в интересах государства Госбанком СССР под финансирование капитальных вложений у нас и Федеральной резервной системой под размещение казначейских облигаций в США. СССР с партнерами по СЭВ строил социализм с бесплатным всеобщим образованием и здравоохранением, США и их западноевропейские сателлиты — социальное государство всеобщего благосостояния. Советский Союз тиражировал свою систему управления в странах социалистической ориентации, американо-европейские транснациональные корпорации эксплуатировали остальных. Закат этого МХУ начался с распада СССР, а его завершение ожидается с распадом Pax Americana.

Нынешний переходный период также сопровождается мировой войной — гибридной, поскольку ведется, главным образом, за контроль над деньгами и умами на валютно-финансовом, идеологическом и торгово-экономическом фронтах, а военные операции на территориях применяются в качестве карательных для подавления сопротивления уже поверженного противника. Мировые войны существенно отличаются между собой, так как ведутся на разной технологической основе и в разных институциональных условиях. При этом они схожи с точки зрения логики организующих их сил. В конце каждого векового системного цикла накопления капитала, по заверению итальянского экономиста Дж. Арриги, властвующая элита доминирующей в мировой экономике страны стремится любым способом сохранить существующий мирохозяйственный уклад, провоцируя мировую войну с целью сокрушения поднимающих головы конкурентов, сильно недооценивая их потенциал.

Так же, как Великобритания спровоцировала две мировые войны с целью сохранения своего глобального доминирования путем взаимного уничтожения растущих конкурентов, в настоящее время США ведут нескончаемую череду региональных гибридных войн и цветных революций, хаотизируя и сталкивая между собой неконтролируемые ими страны. Как и Великобритания, добившаяся в результате Первой мировой войны самоустранения всех своих конкурентов в Европе, США способствовали развалу СССР и СЭВ, после чего их апологеты объявили о «конце истории». В течение последовавшего десятилетия после Первой мировой вплоть до Великой депрессии Великобритания достигла пика могущества, а США вплоть до мирового финансового кризиса 2008 г. фактически контролировали весь мир. Как Великобритания после вхождения мировой экономики в Великую депрессию начала торговую войну

с главным конкурентом (США), а затем спровоцировала Вторую мировую войну между двумя главными конкурентами в Евразии, так и США с началом мирового финансового кризиса начали торговую войну с Китаем, а затем организовали войну с участием своих европейских сателлитов против России.

Современная мировая гибридная война идет за контроль над умами и деньгами. Китай и Индия выигрывают эту войну на обоих фронтах, благодаря сочетанию привлекательной для народа социалистической идеологии и безграничному государственному кредитованию рыночной экономики в интересах повышения народного благосостояния. Российской Федерации, очевидно, необходимо следовать в этом же направлении.

Российская экономика работает наполовину своих потенциальных возможностей из-за чрезмерно жесткой денежной политики. Недостаточное предложение кредита не позволяет связать в процессе воспроизводства около 40% производственных мощностей. В машиностроении простаивает до 70% производственных мощностей из-за отсутствия возможностей кредитования оборотных средств. Отсутствие долгосрочного кредита не дает возможности профинансировать создание капиталоемких перерабатывающих производств. Огромный потенциал роста российской экономики уходит вместе с экспортом сырьевых товаров, доля которого достигает 80% производства. Наряду с недогрузкой производственных мощностей на промышленных предприятиях имеется до 20% резервов повышения производительности труда. Не задействован в должной мере и научно-технический потенциал, судя по продолжающейся эмиграции ученых и инженеров. Иными словами, у российской экономики сегодня нет ограничений роста по факторам производства. Единственное ограничение — искусственно созданный Банком России барьер в доступе к кредиту, тогда как имеющийся ресурсный потенциал позволяет обеспечить прирост выпуска продукции на 8%, а инвестиций — на 20% при проведении научно обоснованной экономической и финансовой политики[1].

Вместо того чтобы отвоевать наш внутренний рынок, освободившийся после ухода западных корпораций и товаров, заполнив его производством наших товаров, мы его уступаем восточным партнерам. Судя по сокращению доли импорта в ВВП, потенциал импортозамещения реализован не более чем наполовину. Другая половина прекратившегося из недружественных стран импорта замещается ввозом товаров из дружественных стран, главным образом из Китая. При этом структура внешней торговли России с КНР оказывается хуже, чем была с ЕС: конкурентоспособными на китайском рынке оказываются преимущественно товары невысокого передела. Доля несырьевого неэнергетического экспорта в КНР велика лишь в союзной Республике Беларусь (93,5%), где, однако, основу экспорта составляют преимущественно товары невысокого уровня переработки.

Будем надеяться, что научно обоснованная стратегия и политическая воля вновь избранного Президента Российской Федерации В. В. Путина послужат залогом ускоренного и согласованного вхождения СНГ в новый мирохозяйственный уклад в качестве равноправного геополитического и геоэкономического актора.

Главный редактор
Сергей Глазьев

[1] *С. Глазьев*. О механизмах реализации целей национального развития России в условиях смены технологических и мирохозяйственных укладов. М. : Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. Т. 230. № 4. С. 66–70.

CC BY

DOI: 10.22394/2073-2929-2024-01-11-14

EDN: ANKYTO

15.02.2024

Доклад Генерального секретаря Содружества Независимых Государств С. Н. Лебедева на тему: «О председательстве Российской Федерации в Содружестве Независимых Государств в 2024 году»[1]

Признателен за приглашение к участию в настоящих слушаниях.

Действующий в Содружестве институт председательства дает возможность каждому из государств-участников внести и реализовать свои предложения и идеи по повышению эффективности нашего сотрудничества. Россия играет ведущую роль в СНГ, поэтому у нее есть что предложить странам — партнерам по Содружеству. В этом смысле представленная Российской Федерацией «Концепция председательства в Содружестве Независимых Государств в 2024 году»[2] отличается стратегическим характером и является по сути программой для дальнейшего укрепления и развития СНГ.

Мы знаем, что работа над подготовкой Концепции председательства и Плана мероприятий по ее реализации была начата российской стороной еще в начале прошлого года. Этот факт сам по себе свидетельствует об ответственном отношении Российской Федерации к предстоящему председательству. Основные положения Концепции были изложены Президентом России В. В. Путиным в октябре 2023 года на саммите глав государств в Бишкеке[3] и еще более детально обсуждены на неформальной встрече президентов стран СНГ в Санкт-Петербурге 26 декабря 2023 года[4].

Исходя из того, что основные положения Концепции председательства России в Содружестве вам известны, позвольте мне остановиться на роли Исполнительного комитета СНГ в ее реализации.

В Исполком Концепция председательства России и План мероприятий по ее реализации поступили заблаговременно. Это позволило нам разработать и еще 25 декабря 2023 года утвердить Рабочий план Исполкома СНГ по оказанию содействия в реализации Концепции председательства России. Данный план стал самым масштабным за все время существования института председательства, начиная с 2009 года, и охватил практически вдвое больше мероприятий, чем аналогичные планы в прошлом. План состоит из 12 разделов по направлениям сотрудничества и включает 146 мероприятий, в реализации которых будут задействованы все уставные и отраслевые органы СНГ.

Конечно же, приоритетным направлением является **экономическое сотрудничество.** Поэтому основные усилия будут сосредоточены на выполнении и мониторинге Плана мероприятий по реализации Стратегии экономического развития СНГ на период до 2030 года. Важной задачей является также полноценный запуск зоны свободной торговли товарами и услугами с учетом подписанного в 2023 году Соглашения о свободной торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций. В экономическом взаимодействии государств — участников СНГ этот вопрос сегодня является наиболее актуальным.

---

[1] В статье представлены основные положения выступления Генерального секретаря СНГ С. Н. Лебедева на парламентских слушаниях Комитета Государственной Думы РФ по делам Содружества Независимых Государств, евразийской интеграции и связям с соотечественниками на тему: «О путях реализации Концепции председательства Российской Федерации в Содружестве Независимых Государств в 2024 году» 15 февраля 2024 года (Здание Государственной Думы. Малый зал).

[2] Концепция председательства Российской Федерации в Содружестве Независимых Государств в 2024 году [Электронный ресурс] // Президент России (сайт). 01.01.2024. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/73203 (дата обращения: 01.03.2024).

[3] Выступление Президента России на заседании Совета глав государств — участников СНГ в расширенном составе [Электронный ресурс] // Президент России (сайт). 13.10.2023. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72501 (дата обращения: 01.03.2024).

[4] В Константиновском дворце состоялась неформальная встреча лидеров стран — участниц Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс] // Президент России (сайт). 26.12.2023. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/73171 (дата обращения: 01.03.2024).

Особое внимание будет уделено развитию взаимодействия в сферах энергетики, промышленной и агропромышленной кооперации, транспорта и связи, межрегионального и приграничного сотрудничества, научно-технического взаимодействия, а также расширению использования национальных валют во взаимных расчетах и реализации Межгосударственной программы инновационного сотрудничества государств СНГ на период до 2030 года.

В частности, в этом году планируется внести на рассмотрение высших органов СНГ Концепцию сотрудничества в сфере энергетики на период до 2035 года, План действий по оптимизации инфраструктуры и развитию международных транспортных коридоров, проходящих по территориям государств СНГ, Меморандум о сотрудничестве в области цифровой трансформации транспортного комплекса и другие документы.

Уважаемые коллеги!

Я уже как-то публично говорил, что экономика является каркасом, скелетом, на котором базируется все наше взаимодействие в рамках СНГ. А вот душой, внутренним содержанием этого взаимодействия является **гуманитарное сотрудничество**. Действительно, культурно-гуманитарная тема имеет важнейшее значение для взаимоотношений и государств, и народов Содружества, что нашло четкое подтверждение в Концепции российского председательства. Достаточно сказать, что этому направлению посвящены 44% запланированных мероприятий. Только их перечисление займет достаточно времени. Я не могу взять на себя ответственность выделить из них наиболее важные и полезные. Очевидно, что независимо от масштаба каждое культурно-гуманитарное мероприятие по-своему необходимо, каждое несет свой положительный импульс в деле сохранения и развития общей культурной среды. Поэтому скажу так: буквально еженедельно в разных странах Содружества проходят совместные мероприятия в сфере культурного сотрудничества, науки, образования, здравоохранения, спорта, туризма, молодежного и волонтерского движения.

В **сфере безопасности** основной задачей определено совместное противодействие традиционным и новым вызовам и угрозам, а также обеспечение эффективной реализации мероприятий, предусмотренных Концепцией военного сотрудничества государств — участников СНГ до 2025 года и тремя целевыми межгосударственными программами: а) совместных мер борьбы с преступностью на 2024–2028 годы; б) сотрудничество в борьбе с терроризмом и экстремизмом на 2023–2025 годы; в) сотрудничество в укреплении пограничной безопасности на внешних границах на 2021–2025 годы. Одновременно мы намерены оперативно завершить согласование проекта новой программы в области дерадикализации.

В Концепции российского председательства очень четко сформулированы цели и задачи в сфере **внешнеполитического взаимодействия.** При этом одной из важнейших задач названо развитие международных связей Содружества. На саммите СНГ в Бишкеке была создана необходимая для этого правовая база — принято решение об учреждении статусов наблюдателя и партнера СНГ. Могу доложить, что на межмидовских консультациях решено в ближайшее время начать экспертное рассмотрение потенциальных кандидатов. Также особое внимание планируется уделять выработке совместных позиций по актуальным международным и региональным темам, продолжению практики принятия в СНГ политических заявлений и их продвижения на авторитетных площадках, прежде всего в ООН.

Уважаемые коллеги!

Говоря о мерах по реализации Концепции российского председательства в Содружестве, хочу отметить, что она содержит ряд качественно новых положений, на которых следовало бы сфокусировать особое внимание.

В частности, представляется оправданным выделить в качестве отдельного направления работы комплекс мер по **сохранению исторической памяти об общем прошлом, по противодействию попыткам фальсификации истории и героизации нацизма**.

2025 год объявлен в Содружестве Годом 80-летия Победы в Великой Отечественной войне — Годом Мира и Единства в борьбе с нацизмом. Главами правительств принят План мероприятий по подготовке и празднованию очередной годовщины Победы. Ведется согласование единой памятной медали.

Планируется также принять соответствующее обращение глав наших стран к народам государств СНГ и мировой общественности.

В отдельный блок выделено продолжение работы **по укреплению позиций русского языка в Содружестве.** Только что завершился Год русского языка как языка межнационального общения, выполнен масштабный план мероприятий по его проведению (155 пунктов). Учреждена Международная организация по русскому языку. Наша задача — обеспечить скорейший запуск ее практической деятельности. В плане Исполкома СНГ также оказание содействия российскому председательству в создании виртуальных читальных залов на русском языке для обслуживания удаленных пользователей и мобильных библиотек в государствах СНГ, проведение ряда форумов.

Отдельно российским председательством поставлена задача в текущем году начать практическую работу **Комиссии по правам человека СНГ** и **Комиссии уполномоченных по правам ребенка (омбудсменов)** государств — участников СНГ. Уже сформированы планы работы обеих комиссий на этот год. В числе приоритетов — совершенствование национальных законодательств, обмен опытом в области социальных гарантий, защита прав мигрантов и членов их семей.

Сотрудничество в **миграционной сфере** также вынесено в число отдельных приоритетов российского председательства. В частности, поставлена задача завершить работу над актуализированной Концепцией поэтапного формирования общего рынка труда и регулирования миграции рабочей силы государств СНГ (текущая редакция — от 17 марта 2017 г.)[1].

В этой аудитории нельзя не сказать и о том, что отдельной темой российского председательства определено **дальнейшее совершенствование межпарламентского сотрудничества.** В частности, речь идет о повышении роли Межпарламентской Ассамблеи СНГ в формировании единого правового пространства, гармонизации законодательства, а также в такой крайне востребованной сфере, как наблюдение за выборами. Не сомневаюсь, что в рамках сегодняшних слушаний прозвучат рекомендации по всему спектру этого направления деятельности.

Говоря о роли Исполкома в реализации Концепции российского председательства, я должен сказать и о нашей важнейшей функции, т. е. о **подготовке и проведении заседаний высших органов Содружества**. Это наша традиционная, но весьма ответственная задача на текущий год.

Кроме того, в качестве председателя Российская Федерация выдвинула задачу **повышения эффективности органов СНГ**. В частности, речь идет о совершенствовании принципов функционирования Совета постпредов и уточнении его функций в целях их адаптации к современным потребностям Содружества. Крайне актуален вопрос об укреплении роли отраслевых органов сотрудничества, прежде всего в деле разработки концептуальных и программных документов.

Большое значение российское председательство придает работе в информационном пространстве с акцентом на освещение положительной динамики интеграционных процессов, **популяризацию исторической общности и культурного разнообразия наших стран.**

В этих целях Исполком будет способствовать углублению взаимодействия между ведущими СМИ государств СНГ. При этом МТРК «Мир» рассматривается в качестве одного из главных информационных партнеров по освещению мероприятий российского председательства. В январе в течение двух дней в Исполкоме прошла рабочая встреча с руководством МТРК «Мир», на которой мы подробно обсудили вопросы текущей деятельности телерадиокомпании, а также ее участие в реализации мероприятий председательства Российской Федерации в Содружестве Независимых Государств в 2024 году.

---

[1] Как сообщала пресс-служба Исполнительного комитета СНГ, 23 мая 2023 года в штаб-квартире СНГ состоялось заседание экспертной группы по согласованию проектов Концепции поэтапного формирования общего рынка труда и регулирования миграции рабочей силы стран СНГ и Решения Экономического совета по данному вопросу. Согласованный проект Концепции был направлен на внутригосударственное согласование, после чего в установленном порядке они будут внесены на рассмотрение Экономического совета СНГ. Отмечалось, что актуализация Концепции поэтапного формирования общего рынка труда и регулирования миграции рабочей силы и разработка Плана мероприятий по ее реализации были прописаны в Плане мероприятий по реализации первого этапа (2021–2025 годы) Стратегии экономического развития СНГ на период до 2030 года. Проекты обновленной Концепции и Решения Экономического совета были одобрены в сентябре 2022 года Консультативным Советом по труду, занятости и социальной защите населения государств — участников СНГ. [Электронный ресурс] // Интернет-портал СНГ (сайт). 23.05.2023. URL: https://e-cis.info/news/564/109274/?sphrase_id=81995(дата обращения: 01.03.2024).

Уважаемые коллеги!

В своем выступлении я остановился на основных приоритетах работы в текущем году. Конечно же, будем прилагать усилия по углублению интеграционных связей и по другим направлениям. Это обусловлено тем, что Содружество сейчас переживает новый этап развития. Жизнь диктует нам необходимость активизировать наше взаимодействие. И государства СНГ это делают, успешно преодолевая трудности: увеличился товарооборот между странами СНГ, возросло инновационное сотрудничество. Но останавливаться нельзя, нам есть к чему стремиться.

В заключение хочу сказать, что Исполком СНГ и далее будет использовать все имеющиеся ресурсы и опыт для оказания эффективного содействия Российской Федерации в реализации функций ее председательства в СНГ.

Благодарю за внимание.

С. Н. Лебедев
Генеральный секретарь СНГ (с 5 октября 2007 года),
генерал армии, Чрезвычайный и Полномочный Посол

Источник: Парламентские слушания Комитета по делам Содружества Независимых Государств, евразийской интеграции и связям с соотечественниками на тему: «О путях реализации Концепции председательства Российской Федерации в Содружестве Независимых Государств в 2024 году»

CC BY

DOI: 10.22394/2073-2929-2024-01-15-24

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ: 5.1.5, 5.5.4

EDN: ANLSZC

Евразийский экономический союз и многополярная глобализация

Кротов М. И.
МГУ им. М. В. Ломоносова, Факультет мировой политики, Москва, Российская Федерация
e-mail: mi-krotov@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4605-017X

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются пути разрешения противоречия между глобализацией и национальным суверенитетом в условиях перехода к многополярному мироустройству. Показаны основные особенности формируемой многополярной модели глобализации. Сквозь призму евразийской интеграции проанализированы отличия имевшего место партнерства России со странами Запада от ее партнерства со странами Глобального Востока и Глобального Юга. Раскрыта особая роль Евразийского экономического союза и России в становлении справедливого многополярного мира.

Цель. Обоснование интеграционной политики России в условиях ее глобального противостояния с Западом.

Задачи. Исследование роли мегарегуляторов и регионализации в разрешении противоречий между глобальным характером экономики и национальным суверенитетом в условиях перехода к многополярному мироустройству. Анализ развития ЕАЭС, его органов и институтов как фактора разрешения противоречия между старыми и новыми лидерами глобализации.

Методология. Системный подход к изучению евразийской интеграции в процессе становления и развития многополярной глобализации. Многолетний практический опыт участия в конкретных процессах евразийской интеграции.

Результаты. Показаны пути укрепления экономического суверенитета стран ЕАЭС на основе институционального развития евразийской интеграции и формирования новых мегарегуляторов в рамках ШОС и БРИКС.

Выводы. Многополярная глобализация необратима. При этом ведущую роль в этом процессе приобретают ЕАЭС, ШОС и БРИКС. Российской Федерации необходимо критически пересмотреть свое партнерство с западными странами и организациями с учетом их троякой роли по отношению к нашей стране: противники, соперники, партнеры.

Ключевые слова: многополярная глобализация, экономический суверенитет, евразийская интеграция, мегарегуляторы, ШОС, БРИКС, ЕАЭС

Для цитирования: Кротов М. И. Евразийский экономический союз и многополярная глобализация // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 1. С. 15–24. https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-01-15-24. EDN: ANLSZC

The Eurasian Economic Union and Multipolar Globalization

Mikhail I. Krotov
Lomonosov Moscow State University, Faculty of World Politics of Russia and CIS countries, Moscow, Russian Federation
e-mail: mi-krotov@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4605-017X

ABSTRACT

The article discusses ways to resolve the contradiction between globalization and national sovereignty in the context of the transition to a multipolar world order. The main features of the emerging multipolar model of globalization are shown. Through the prism of Eurasian integration, the differences between Russia's partnership with the countries of the West and its partnership with the countries of the Global East and the Global South are analyzed. The special role of the Eurasian Economic Union and Russia in the formation of a just multipolar world is revealed.

Aim. To substantiate Russia's integration policy in the context of its global confrontation with the West.

Tasks. To study the role of mega-regulators and regionalization in resolving the contradictions between the global nature of the economy and national sovereignty in the context of the transition to a multipolar world order. Analysis of the development of the EAEU, its bodies and institutions as a factor in resolving the contradiction between the old and new leaders of globalization.

Methods. A systematic approach to the study of Eurasian integration in the process of formation and development of multipolar globalization. Many years of practical experience in participating in specific processes of Eurasian integration.

Results. The ways of strengthening the economic sovereignty of the EAEU countries based on the institutional development of Eurasian integration and the formation of new mega-regulators within the framework of the SCO and BRICS are shown.

Conclusions. Multipolar globalization is irreversible. At the same time, the EAEU, SCO and BRICS are gaining a leading role in this process. The Russian Federation needs to critically review its partnership with Western countries and organizations, taking into account their threefold role in relation to our country: opponents, rivals, partn.

Keywords: multipolar globalization, economic sovereignty, Eurasian integration, mega-regulators, SCO, BRICS, EAEU

For citing: Krotov M. I. The Eurasian Economic Union and Multipolar Globalization // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 1. P. 15–24. (In Russ.)

https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-01-15-24. EDN: ANLSZC

Введение

В условиях формирования справедливого многополярного мира лидеры Большой Евразии — Россия, Китай и отчасти Индия — выступают альтернативными Западу центрами мирового устройства. Противоречие между старыми (Большая семерка) и новыми мировыми лидерами — основное противоречие современного политического процесса. Оно разрешается в ходе усиления геостратегической роли лидеров Большой Евразии и связанных с ними евразийских региональных объединений: ШОС, ЕАЭС, ОДКБ, СНГ, а также на межконтинентальном уровне БРИКС. Другими словами, настоящее и будущее Азии, Африки и Латинской Америки, освобождение Глобального Юга и Глобального Востока от неоколониальной зависимости напрямую зависит от успеха евразийской интеграции как главного условия построения справедливого полицентричного мира.

Евразийская интеграция ставит перед научной теорией ряд фундаментальных вопросов. Какова роль евразийской интеграции в разрешении противоречий экономической глобализации? Каково соотношение глобализации и регионализации в условиях формирования многополярного мира? В чем кардинальное отличие экономического и политического партнерства России со странами Востока в отличие от фактически прекращенного партнерства с Западом? Каковы приоритеты институционального строительства ЕАЭС?

Пути разрешения противоречия между глобализацией и экономическим суверенитетом в условиях перехода к многополярности

Многополярный мир формируется в условиях экономической глобализации, основу которой образует процесс формирования общего мирового рынка товаров, услуг, капиталов, труда и информации.

При этом важно отличать процесс экономической глобализации от социально-, культурно-, идеологической глобализации, осуществляемой США и их партнерами после распада СССР, от навязывания миру античеловеческих в своей основе ценностей западной модели цивилизации, которым объективно противостоят ценности государств-цивилизаций России, Китая и Индии.

Либерализация глобального рынка, способствующая разделению труда и кооперации в мировом масштабе, ограничивает экономический и технологический суверенитет национальных государств. Протекционизм, импортозамещение усиливают экономический суверенитет и независимость стран. Глобальный характер международной экономической системы, отмечал Г. Киссинджер, вступает в противоречие с политической структурой мира, основанной на концепции национального государства [2]. Как разрешается это противоречие?

Разрешение противоречия между глобализацией и национальным суверенитетом осуществляется двумя путями. Во-первых, путем делегирования части национальных суверенных полномочий подконтрольным США мегарегуляторам: глобальным международным организациям и институтам (МВФ, Мировому банку, ВТО, Федеральной резервной системе США, Базельскому комитету). Например, в соответствии с соглашением с МВФ (подписано в 1992 г.) ЦБ РФ обязан проводить валютную политику по его нормативам и критериям. Этим во многом объясняется финансовая политика ЦБ, тормозящая развитие российской экономики. «Открытость национальной экономики и ее полное вхождение в мировую валютную систему на основе норм и правил Запада просто не оставляет возможности для российской экономики быть не втянутой в мировые финансово-экономические кризисы, обеспечить защиту от импорта инфляции спекулятивных операций, неэквивалентного товарообмена, а также оттока капиталов из страны, особенно в моменты, когда она нуждается в инвестициях» [3]. При этом Россия не исключение: аналогичные неоколониальные обязательства в 90-е годы взяли многие страны Востока и Юга. Однако в отличие от нашей страны в большинстве стран мира центробанки принимают решения только после консультаций с правительствами. Поэтому подчинение Правительству Центрального банка ослабит зависимость России от подконтрольных США мегарегуляторов и усилит экономический суверенитет государства. Пока же даже в условиях специальной военной операции Центробанк России упорно противостоит позиции правительства по введению валютного контроля и без согласования с ним устанавливает завышенную ключевую ставку.

Во-вторых, противоречие между глобализацией и национальным суверенитетом разрешается путем регионализации — формирования региональных рынков товаров, услуг, капиталов, труда, информации в ходе создания интеграционных межгосударственных объединений (Европейский союз, Евразийский экономический союз, МЕРКОСУР, НАФТА и т. п.). И органам этих объединений, как и мегарегуляторам, передается часть национальных суверенных прав. В результате страны интегрируются в мировую экономику во многом через региональные объединения и глобальные институты.

Регионализация может укреплять доминирование Запада, как это имеет место при вступлении в ЕС или заключении соглашений об ассоциации с ним бывших советских республик. Но может и подрывать это доминирование, придавая глобализации многополярный характер. На евразийском пространстве господству Большой семерки противостоят ЕАЭС, ОДКБ, СНГ, ШОС, в межконтинентальном пространстве — БРИКС. Иными словами, на смену однополярной глобализации приходит не регионализация, как иногда утверждают, а новый вид экономической глобализации — многополярный. Россия и другие государства ЕАЭС интегрируются в мировую экономику не только непосредственно, но и во многом опосредованно через евразийские организации и институты. Поэтому утверждение о замене глобализации регионализацией, прозвучавшее в выступлениях некоторых видных политиков на ПМЭФ-2022[1], представляется дискуссионным. Экономическая глобализация необратима. Президент России В. В. Путин справедливо говорит не об исчезновении экономической глобализации, а о ее качественном изменении, становлении многополярного и справедливого глобального мироустройства: «Сейчас вся глобальная система

[1] Касым-Жомарт Токаев принял участие в работе юбилейного 25-го Петербургского международного экономического форума [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. 17.06.2022. URL: https://www.akorda.kz/ru/kasym-zhomart-tokaev-prinyal-uchastie-v-rabote-yubileynogo-25-go-peterburgskogo-mezhdunarodnogo-ekonomicheskogo-foruma-1754422 (дата обращения: 13.02.2024).

экономических отношений проходит этап коренных и … необратимых изменений. Они связаны с тем, что на смену прежней модели глобализации приходит многополярная модель»[1].

В табл. 1 показаны основные отличительные черты старой (однополярной) и новой переходной к многополярности моделей глобализации. Страны Глобального Востока и Глобального Юга пытаются подорвать господство Запада путем реформирования действующей системы мегарегуляторов, повышая свою роль в МВФ и ВТО. Однако их надежды пока не оправдываются. В МВФ странам БРИКС не удалось получить блокирующий пакет (15%), а ВТО из-за полярности интересов развитых и развивающихся стран переживает кризис и не реформируется.

Таблица 1

Модели глобализации

Table 1. Models of globalization

Старая	Новая (переходная к многополярности)
Однополярность — единоличное лидерство США	Многополярность — взаимодействие старых (Большая семерка) и новых лидеров (Китай, Россия, Индия, Бразилия)
Финансовое господство США. Доллар — мировая валюта	Начало подрыва финансового господства США. Переход на национальные валюты в двусторонней торговле, превращение юаня и рубля в резервные и инвестиционные валюты
Институты глобализации, мегарегуляторы (МВФ, Мировой банк, ВТО, Федеральная резервная система США, ЕЦБ, ЕБРР) подконтрольны США и их союзникам	Сочетание старых и новых институтов глобализации (Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Новый банк развития, Евразийский банк развития)
Организации и политические форматы глобализации (НАТО, ЕС, ОБСЕ, Большая семерка) подконтрольны США	Сочетание старых прозападных организаций и политических форматов с новыми независимыми (ШОС, БРИКС, ОДКБ, РИК)
США — двигатель либерализма в экономике, инициатор соглашений о свободной торговле (Азиатско-Тихоокеанское партнерство, США — ЕС)	КНР — двигатель либерализма в экономике, инициатор проекта «Один пояс — один путь» (более 60 стран), ШОС, БРИКС. США — сторонник протекционизма, вышли из АТП, заморозили переговоры США — ЕС по свободной торговле
Распространение западных либеральных ценностей в качестве мирового эталона	Защита новыми лидерами традиционных ценностей, доведение Большой семеркой либеральных ценностей до абсурда (антихристианская, антимусульманская, антибуддистская, антииндуистская идеология и политика)
Цивилизованный развод стран, составлявших единый народнохозяйственный комплекс СССР, невозможность создания Большой Евразии	Укрепление Евразийского экономического союза, радикальный поворот экономик России и Белоруссии на Глобальный Восток и Глобальный Юг (Азия, Латинская Америка, Африка)
Интеграция стран СНГ в западную экономику (США и ЕС), ведущая к потере технологического, экономического и политического суверенитета	Внеправовые глобальные западные санкции, разрыв экономических связей России со странами Большой семерки. Восстановление технологической независимости и экономического суверенитета России и ЕАЭС

Источник: составлено автором

Поэтому наиболее перспективный путь перехода к многополярной модели глобализации — создание антизападных мегарегуляторов. Государства — участники ШОС, БРИКС, ЕАЭС доминируют в новых развивающихся финансовых институтах глобализации (Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Новый банк, Евразийский банк развития, Фонд шелкового пути, Евразийский фонд стабилизации и развития и т. д.). Серьезной альтернативой западной платежной системе SWIFT является созданная на базе Нового банка система BRICS — PAY, к которой уже подключились наши Сбербанк и ВТБ. Однако эти новые глобальные институты развития пока оперируют долларами и поэтому сохраняют зависимость от США. Новый банк, например, хотя и является банком БРИКС, присоединился к антироссийским санкциям. В период российского председательства в БРИКС в 2024 г. важно предложить партнерам новую международную финансовую модель, основанную на альтернативной доллару мировой валюте. «Основу такой модели должна составить следующая комбинаторика: золото — товарный индекс — криптовалюта — индекс выживания (безопасности)» [3].

[1] Инвестиционный форум «Россия зовет!» [Электронный ресурс] // Президент России (офиц. сайт). 07.12.2023. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/72926 (дата обращения: 13.02.2024).

В условиях глобального экономического противостояния России и Запада действующие прозападные мегарегуляторы участвуют в экономических санкциях против России. При этом новые мегаструктуры, формируемые в рамках ШОС и БРИКС, либо присоединяются к 19 тыс. антироссийских санкций, либо занимают нейтральную позицию. Поэтому наиболее последовательную центральную роль в строительстве многополярной модели глобализации в современных условиях играет Евразийский экономический союз и его ведущая страна — Россия. На постсоветском пространстве успешно действует созданная Российской Федерацией альтернативная SWIFT система передачи финансовых сообщений, более 90% платежей осуществляется в рублях, несмотря на противодействие возрастает роль платежной системы «МИР» (табл. 2). В странах СНГ, где действие карты «МИР» пока ограничено, надо активнее открывать наши банки или их филиалы, а местные банки пусть терпят убытки, не получая платежи за переводы из России тех же миллионов гастарбайтеров. При этом не надо драматизировать определенную разновекторность наших партнеров по ЕАЭС из-за давления западных противников евразийской интеграции (напомним, что российские госбанки до специальной военной операции отказывались работать в Крыму). Значительную помощь России в преодолении западных санкций оказывает параллельный импорт из стран ЕАЭС, другие формы сотрудничества.

Таблица 2

Подключение банков ЕАЭС к системе передачи финансовых сообщений РФ и платежной карте «МИР» в 2022 г.

Table 2. Connecting EAEU banks to the financial message transmission system of the Russian Federation and the “MIR” payment card in 2022

Страна	Банки, подключенные к СПФС, %	Действие карты «МИР»
Армения	83	Свободно (до 2024 г.)
Белоруссия	100	Свободно
Казахстан	48	Ограничено
Киргизия	83	Свободно
Узбекистан (наблюдатель ЕАЭС)	53	Ограничено

Источник: составлено автором по данным Правительства РФ

Ряд проблем в евразийской интеграции порожден ошибочной позицией финансовых органов России. На пространстве ЕАЭС рубль стал основным платежным средством торговли между странами Евразийского экономического союза. Однако тормозится превращение рубля в инвестиционную валюту ЕАЭС. Дело в том, что Российская Федерация даже партнерам из стран СНГ предоставляет кредиты и финансовую помощь в основном в долларах. Евразийский банк развития, как и Евразийский фонд стабилизации, в которых решающую роль играет Россия, вообще не работают с рублями. Непонятно, почему для строительства малой ГЭС в Киргизии, которое осуществляет в 2023–2024 гг. Русгидро, Евразийский банк развития и Российско-Киргизский фонд предоставили доллары, а не рубли.

Правительство России, несмотря на отличное мнение Минфина, поддержало апрельские 2023 г. рекомендации Госдумы о переходе этих институтов развития на рубли [1]. Однако процесс затянулся, в итоге существенные финансовые средства Российско-Киргизского фонда и Евразийского банка развития в июле 2023 г. были заморожены в Брюсселе. России как второму после Китая инвестору в СНГ необходимо переходить на рублевые инвестиции. Например, при строительстве ТЭЦ в Казахстане, АЭС в Узбекистане нужно не повторять ошибок, когда для строительства силами Росатома Белорусской АЭС зачем-то выделялось 10 млрд долл. В рамках Союзного государства эта ошибка исправлена, и новые российские инвестиции в Белоруссию будут осуществляться в рублях. Осуществление рублевых капиталовложений в страны ЕАЭС особенно выгодно, потому что в условиях заниженного уровня монетизации рублевые кредиты на постсоветском пространстве можно осуществлять за счет безналичной эмиссии. Другими словами, запланированные до 2030 г. многомиллиардные российские инвестиционные

проекты в странах СНГ должны в основном осуществляться в рублях. Это повысит спрос на нашу валюту, укрепит ее на евразийском пространстве.

Укреплению российского рубля и повышению экономического суверенитета России в многополярной глобализации будет существенно способствовать поставленная в послании Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию (2024 г). задача «продумать подходы к модернизации нашей фискальной системы, к более справедливому распределению налогового бремени в сторону тех, у кого более высокие личные и корпоративные доходы»[1]. Речь идет о переходе от действующей плоской шкалы к прогрессивной шкале налогообложения. Цель такого перехода заключается не в том, чтобы «забрать деньги у богатых и поделить среди бедных», а в том, чтобы заинтересовать предпринимателей вкладывать деньги в экономическое развитие, а не в личное обогащение, сделать невыгодным вывоз капитала из страны (в 2022 г. из России вывезено более 200 млрд долл.). Например, в США в 2009 г. налог на капитализированную прибыль составлял 15%, а на прибыль, расходуемую на личное потребление, — 35%. Во Франции и Великобритании налог на доходы свыше 200 тыс. фунтов составляет более 45% [5, с. 278–280].

Прогрессивное налогообложение вместе с валютным контролем не только усилит российские контрсанкции, но и существенно уменьшит социальный разрыв между богатыми и бедными слоями общества. Тем самым Россия подаст пример и для других стран СНГ, где действует плоская шкала налогообложения.

В ЕАЭС существенные рыночные правила формирует наднациональный орган — Евразийская экономическая комиссия, которая устанавливает таможенные тарифы, технические регламенты, согласовывает национальные государственные субсидии промышленности и т. д. К сожалению, полномочия Евразийской экономической комиссии вступают в противоречие с обязательствами России и ее союзников перед мегарегуляторами МВФ и ВТО. Поэтому, например, четырем государствам ЕАЭС пришлось исключить из режима свободной торговли тысячу наименований товаров из Казахстана после его вступления в 2015 г. в ВТО. Отмечу это как цивилизованное разрешение противоречий ЕАЭС, минимизировавшего ущерб для нашего экономического союза.

Сложнее обстоит дело с обязательствами России в рамках ВТО по поднятию цен на сырьевые ресурсы до мирового уровня. В этих целях с 2019 г. Минфин, стремясь обнулить экспортные пошлины, осуществляет налоговый маневр, повышая налог на добычу полезных ископаемых, прежде всего нефти и металлов. Это болезненно ударило по конкурентоспособности российской промышленности и интересам наших партнеров в ЕАЭС. При этом из российского бюджета нефтеперерабатывающие предприятия получают субсидии, намного превышающие поступления в бюджет страны от роста НДПИ. В 2022 г. субсидии составили более 2 трлн руб. В 2023 г. денег в таком объеме не нашлось, цены на бензин только за неделю в октябре 2023 г. выросли на 11%. Правительству пришлось экстренно повышать экспортные пошлины и ограничивать экспорт. В 2024 г. с 1 марта Правительство РФ снова запретило экспорт ряда нефтепродуктов (бензина) за пределы ЕАЭС. Налоговый маневр ослабляет стимулы к евразийской интеграции, он во многом причина инфляции, которую Центробанк гасит повышением ключевой ставки, что, в свою очередь, сдерживает экономический рост. В условиях, когда в отношении России Западом применяются тысячи санкций, полностью противоречащих правилам ВТО, странно самим соблюдать невыгодные для нас обязательства.

Особенности сотрудничества России и ЕАЭС со странами ШОС и БРИКС

Формирование Евразийского экономического союза происходит в сопряжении с двумя проектами Большой Евразии: китайским проектом «Один пояс — один путь» и проектом Север — Юг на базе соглашения о транспортном Союзе России, Ирана и Индии (2002 г). В этом плане особое значение имеет выстраивание взаимовыгодного и равноправного сотрудничества со странами ШОС, АСЕАН, Африки

[1] Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс] // Президент России (сайт). URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/73585 (дата обращения: 29.02.2024).

и Латинской Америки. Разворот России и ЕАЭС на Глобальный Восток и Глобальный Юг, наращивание сотрудничества с Китаем и Индией иногда необоснованно трактуется как простая смена вектора внешней политики, например, попадание России в зависимость от КНР, аналогично имевшей место ее зависимости от Запада.

Однако наши отношения с Глобальным Востоком и Глобальным Югом существенно отличаются от «партнерства» с Европейским союзом (табл. 3). Европейский союз, как и НАТО, никогда не признавал СНГ, ОДКБ и ЕАЭС, исходя из принципа «разделяй и властвуй». Россия и другие постсоветские страны, вместо того чтобы настоять на дипломатическом паритете, когда многосторонняя структура сотрудничает с многосторонней структурой, а государство с государством, согласились на невыгодную формулу индивидуального сотрудничества с НАТО и ЕС. Это разрушало СНГ и разрушает ЕАЭС.

Таблица 3

Полярные различия партнерства России

Table 3. Polar differences in Russia's partnership

Со странами Запада	Со странами Востока
Носит индивидуальный характер (США, ЕС не признают СНГ, ЕАЭС)	Носит коллективный характер (КНР, Иран, Индия, ШОС, БРИКС, АСЕАН признают ЕАЭС)
Разрушает СНГ и ЕАЭС (партнерство Армении с ЕС противоречит ЕАЭС)	Укрепляет ЕАЭС (договора ЕАЭС с КНР, Ираном, Вьетнамом согласуют двустороннюю политику стран ЕАЭС)
Отношения РФ с ФРГ, Францией, Италией зависят от антироссийских Польши, Прибалтики	Отношения РФ с другими странами и организациями согласуются в ЕАЭС, но не зависят от позиций третьих стран
ЕС имеет конкурентные преимущества (картель потребителей газа и нефти)	РФ имеет конкурентные преимущества (картель производителей газа, нефти, зерна; параллельный импорт)
Обеспечивает доминирование доллара и евро	Подрывает доминирование доллара (апрель 2023 г. — 89% в торговле между странами ЕАЭС осуществляется в рублях, более 50% в торговле между странами ШОС — в нацвалютах)

Источник: составлено автором

Партнерство с Европейским союзом постсоветских стран в 90-е годы развивалось по формуле «без России», а затем и «против России». К сожалению, эта практика продолжается. В 2017 г. Армения без консультаций с Евразийской экономической комиссией подписала с ЕС Соглашение о всеобъемлющем расширенном партнерстве, противоречащее ее обязательствам в ЕАЭС (вступило в силу в 2022 г.). С нашей стороны никакой официальной оценки дано не было (можно было бы обратиться в суд ЕАЭС). Поэтому не надо удивляться стремлению этой страны сменить политический вектор.

Негативную роль сыграло и индивидуальное вступление стран СНГ в первом десятилетии XXI в. в ВТО, хотя было заявление Совета глав государств СНГ о поддержке совместного вступления. Однако оно всеми игнорировалось. Иллюзия российских переговорщиков об опережающем по отношению к соседям вступлении в ВТО не имела никаких оснований. Генеральный директор ВТО Майк Мур в 2001 г. автору этой статьи прямо говорил об установке Запада принять Россию в ВТО только после Украины. В результате ради вступления в ВТО России в 2012 г. пришлось пойти на большие торговые уступки Киргизии, Армении, Грузии, Молдове и Украине, которые вступили в ВТО раньше и поэтому обладали правом вето на наше вступление.

В отличие от стран Запада Китай, Индия, ШОС и БРИКС сотрудничают с ЕАЭС. КНР заключил с ЕАЭС торговое соглашение, Иран, Вьетнам уже имеют соглашения о зоне свободной торговли с ЕАЭС (с Индией ведутся переговоры). Тем самым двусторонние отношения стран ЕАЭС с КНР, Индией, Ираном согласованы между собой. Поэтому восточное партнерство укрепляет евразийскую интеграцию и непосредственно не зависит от позиции третьих стран. В рамках партнерства с Европейским союзом отношения России с Германией, Францией, Италией, наоборот, оказались полностью зависимы от антироссийских Польши и Прибалтики.

В партнерстве с Россией ЕС получил конкурентные преимущества, создав фактически картель потребителей российского газа и нефти, который диктует нам цены и устанавливает квоты на продажи. В отношениях с Востоком, наоборот, мы создаем газовый и зерновой союзы. Наконец, наше европейское партнерство усиливало зависимость от доллара и евро, а с восточными партнерами мы переходим к торговле в национальных валютах и заинтересованы в создании новой мировой финансовой системы, базирующейся на новой общепринятой БРИКС и ШОС международной валюте.

Безусловные преимущества в сотрудничестве ЕАЭС с Глобальным Востоком и Глобальным Югом по сравнению с опытом нашего сотрудничества со странами Запада не означают отсутствия проблем с КНР, Индией, Бразилией, ЮАР. Однако нас объединяет коренной интерес к созданию справедливого многополярного мироустройства.

Международная обстановка, глобальное противостояние с Западом во всех сферах — экономике, политике, обороне, культуре, информации — требуют проведения инвентаризации международных договоров и соглашений, заключенных Российской Федерацией после 1988 г. При этом необходимо учитывать реальный политический статус наших контрагентов — государств и международных организаций. На наш взгляд, их статус может определяться трояко: партнер, соперник, противник. 52 страны Запада и их экономические и военно-политические организации, поставившие цель нанесения России максимального ущерба, безусловно, являются нашими противниками. Поэтому сохранение изначально ошибочного участия России в программе НАТО «Партнерство во имя мира» политически неправильно. Ряд стран и международных организаций соперничают с ЕАЭС, но не ставят своей целью нанесение ущерба России и Евразийскому экономическому союзу. Более того, эти страны и организации в каких-то проектах могут выступать даже партнером. При этом исторически значение участия России в международных организациях и двусторонних соглашениях может меняться. Россия, например, денонсировала в 2024 г. выгодное Великобритании соглашение от 1956 г. о ловле рыбы в российской экономической зоне. Необходимость пересмотра российской позиции относится к нашему участию в Арктическом совете и, конечно, ОБСЕ, которое, как мы уже отмечали, полностью переродилось в агрессивно послушное антироссийское большинство [4]. Поэтому решения Федерального Собрания Российской Федерации о приостановке его участия в Парламентской Ассамблее ОБСЕ является научно и политически обоснованным. Парламент России показал пример другим странам СНГ, и можно надеяться, что некоторые из них, прежде всего Белоруссия, сделают то же самое. А для доведения позиции российских парламентариев до членов ПА ОБСЕ достаточно использовать Межпарламентскую Ассамблею СНГ, которая имеет с ПА ОБСЕ соответствующие статусы.

По мере военно-политического успеха России, возрастания ее экономической мощи Запад вынужден будет со временем отменить свои внеправовые санкции и вернуться к сотрудничеству. Однако это сотрудничество должно быть переформатировано. Вместо индивидуального партнерства мы должны настоять на формуле: Евразийский экономический союз — партнер Европейского союза, партнерами же России должны быть только отдельные члены ЕС. Этот подход должен проводиться и в отношении НАТО, партнером которого должно быть ОДКБ, а партнером России — США и другие западные державы в отдельности. На самом деле в этом заинтересован и Европейский союз, потому что, например, развитие связей с Центральной Азией, поставка той же казахстанской нефти в Западную Европу без России или в обход России, практически невозможно. В этом случае ведущие страны ЕС (Германия, Франция) освободятся от навязанной США зависимости от Прибалтики и Польши.

Институциональные преобразования по укреплению суверенитета ЕАЭС

Для успешного противодействия западным санкциям, достижения технологического и экономического суверенитета ЕАЭС необходимо осуществить институциональные преобразования: повысить полномочия Евразийской экономической комиссии по формированию и расходованию наднационального бюджета для реализации совместных научно-технических программ, учредить парламентскую структуру, создать евразийский независимый арбитражный механизм, сформировать Евразийское рейтинговое агентство и укреплять деятельность Евразийской перестраховочной компании [6].

Ряд из этих задач решается, хотя и в ограниченном масштабе. Например, в 2024 г. десять процентов от антидемпинговых, специальных и компенсационных пошлин национальных государств будет перечисляться в бюджет ЕАЭС. Это имеет огромное позитивное значение, но является только первым шагом в евразийском бюджетном процессе. Необходимо в перспективе направлять в наднациональный бюджет ЕАЭС 10% от таможенных пошлин.

Утверждение бюджета ЕАЭС, очевидно, потребует его парламентского рассмотрения. Однако в отличие от СНГ и ОДКБ в ЕАЭС нет парламентского измерения, это тормозит унификацию и гармонизацию национального законодательства, делает невозможным повышение статуса судей Суда ЕАЭС путем их утверждения парламентским органом.

Судебный суверенитет ЕАЭС предполагает рассмотрение споров между субъектами хозяйствования в независимых евразийских арбитражах на основе евразийского права, исключив практику рассмотрения таких споров в политически ангажированных западных арбитражах на основе английского права. Такая практика объяснялась иностранной юрисдикцией ведущих российских компаний, которые сегодня вышли из западных оффшоров и вернулись в российскую юрисдикцию.

По мере развития практической деятельности Евразийской перестраховочной компании и Евразийского рейтингового агентства их услугами сможет воспользоваться бизнес стран ШОС и БРИКС. В результате структуры ЕАЭС будут объективно преобразовываться в структуры проекта «Большая Евразия» и выполнять в своих сферах роль новых мегарегуляторов.

Заключение

Разрешение противоречия между глобальным характером экономики и национальной формой политической системы мира в условиях перехода от однополярной глобализации к многополярной глобализации предполагает, во-первых, формирование альтернативных прозападным новых мегарегуляторов, базирующихся на новой международной валюте, обеспечиваемой экономической мощью стран БРИКС. Во-вторых, укрепление и развитие антизападных по своей природе региональных объединений и проектов: ЕАЭС, ШОС, Большая Евразия, БРИКС.

Партнерство России как части ЕАЭС со странами глобального Востока и Глобального Юга, признающих евразийскую интеграцию, радикально отличается от имевшего место партнерства России со странами Запада, активно противодействующих евразийскому сотрудничеству.

Евразийский экономический союз может выступить примером для более крупных, но пока меньших по глубине экономической интеграции проектов: ШОС, БРИКС, СНГ. Важно, что ЕАЭС с другими сторонниками многополярной глобализации уже имеет особые экономические отношения. Поэтому ЕАЭС может выступать инициатором формирования новых и реформирования старых мегарегуляторов, развития регионального сотрудничества Азии, Африки и Латинской Америки.

Литература

1. *Калашников Л. И., Кротов М. И., Середа А. А.* О путях эффективной реализации приоритетов российского председательства в Евразийском экономическом союзе в 2023 году в рекомендациях парламентских слушаний в Государственной думе // Проблемы современной экономики. 2023. № 2 (86). С. 6–11. EDN: POIECM
2. *Киссинджер Г.* Мировой порядок. М. : Издательство АСТ, 2015. 544 с. ISBN: 978-5-17-087154-4
3. *Кротов М. И., Мунтиян В. И.* Денежно-кредитная политика и национальная безопасность России в условиях глобального противостояния // Проблемы современной экономики. 2023. № 4 (88). С. 6–15. EDN: VEOUBO
4. *Кротов М. И., Середа А. А.* Евразийский вектор — приоритет парламентской дипломатии России // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 1. С. 16–28. DOI: 10.22394/2073-2929-2023-01-16-28. EDN: CQTJTF
5. *Кругман П.* Кредо либерала. М. : Европа, 2009. 368 с. ISBN: 978-5-9739-0183-7

6. О приоритетах российского председательства в Евразийском экономическом союзе в 2023 году. По материалам парламентских слушаний. 18 апреля 2023 года. М. : Издание Государственной Думы, 2023. 112 с.

Об авторе:

Кротов Михаил Иосифович, профессор факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация), Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация, доктор экономических наук, профессор;
e-mail: mi-krotov@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4605-017X

References

1. Kalashnikov L. I., Krotov M. I., Sereda A. A. On the Ways of Effective Realization of Russia's Chairmanship Priorities in the Eurasian Economic Union in 2023: Recommendations of Parliamentary Hearings of the State Duma (Russia, Moscow) // Problems of Modern Economics [Problemy sovremennoi ekonomiki]. 2023. No. 2 (86). P. 6–11 (In Russ.) EDN: POIECM
2. Kissinger H. World Order. Penguin Books, 2014. 432 p. ISBN: 978-0241004272
3. Krotov M. I., Muntiyan V. I. Monetary and Credit Policy and Russia's National Security in the Context of Global Confrontation // Problems of Modern Economics [Problemy sovremennoi ekonomiki]. 2023. No. 4 (88). P. 6–15. (In Russ.) EDN: VEOUBO
4. Krotov M. I., Sereda A. A. The Eurasian Vector as a Priority of Russia's Parliamentary Diplomacy // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2023. V. 17. No. 1. P. 16–28. (In Russ.) DOI: 10.22394/2073-2929-2023-01-16-28. EDN: CQTJTF
5. Krugman P. The Conscience of a Liberal. Random House — Penguin, 2009. 320 p. ISBN: 9780141035772
6. On the Priorities of the Russian Presidency of the Eurasian Economic Union in 2023. Based on materials from parliamentary hearings. April 18, 2023. Moscow : Publication of the State Duma, 2023. 112 p. (In Russ.)

About the author:

Mikhail I. Krotov, Professor of the Faculty of World Politics of the Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation); St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economy), Professor;
e-mail: mi-krotov@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4605-017X

CC BY

DOI: 10.22394/2073-2929-2024-01-25-37

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ: 5.2.3

EDN: APNFEV

Стратегия социально-экономического приграничного сотрудничества в региональном разрезе (на примере Омской области и Республики Казахстан)

Погребцова Е. А.
Омский государственный аграрный университет им. П. А. Столыпина, Омск, Российская Федерация
e-mail: ea.pogrebtsova@omgau.org
ORCID: 0000-0002-4323-5753

РЕФЕРАТ

Активное развитие социально-экономических связей и логистических цепочек с дружественными государствами приобретает стратегическое значение в силу современной геополитической обстановки. Омская область находится на пересечении важных железнодорожных магистралей и водных путей. Поэтому очень важно формировать стратегию развития основных направлений глубокого регионального приграничного сотрудничества. Она позволит стабильно развивать дружественные связи, диверсифицировать экономику, использовать имеющиеся ресурсы и инновационные технологические платформы.

В статье представлены основные подходы к понятию «приграничного сотрудничества». Исследуется законодательная база, раскрываются роль и содержание взаимодействия территорий на примере Омской области и Республики Казахстан. Особое внимание уделено факторам, влияющим на успешное и сдерживающее сотрудничество между соседними регионами стран. Выявлены основные направления для развития социально-экономического регионального приграничного сотрудничества.

Цель. Цель данной статьи заключается в анализе реализуемой стратегии социально-экономического межрегионального приграничного сотрудничества, а также выявлении основных точек соприкосновения Омской области и Республики Казахстан.

Задачи. В ходе исследований решались следующие задачи: определено понятие регионального приграничного сотрудничества; проанализированы нормативно-правовые акты в данной области; оценена стратегия социально-экономического регионального приграничного сотрудничества на примере Омской области и Республики Казахстан; выявлены основные точки соприкосновения на данной территории.

Методология. Основу исследования составляют научные публикации ученых в тематике межрегионального приграничного сотрудничества. Для оценки эффективности стратегии использовались методы изучения, анализа, систематизации и обобщения.

Результаты. Результаты оценки стратегии регионального приграничного сотрудничества показали, что за последние годы активно развиваются двусторонние социально-экономические связи между Омской областью и Республикой Казахстан, реализуется множество успешных инвестиционных проектов в различных областях экономики, на регулярной основе проводятся форумы. Однако происходящие изменения требуют постоянного пересмотра стратегии межрегионального сотрудничества, а также выявления перспективных направлений с учетом имеющихся ресурсов.

Выводы. Современная мировая ситуация открывает перед Омской областью новые возможности для обеспечения благоприятных условий реализации товаров и технологий, развития туризма и т. п. Наблюдается высокая динамика долгосрочного партнерства, сформированность правовой базы, поддерживающие межрегиональные связи области и Республики Казахстан. В статье

предложен ряд направлений по наращиванию опыта регионального взаимовыгодного межрегионального взаимодействия.
Ключевые слова: социально-экономическая основа, стратегия, регион, интеграция, сотрудничество, товарооборот, экспорт, импорт
Для цитирования: Погребцова Е. А. Стратегия социально-экономического приграничного сотрудничества в региональном разрезе (на примере Омской области и Республики Казахстан) // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 1. С. 25–37.
https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-01-25-37. EDN: APNFEV

Strategy for Socio-economic Cross-border Cooperation in the Regional Context (the Example of the Omsk Region and the Republic of Kazakhstan)

Elena A. Pogrebtsova
P. A. Stolypin Omsk State Agrarian University, Omsk, Russian Federation
e-mail: ea.pogrebtsova@omgau.org
ORCID: 0000-0002-4323-5753

ABSTRACT
Active development of socio-economic ties and logistic chains with friendly states is of strategic importance due to the current geopolitical situation. Omsk region is located at the crossroads of important railways and waterways. Therefore, it is very important to form a strategy of development of the main directions of deep regional cross-border cooperation. It will allow to steadily develop friendly ties, diversify the economy, use the available resources and innovative technological platforms.
The article presents the main approaches to the concept of "cross-border cooperation". The legislative base is studied, the role and content of interaction of territories on the example of the Omsk region and the Republic of Kazakhstan is revealed. Special attention is paid to the factors influencing successful and constraining cooperation between neighboring regions of the countries. The main directions for the development of socio-economic regional cross-border cooperation are revealed.
Aim. The purpose of this article is to analyze the implemented strategy of socio-economic interregional cross-border cooperation, as well as to identify the main points of contact between the Omsk region and the Republic of Kazakhstan.
Tasks. During the research, the following tasks were solved: the concept of regional cross-border cooperation was defined; normative-legal acts in this area were analyzed; the strategy of socio-economic regional cross-border cooperation on the example of the Omsk region and the Republic of Kazakhstan was evaluated; the main points of contact in this territory were revealed.
Methods. The research is based on scientific publications of scientists in the field of interregional cross-border cooperation. The methods of research, analysis, systematization and generalization were used to assess the effectiveness of the strategy.
Results. The results of the evaluation of the strategy of regional cross-border cooperation have shown that in recent years, bilateral socio-economic ties between the Omsk region and the Republic of Kazakhstan are actively developing, many successful investment projects in various areas of the economy are being implemented, forums are regularly held. However, the ongoing changes require constant revision of the strategy of interregional cooperation, as well as the identification of promising areas, taking into account the available resources.
Conclusions. The current global situation opens new opportunities for the Omsk region to provide favorable conditions for the sale of goods and technologies, tourism development, etc. There is a high dynamics of long-term partnership, the formation of the legal framework that supports interregional

ties between the region and the Republic of Kazakhstan. The article proposes a number of directions for building up the experience of regional mutually beneficial interregional cooperation.
Keywords: socio-economic basis, strategy, region, integration, cooperation, trade turnover, export, import
For citing: Pogrebtsova E. A. Strategy of Socio-economic Cross-border Cooperation in the Regional Context (on the Example of the Omsk Region and the Republic of Kazakhstan) // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 1. P. 25–37. (In Russ.)
https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-01-25-37. EDN: APNFEV

Введение

Одной из важнейших проблем, с которыми сталкиваются современные государства, является сотрудничество между прилегающими регионами. Именно процессы интеграции, развивающиеся на границах, оказывают значительное воздействие на экономические и социальные связи между странами. Мнения М. В. Лапенко и М. Ю. Онучко на этот счет полностью совпадают: они считают, что главная задача приграничного сотрудничества заключается в укреплении взаимоотношений между странами через продвижение экономических, торговых, культурных и гуманитарных связей в граничных областях. Одновременно с этим необходимо обеспечить устойчивое развитие граничных территорий и дополнительно содействовать улучшению благосостояния населения, причастного к приграничному сотрудничеству [14].

Омская область расположена в непосредственной близости от границы с Республикой Казахстан. Эта граница (более 1 тыс. км) является самой длинной для данного региона. Особое внимание уделяется формированию стратегии социально-экономического сотрудничества в силу географического положения региона и его исторических предпосылок. Таким образом, географическая близость к соседним государствам является значимой чертой функционирования приграничных регионов. Это обстоятельство обусловлено существующими на границах тесными связями между народами, которые проявляются в различных аспектах (социально-культурных, экономических, политических). При этом взаимодействии необходимо учитывать определенные различия между странами-соседями. К ним следует отнести: положение страны в мировой системе, законодательную базу, способы обмена ресурсами [17].

В 2021 г. межрегиональный оборот товаров превысил отметку в 380 млн долл. Неслучайно А. М. Есенгалиева в своей статье подчеркивает, что Казахстан и Россия — стратегические союзники, нацеленные на аналогичные цели: переход к «экономике знаний» и решительное укрепление конкурентоспособности экономики. Конкурентоспособность, в свою очередь, проявляется не только в завидном экономическом росте, но и в уровне жизни и благосостоянии населения [7]. Исторически сложились прочные взаимоотношения между приграничными регионами в области промышленности, науки, инноваций, сельского хозяйства, природных ресурсов, туризма, культуры, спорта, образования и здравоохранения [11]. Поэтому необходимо понять суть приграничного сотрудничества и установить приоритетные направления развития, учитывая влияние исторических, геополитических и средовых факторов.

Результаты исследований и их обсуждение

Проблема формирования и стабильного поддержания межграничного взаимодействия является актуальной для субъектов Сибирского федерального округа. В ходе исследования О. А. Зотова приграничный регион рассматривает как территорию, имеющую границы административного образования соседних государств. Эта территория открыта, контактна и играет важную роль в территориальной организации общества на различных уровнях иерархии [10].

Омская область имеет общие границы с Республикой Казахстан и является одним из субъектов Российской Федерации, который формирует стабильные связи с Казахстаном.

В концепции приграничного взаимодействия в Российской Федерации прописана координация действий всех органов власти (федеральных, субъектов России и местного самоуправления). Они должны укреплять связи между странами с целью сбалансированного развития данных территорий и процветания населения[1].

Федеральный закон «О приграничном сотрудничестве в Российской Федерации» формирует понятие «приграничного сотрудничества». Это отношения между Россией и соседними государствами, а также между субъектами и муниципальными образованиями, которые соприкасаются с границей. В рамках такого сотрудничества стороны совместно решают задачи, определенные международными договорами, и развивают международные и внешнеэкономические связи[2].

В сфере научной литературы авторы изучают концепцию «приграничного сотрудничества». По мнению И. В. Кравцовой, такое сотрудничество представляет собой формирование стабильных связей в области экономики и социально-культурных традиций. Они позволяют в дальнейшем создавать условия для экономического развития межрегиональных территорий [12]. О. Ю. Дубровина и О. В. Плотникова отмечают, что такие действия направленны на совместные усилия по развитию взаимоотношений между соседними странами [6]. Дополняя определение, О. В. Плотникова отмечает, что такое сотрудничество включает также заключение любых необходимых соглашений и договоренностей для достижения поставленных целей [18].

В данной работе мы придерживаемся устоявшегося в понимании термина «приграничное сотрудничество».

Сущность этого процесса заключается в гармоничных действиях различных государственных органов на всех уровнях, которые находятся на прилегающих территориях. Это также включает местное самоуправление, предприятия, общественные структуры, а также научные и учебные учреждения [20].

Европейская рамочная конвенция придает особое внимание особенностям взаимодействия между смежными сообществами и властями, находящимися под юрисдикцией соответствующих сторон[3]. Между Россией и Казахстаном приграничное сотрудничество имеет свою особую институциональную специфику. Первое соглашение о сотрудничестве между этими странами было заключено в 1995 г. Сейчас активно действует Программа межрегионального и приграничного сотрудничества на период с 2018 по 2023 гг., в которой выделены основные области взаимодействия этих стран[4].

Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2025 г. была принята с целью достижения устойчивого и сбалансированного развития территорий[5].

В ней определены перспективные центры экономического роста, рассмотрены основные принципы, проблемы и вызовы. В документе выделена перспективная экономическая специализация отраслей Омской области, назван крупный центр городской агломерации город Омск, который ежегодно должен обеспечивать вклад более 1% экономического роста Российской Федерации. Благодаря уменьшению различий в уровне и качестве жизни в разных регионах, ускоренному экономическому росту и техническому прогрессу, а также гарантированной национальной безопасности, будет достигнута возможность обеспечения единого вектора развития.

---

1 Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации от 7 октября 2020 г. № 2577-р [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_364572/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (дата обращения: 14.12.2023).

2 Федеральный закон «Об основах приграничного сотрудничества в Российской Федерации» от 26.07.2017 № 179- ФЗ [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220884/ (дата обращения: 14.12.2023).

3 Европейская рамочная конвенция «О приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей» от 22.07.2002. № 91-ФЗ [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/901734774 (дата обращения: 14.12.2023).

4 Распоряжение от 08.11.2017 № 2459-р «О подписании Программы межрегионального и приграничного сотрудничества на 2018–2023 гг.» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=705477&ysclid=lsucnuwlq2502390646#hEAVp4U0GQWsJYlg1 (дата обращения: 15.12.2023).

5 Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13.02.2019 № 207-р «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094/006fb940f95ef67a1a3fa7973b5a39f78dac5681/ (дата обращения: 14.12.2023).

В свою очередь, на региональном уровне действует Стратегия социально-экономического развития Омской области до 2030 г.[1] В ней прописываются основные моменты по обеспечению устойчивого и сбалансированного пространственного развития. Стратегия позволила постепенно развивать процессы экономического сближения и сформировать совместное экономическое пространство.

Постепенное увеличение степени интеграции является мощным драйвером развития приграничного сотрудничества Республики Казахстан и Омской области. Так как снижается количество различных барьеров (в том числе и таможенных), формируется общий рынок товаров, рабочей силы, капитала.

Проводимые на постоянной основе форумы межрегионального сотрудничества позволяют формировать стратегию совместных действий. Так, утвержденный в 2018 г. документ позволил наметить основные меры по дальнейшему углублению социально-экономических связей.

Дорожная карта двустороннего сотрудничества отражает конкретные мероприятия и сроки их реализации для каждого государственного органа и ведомства. В следующем году прошел форум молодежного сотрудничества «Волонтерство — социальный лифт молодежи». В 2020 г. состоялся онлайн-форум «Российско-казахский молодежный форум: наука и цифровизация», посвященный научной и социальной сфере [9].

Мы разделяем точку зрения Ю. Н. Дубровина и И. А. Ряснова, которые выделяют ключевые аспекты, способствующие сотрудничеству между странами. Прежде всего, это природные, человеческие и инвестиционные ресурсы, которые существенно различаются в зависимости от обеспеченности каждой страны. Вторым важным фактором является эффективное изготовление разнообразных товаров, требующее использования инновационных инструментов или ресурсов. Третий фактор заключается в различии стандартов качества и неценовых характеристик товаров, действующих в каждой отдельной стране [5].

Большинство авторов рассматривают в своих научных исследованиях геополитические факторы (рис. 1). Итак, важнейшей определяющей ролью здесь служит географическое расположение государства, его границы, обширность территории и население, проживающее не только внутри страны, но и в близлежащих регионах [2]. Ярким примером является река Иртыш, ежегодный объем грузоперевозок составляет около 150 тыс. т. По ней из Республики Казахстан доставляется лес и лесоматериал, щебень, песчано-гравийные смеси, соль.

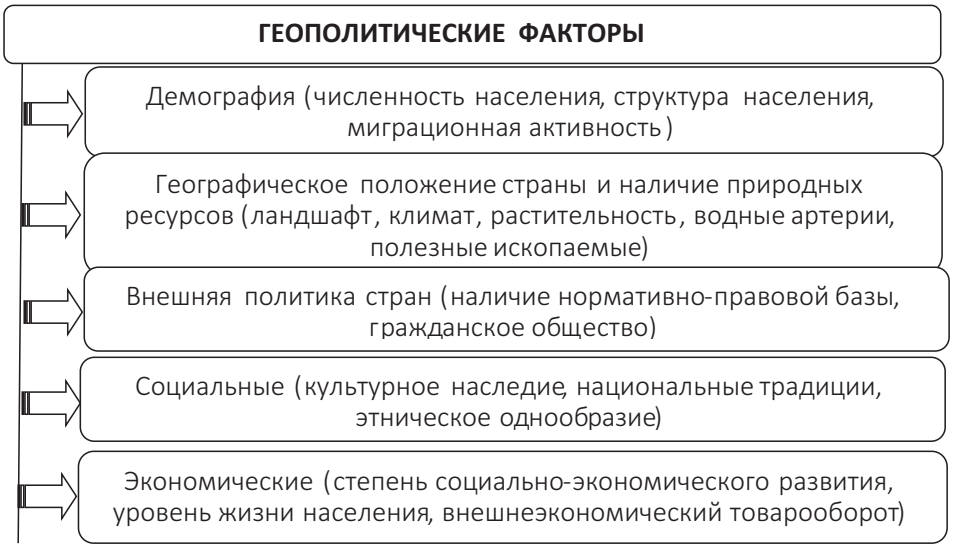

Рис. 1. Геополитические факторы

Fig. 1. Geopolitical factors

Источник: подготовлено автором по [3], [8], [16], [21]

[1] Постановление от 12.10.2022 № 543-п «Стратегия социально-экономического развития Омской области до 2030 гг.» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ. URL: https://base.garant.ru/405435369/ (дата обращения: 14.12.2023).

Социальный аспект приграничных территорий многогранен и изучает различные аспекты этнического разнообразия и взаимодействия культурных особенностей народов. Высокая степень мобильности приграничных жителей связана с экономическими, медицинскими, образовательными, культурными и туристическими потребностями. Эти потребности выявляются через поиск работы, участие в совместных проектах, обмен опытом в рамках образовательных программ, участие в форумах, научных конференциях и прочих мероприятиях культурного и рекреационно-туристического характера [13].

Осознание законодательной базы страны, установление международных связей, работа институтов (государственных и региональных представительств, торговых палат, посреднических компаний), а также ступень развития транспортной и логистической сети являются важными условиями, которые необходимо учесть. Отметим также, что перспектива экономического развития приграничных зон и их интеграция в международные процессы играют значительную роль. Если регионы испытывают экономический спад, это мешает развитию двусторонних межгосударственных связей [14].

Исторически сложилось, что основной сферой постоянного взаимодействия является торговля. Это основное средство, позволяющее углублять специализацию и повышать эффективность использования ресурсов. Традиционно Казахстан занимает 1-е место в Омской области в структуре товарооборота по странам (402,1 млн долл.), Китайская Народная Республика — 2-е место (190,1 млн долл.), Турецкая Республика — 3-е место (83,1 млн долл.). Другие страны занимают менее 5% от всего внешнеторгового оборота Омской области в 2021 г. (рис. 2).

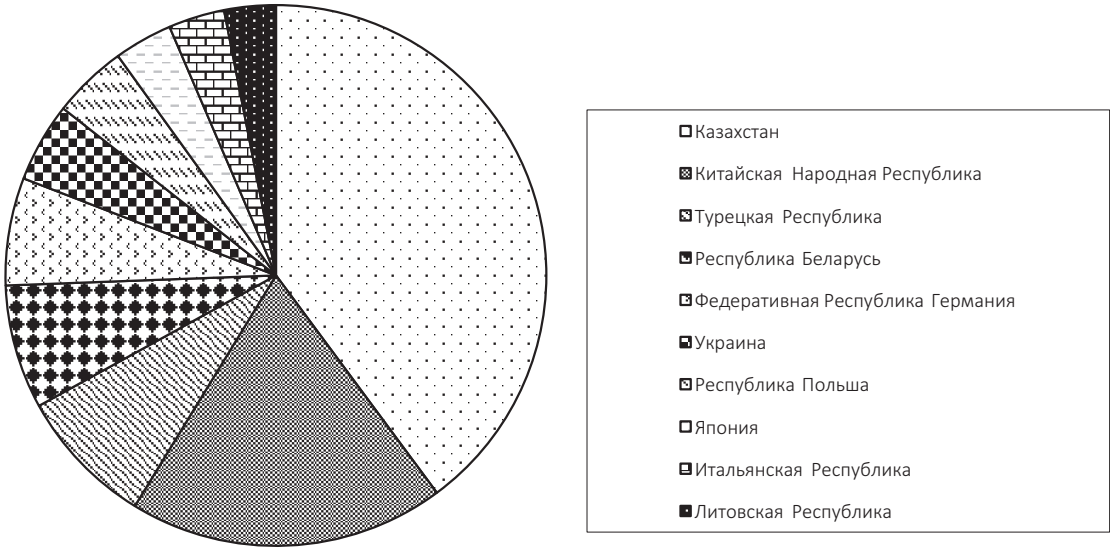

Рис. 2. Внешнеторговые партнеры Омской области в 2021 г.

Fig. 2. Foreign trade partners of the Omsk region in 2021

Источник: подготовлено автором по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Омской области [Электронный ресурс]. URL: https://55.rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 15.02.2023)

Основными импортерами омских товаров являются Казахстан, Китай, Киргизия и Беларусь. В 2022 г. экспорт сельскохозяйственной продукции Омской области составил 379,7 млн долл., что на 24,2% превышает показатель 2021 г., а именно 305,6 млн долл. Более 80% объема экспорта приходится на продукцию растениеводства. Экспорт составил 1,097 млн т зерновых, зернобобовых и масличных культур, что принесло 219,6 млн долл., 20,4 тыс. т кондитерских изделий на сумму 39,2 млн долл. и 19,6 тыс. т напитков на 13,7 млн долл.

Согласно данным статистики за рассматриваемый период, тенденции в данной области не поменялись. Сокращение взаимного товарооборота наблюдалось в 2016 г. (на 34% относительно уровня

2015 г.). Торгово-экономические отношения между субъектом Российской Федерации (Омская область) и Республикой Казахстан достигли всего 239,3 млн долл. Из них экспорт составил 62,2%, а импорт — 37,8%. В последующие годы отмечен дальнейший рост индикаторов (рис. 3).

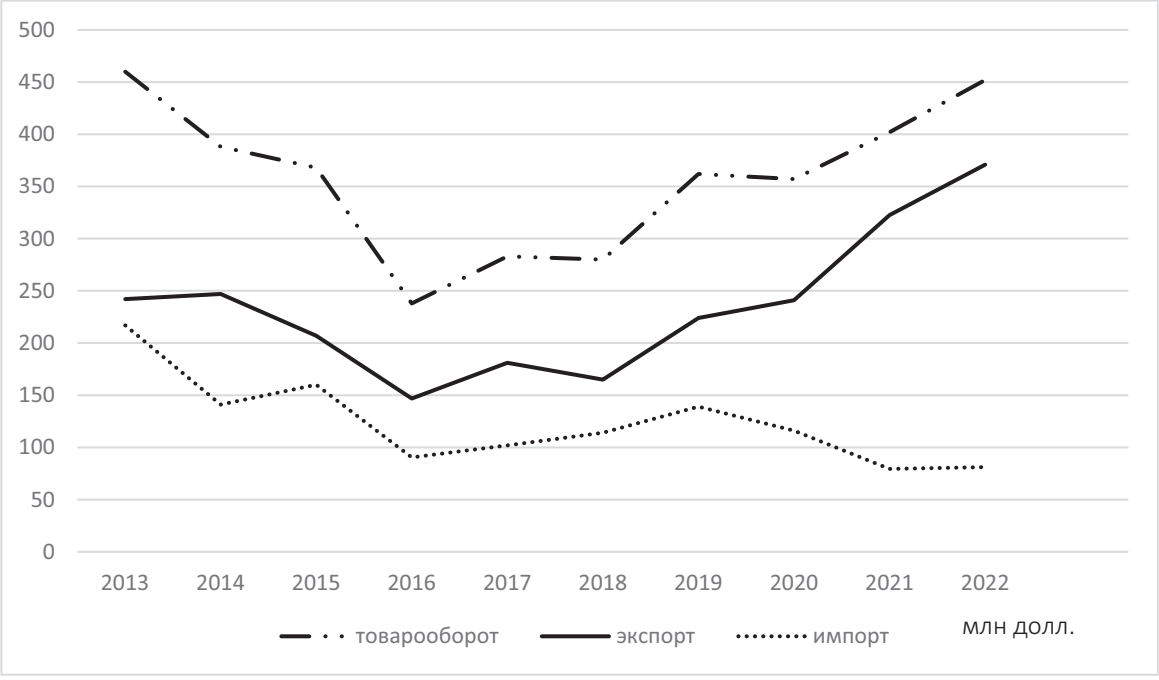

Рис. 3. Оценка экономических связей между Омской областью и Республикой Казахстан

Fig. 3. Assessment of economic relations between the Omsk region and the Republic of Kazakhstan

Источник: подготовлено автором по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Омской области [Электронный ресурс]. URL: https://55.rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 20.02.2024)

В 2018 г. из Республики Казахстан вывозили оборудование, минеральное топливо и продукты питания животного происхождения. В структуре экспорта страны данные товары составили более 72%. Следует отметить, что экспорт Омского региона доминирует над экспортом казахстанских предприятий. Это объясняется специализацией республики и схожей структурой экономики.

Объем продаж сохраняется на высоком уровне, темпы торгово-экономического сотрудничества замедлились только в период пандемии. В 2021 г. товарооборот уже составил более 402 млн долл. (на 12,6% больше, чем в 2020 г.). Рекордный уровень товарооборота объясняется значительно выросшими ценами на сырье, а также внедрением электронной коммерции.

В 2022 г. внешнеторговый оборот увеличился на 12,3% по сравнению с предыдущим годом. Доля экспорта Омской области в соседнюю страну выросла на треть, достигнув отметки в 322,6 млн долл. Рост объема поставок продукции сельского хозяйства и машиностроения играл ключевую роль в этом увеличении. За первое полугодие 2023 г. показатели взаимовыгодного сотрудничества увеличились на 29,4% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. В регионе функционируют 134 организации, в которых участвует казахстанский капитал.

Новым вектором совместной работы является активная промышленная кооперация предприятий машиностроительной и химической промышленности. Основной товарооборот составляют машины, оборудование и аппаратура — 24%, минеральные продукты — 16%.

Из Омской области импортируют продукцию машиностроительной, химической и лесной промышленности, продовольственных товаров (таблица).

Таблица

Состав товарооборота Омской области и Республики Казахстан, млн долл.

Table. The composition of the trade turnover of the Omsk region and the Republic of Kazakhstan, million dollars

Группа товара	2013 г.	2017 г.	2020 г.	2022 г.
Продукты животного происхождения	19,3	22,8	37,2	45,2
Растительные продукты	12,4	12,4	25,8	31,4
Продукты питания, напитки, табак	47,3	30,4	46,9	45,4
Минеральные продукты	103	39,4	21,1	24,3
Химические продукты	17	9,7	21	22,4
Пластмассовые, каучуковые и резиновые изделия	56,1	26,8	31,1	29,9
Изделия из дерева	1,8	9,7	4,4	4,3
Стеклянные и керамические изделия	10,4	6,9	10,4	9,8
Металлические изделия	42,1	22,8	23	25,1
Техника и устройства	121	69,5	96,2	98,3
Транспортные средства	10,6	8,4	7,7	8,9

Источник: подготовлено автором по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Омской области [Электронный ресурс]. URL: https://55.rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 20.02.2024)

Поставку сеялок, зернового оборудования, опрыскивателей, селекционных машин осуществляют ООО «Сибзавод», ООО «НПП «Сатурн-Агро», ФГУП «Омский экспериментальный завод». Продукция машиностроения представлена АО «ОмПО «Иртыш», ООО ТПК «Иртыш», АО «НПП «Эталон». Поставщиками продовольственной продукции и сырья являются такие крупные игроки на омском рынке, как ОАО «Омская макаронная фабрика», АО «Любинский молочноконсервный комбинат», ООО «Ястро», АО «Омский бекон», ООО «ТПК «Сладонеж», ЗАО «Завод разлива минеральной воды «Омский», ООО «Омсквинпром».

Омское АО «Торгово-Промышленный центр «СибВПКнефтегаз» снабжает республику вездеходами «Арктика». Падение экспортных поставок связано со снижением средств передвижения (на 90,1%), продуктов питания (на 80,9%), в том числе пшеницы и маслин (на 73,9%), пива и крепких напитков (на 58,6%). В настоящее время фермеры Казахстана приобретают более 2 тыс. т элитных семян пшеницы. Планируется увеличить данный показатель до 17 тыс. т, масличных и бобовых культур до 3 тыс. т[1]. При этом в структуре импорта преобладает продукция нефтехимической отрасли и машиностроения, а также продовольственные потребительские товары. Снижение объема импорта из Республики Казахстан в Омскую область было осуществлено путем уменьшения поставок нефтепродуктов на 61,1%.

В своей работе В. Ю. Питраков отмечает важность развития приграничного взаимодействия. Предлагается сконцентрировать усилия на сближении законодательных основ для дальнейшего развития взаимовыгодного сотрудничества. Для того чтобы обеспечить интеграцию экономики, необходимо расширить инвестиционную активность между странами и создать единый рынок для инвестиций. Кроме того, развитие интеллектуального и технического потенциала может быть достигнуто за счет взаимовыгодного использования научных, образовательных и человеческих ресурсов [17]. Для создания новых центров развития в пограничных районах рекомендуется создавать совместные предприятия и использовать взаимовыгодное партнерство. Следует особое внимание уделять формированию агропромышленного кластера, а также сфере легкой промышленности, туризму, образованию, культуре и торговле [1; 15; 19].

[1] *Неупокоева М.* Общее будущее. Омская область расширяет партнерство с Республикой Казахстан [Электронный ресурс] // АиФ в Омске. 01.05.2022. № 17. С. 8–10. URL: https://omsk.aif.ru/money/obshchee_budushchee_omskaya_oblast_rasshiryaet_partnyorstvo_s_respublikoy_kazahstan (дата обращения: 10.01.2024).

Реализация крупных инвестиционных проектов только развивает приграничное сотрудничество. Например, в Костанайской области Республики Казахстан действует представительство ООО «СибзаводАгро», предлагающего на рынок сеялки СКП-2,1 и посевные комплексы «Иртыш-10». Более шести дилерских представительств ФГУП «Омский экспериментальный завод» предлагают свои услуги на территории Казахстана. М. Ш. Джанталеева подчеркивает, что в Казахстане создана благоприятная правовая база для осуществления инвестиционной деятельности. Действует Закон «Об инвестициях»[1], который содержит основы стимулирования инвестиций, меры государственной поддержки, гарантии защиты прав инвесторов [4].

В свою очередь, на территории Омской области действуют более 200 организаций с зарубежным капиталом. Например, выращиванием однолетних культур занимается «Внешторг», торговлей удобрениями и агрохимическими продуктами — «Кеми Плюс». Это остается основной точкой роста для перспективной работы. В 2017 г. поступления иностранных инвесторов в регион составили всего 1,5%. Данный показатель динамично растет. В целях вовлечения иностранных партнеров Омская область является постоянным участником различных мероприятий международного уровня (форумы, выставочные мероприятия, бизнес-миссии).

В 2023 г. была актуализирована программа сотрудничества с Республикой Казахстан до 2025 г., которая регламентирует планы партнерства. Она включает в себя ключевые цели и приоритетные задачи по увеличению взаимного товарооборота в промышленности и агропромышленном комплексе. Огромное внимание уделяется и развитию культурных связей в перспективном взаимодействии. В частности, планируется проведение общих фестивалей, а также обмен опытом в сферах образования, науки и здравоохранения.

На мировом уровне применяется кластерная стратегия развития. В будущем предлагается рассмотреть вариант формирования трансграничного кластера, который позволит использовать ряд инновационных технологий по глубокой переработке сырья, уменьшить затраты всех сторон, максимизировать производственную мощность.

Для развития связей предлагается создание транспортно-логистического хаба на территории Омской области, который будет экспортировать производственную и сельскохозяйственную продукцию. Особое внимание должно уделяться формированию трансграничной туристической зоны «Гора Белуха».

В современных реалиях наблюдается рост информационных технологий. Создание единого информационного портала позволит успешнее привлекать заинтересованные стороны и наглядно демонстрировать населению ценность регионального приграничного сотрудничества. Обширная информационная поддержка будет позитивно влиять на социально-экономические показатели приграничных регионов. Таким образом, основные направления дальнейшего развития интеграционного механизма могут быть определены следующим образом:

- гармонизация законодательной и нормативно-правовой базы в отношении развития системы стимулов и механизмов к углублению взаимного сотрудничества;
- расширение инвестиционного присутствия партнерских предприятий в экономическом пространстве;
- взаимовыгодное использование научного, образовательного и человеческого потенциала Омской области и Республики Казахстан.

На основе вышеизложенного можно утверждать, что стратегия регионального приграничного сотрудничества должна иметь основные направления и точки роста. Это активное сотрудничество в приграничной торговле, реализация инвестиционных проектов, создание предприятий, включающих иностранный капитал и другое. К точкам роста следует отнести создание производственных кластеров, развитие электронной торговли, территориальное планирование приграничных областей с учетом имеющихся ресурсов, разработку единых нормативно-правовых документов.

[1] Закон Республики Казахстан «Об иностранных инвестициях в Республике Казахстан» от 08.01.2003 № 373-II [Электронный ресурс] // Zakon.KZ. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30010701 (дата обращения: 14.12.2023).

Заключение

Анализируя сотрудничество на территории приграничных областей, можно с большой долей вероятности утверждать, что здесь скрывается неисчерпаемый потенциал для развития. Этот потенциал проявляется в реализации совместных проектов, нахождении решений для различных проблем, освоении новых технологий и расширении торговли. Помимо этого, сотрудничество на границе способно улучшить социальное и экономическое положение приграничных регионов и обеспечить их благополучие.

Омская область и Республика Казахстан планомерно формируют стратегию социально-экономического приграничного сотрудничества с целью динамичного его развития. Это стало возможным благодаря постоянному поддержанию взаимодействий и высокому многоплановому соприкосновению в различных сферах деятельности. Общую оценку сотрудничества можно охарактеризовать как удовлетворительную. Вне сомнения, приграничное сотрудничество является явным приоритетом для обеих сторон и получает достаточное отражение в программах такого сотрудничества. Однако некоторые проблемы остаются нерешенными (законодательные пробелы, слабая инфраструктура). Выбор стратегии социально-экономического приграничного сотрудничества зависит от сложившихся исторических связей, координации развития инфраструктуры, совершенствования отраслей перспективных экономических специализаций и т. п.

Развитие трансграничных связей играет преимущественную роль в разработке единого пространства по обмену товаров, капитала и рабочей силы. Для укрепления процесса кооперации необходимо проводить продуманную политику в различных областях. Это означает гармонизацию законодательной и нормативно-правовой основы, активное привлечение инвестиций для унификации экономического пространства.

Литература

1. *Абанина И. Н., Оглоблина Е. В.* Развитие торгово-экономического сотрудничества приграничных регионов России и Казахстана // Теория и практика общественного развития. 2021. № 12 (166). С. 78–90. DOI: 10.24158/tipor.2021.12.10. EDN: WDCITR
2. *Артемьева К. А., Маменов А. Н., Дунец А. Н.* Приграничные территории: сущность понятия и возможности сотрудничества России и Казахстана // География и природопользование Сибири. 2019. № 26. С. 15–23. EDN: YJUYFE
3. *Деева О. С.* Приграничное сотрудничество России и Казахстана (социально-экономическое сотрудничество) // Плехановский барометр. 2020. № 3. С. 18–21. EDN: KEMMGN
4. *Джанталеева М. Ш.* Тенденции развития в сфере приграничного сотрудничества России и Казахстана // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 3 (32). С. 100–105. EDN: PJOYEX
5. *Дубровин Ю. И., Ряснов И. А.* Региональное приграничное сотрудничество России и Китая как форма реализации преимуществ международного экономического сотрудничества // Сибирский международный. 2015. № 17. С. 236–239. EDN: TWKSTV
6. *Дубровина О. Ю., Плотникова О. В.* Международные связи регионов государств: характеристика и особенности. М. : Норма; ИНФРА-М. 2016. 192 с.
7. *Есенгалиева А. М.* Торгово-экономическое сотрудничество приграничных регионов Казахстана и России // Актуальные вопросы экономических наук. 2010. № 13. С. 163–168. EDN: RVPFLP
8. *Жундубаев М. К.* Приграничное сотрудничество между Республикой Казахстан и Российской Федерацией на современном этапе: характер развития, проблемы и перспективы : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. Москва, 2014. 32 с.
9. *Зайниева Л. Ю., Серик А. С.* Приграничное сотрудничество как фактор развития международного молодежного сотрудничества : Поведенческие теории и практика российской науки. СПб : Санкт-Петербургский государственный экономический университет. 2021. С. 97–99. EDN: ZCAANL
10. *Зотова О. А.* Социально-экономический потенциал приграничных регионов (на примере Оренбургской и Западно-Казахстанской областей) : Стратегия развития приграничных территорий: традиции и инновации. Курск : Курский государственный университет. 2018. С. 39–46. EDN: YVUGBV

11. *Калиева К. С.* Становление и развитие приграничного сотрудничества в регионе Большого Алтая (Казахстан, Россия, Монголия, Китай) // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2016. № 32. С. 307–308. EDN: WYCDVH
12. *Кравцова И. В.* Приграничное сотрудничество как фактор развития предпринимательства в трансграничном регионе (на примере Приморского края) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Владивосток, 2008. 24 с.
13. *Кротов А. В., Чернышова М. А.* Внешнеэкономические отношения приграничных районов России и Казахстана // География и природопользование Сибири. Барнаул. 2012. № 12. С. 84–92. EDN: QCKUMT
14. *Лапенко М. В., Онучко М. Ю.* От контактности к барьерности: российско-казахстанская граница и приграничное сотрудничество в условиях пандемии COVID-19 // Постсоветские исследования. 2021. Т. 4. № 7. С. 604–614. EDN: UMZHFK
15. *Мекин М. А.* Приграничное сотрудничество регионов сопредельных стран: понятие, формы, модели // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 6–5 (108). С. 68–74. DOI: 10.23670/IRJ.2021.108.6.148. EDN: GKWQOL
16. *Меньщикова С. П.* Концептуальная и нормативно-правовая база межрегионального и приграничного сотрудничества // Культура: теория и практика. 2022. № 4 (49). С. 12–18. EDN: YPOLNL
17. *Питраков В. Ю.* Межрегиональные и приграничные политические процессы: опыт сотрудничества Омской области с Республикой Казахстан // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10–2 (60). С. 127–131. EDN: UIOZYN
18. *Плотникова О. В.* Приграничное сотрудничество регионов государств как основа укрепления двусторонних международных отношений (на примере российско-китайского приграничного сотрудничества) // Сибирский международный. 2016. № 18. С. 58–62. EDN: WXCZVL
19. *Погребцова Е. А.* Реализация стратегических приоритетов развития приграничного сотрудничества Омской области и Республики Казахстан // Островские чтения. 2019. № 1. С. 235–238. EDN: OODTJT
20. *Тарасов С. Б., Межевич Н. М.* Приграничное сотрудничество как инновационная стратегия управления социально-экономическим развитием территории // Экономика и управление. 2009. № 2 S5. С. 5–8. EDN: KDRPSV
21. *Шаповалов Д. И., Кузьмина В. М.* Геополитический фактор в приграничном сотрудничестве // Интеграционные модели приграничного и межрегионального сотрудничества. Белгород : Фонд «Институт социально-экономических и политических исследований»: Костромское областное отделение Общества «Знание» России. 2015. С. 189–192. EDN: VMFJBL

Об авторе:

Погребцова Елена Александровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга экономического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Омский государственный аграрный университет имени П. А. Столыпина» (Омск, Российская Федерация);
e-mail: ea.pogrebtsova@omgau.org; ORCID: 0000-0002-4323-5753

References

1. Abanina I. N., Ogloblina E. V. Development of Trade and Economic Cooperation of Border Regions of Russia and Kazakhstan // Theory and Practice of Social Development [Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya]. 2021. No. 12 (166). P. 78–90. (In Russ.) DOI: 10.24158/tipor.2021.12.10. EDN: WDCITR
2. Artemyeva K. A., Mamenov A. N., Dunets A. N. Border Territories: The Essence of the Concept and Opportunities of Cooperation of Russia and Kazakhstan // Geography and Nature Management of Siberia [Geografiya i prirodopol'zovanie Sibiri]. 2019. No. 26. P. 15–23. (In Russ.) EDN: YJUYFE

3. Deeva O. S. Cross-border Cooperation between Russia and Kazakhstan (Socio-Economic Cooperation) // Plekhanov Barometer [Plekhanovskii barometr]. 2020. No. 3. P. 18–21. (In Russ.) EDN: KEMMGN
4. Dzhantaleyeva M. Sh. Development Trends in the Sphere of Cross-border Cooperation of Russia and Kazakhstan // The Caspian Region: Politics, Economics, Culture [Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura]. 2012. No. 3 (32). P. 100–105. (In Russ.) EDN: PJOYEX
5. Dubrovin Y. I., Ryasnov I. A. Regional Cross-border Cooperation between Russia and China as a Form of Realization of the Advantages of International Economic Cooperation // Siberian International [Sibirskii mezhdunarodnyi]. 2015. No. 17. P. 236–239. (In Russ.) EDN: TWKSTV
6. Dubrovina O. Yu., Plotnikova O. V. International Relations of the Regions of States: Characteristics and Peculiarities. Moscow : Norma; INFRA-M. 2016. 192 p. (In Russ.)
7. Yesengalieva A. M. Trade and Economic Cooperation between Border Regions of Kazakhstan and Russia // Actual Issues of Economic Sciences [Aktual'nye voprosy ekonomicheskikh nauk]. 2010. No. 13. P. 163–168. (In Russ.) EDN: RVPFLP
8. Zhundubaev M. K. Cross-border Cooperation between the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation at the Present Stage: The Nature of Development, Problems and Prospects : abstract of the dissertation for the scientific degree of candidate of political sciences. Moscow, 2014. 32 p. (In Russ.)
9. Zainieva L. Yu., Serik A. S. Cross-border Cooperation as a Factor in the Development of International Youth Cooperation : Behavioral Theories and Practices of Russian Science. Saint Petersburg: St. Petersburg State University of Economics. 2021. P. 97–99. (In Russ.) EDN: ZCAANL
10. Zotova O. A. Socio-economic Potential of Border Regions (by Way of Example of the Orenburg and West Kazakhstan Regions) : Strategy of Development of Border Territories: Traditions and Innovations. Kursk : Kursk State University. 2018. P. 31–38. (In Russ.) EDN: YVUGBV
11. Kalieva K. S. Formation and Development of Cross-border Cooperation in the Greater Altai Region (Kazakhstan, Russia, Mongolia, China) // Diary of the Altai School of Political Studies [Dnevnik Altaiskoi shkoly politicheskikh issledovanii]. 2016. No. 32. P. 307–308. (In Russ.) EDN: WYCDVH
12. Kravtsova I. V. Border Cooperation as a Factor in the Development of Entrepreneurship in the Transboundary Region (on the Example of Primorsky Territory) : abstract of thesis for the degree of candidate of economic sciences. Vladivostok, 2008. 24 p. (In Russ.)
13. Krotov A. V., Chernyshova M. A. Foreign Economic Relations of Border Regions of Russia and Kazakhstan // Geography and Nature Management of Siberia [Geografiya i prirodopol'zovanie Sibiri]. Barnaul, 2012. No. 12. P. 84–92. (In Russ.) EDN: QCKUMT
14. Lapenko M. V., Onuchko M. Yu. From Contact to Barrier: The Russian-Kazakh Border and Cross-border Cooperation in the Context of the Coronavirus Disease (COVID-19) // Post-Soviet Studies [Postsovetskie issledovaniya]. 2021. Vol. 4. No. 7. P. 604–614. (In Russ.) EDN: UMZHFK
15. Mekin M. A. Cross-border Cooperation of Regions of Neighboring Countries: Concept, Forms, Models // International Research Journal [Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal]. 2021. No. 6–5 (108). P. 68–74. (In Russ.) DOI: 10.23670/IRJ.2021.108.6.148. EDN: GKWQOL
16. Menshchikova S. P. Conceptual Basis and Regulatory Framework for Interregional and Cross-border Cooperation // Culture: Theory and Practice [Kul'tura: teoriya i praktika]. 2022. No. 4 (49). P. 12–18 (In Russ.) EDN: YPOLNL
17. Pitrakov V. Yu. Interregional and Border Political Processes: Attempt of Cooperation between Omsk Region and the Republic of Kazakhstan // Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice [Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki]. 2015. No. 10–2 (60). P. 127–131. (In Russ.) EDN: UIOZYN
18. Plotnikova O. V. Border Cooperation between Regions of States as a Basis for Strengthening Bilateral International Relations (on the Example of Russian-Chinese Border Cooperation) // Siberian International [Sibirskii mezhdunarodnyi]. 2016. No. 18. P. 58–62. (In Russ.) EDN: WXCZVL

19. Pogrebtsova E. A. Realization of Strategic Priorities for the Development of Cross-border Cooperation between the Omsk Region and the Republic of Kazakhstan // Ostrovsky Readings [Ostrovskie chteniya]. 2019. No. 1. P. 235–238. (In Russ.) EDN: OODTJT
20. Tarasov S. B., Mezhevich N. M. Border Cooperation as an Innovative Strategy for Managing the Socio-economic Development of the Territory // Economics and Management [Ekonomika i upravlenie]. 2009. No. 2 S5. P. 5–8. (In Russ.) EDN: KDRPSV
21. Shapovalov D. I., Kuzmina V. M. Geopolitical Factor in Cross-border Cooperation // Integration Models of Cross-border and Interregional Cooperation. Belgorod : Foundation "Institute of Socio-Economic and Political Studies": Kostroma regional branch of the Society "Znanie" Rossii. 2015. P. 189–192. (In Russ.) EDN: VMFJBL

About the author:

Elena A. Pogrebtsova, PhD in Economics, Associate Professor, Department of Management and Marketing, Faculty of Economics, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Omsk State Agrarian University named after P. A. Stolypin" (Omsk, Russian Federation);

e-mail: ea.pogrebtsova@omgau.org; ORCID: 0000-0002-4323-5753

CC BY

DOI: 10.22394/2073-2929-2024-01-38-47

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ: 5.2.3

EDN: AUPOGS

Международный опыт регулирования линейного контейнерного судоходства в транспортной системе

Русинов И. А.[1, *], **Щербинин Н. В.**[2]

[1] Государственный университет морского и речного флота им. адмирала С. О. Макарова, Санкт-Петербург, Российская Федерация

* e-mail: RusinovIA@gumrf.ru

ORCID: 0000-0002-6166-2580

[2] Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития РФ, Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-7457-5403

РЕФЕРАТ

Эффективная нормативно-правовая база в сфере морских линейных контейнерных перевозок имеет ряд положительных преимуществ для участников транспортных процессов. Значительное место в настоящей статье отведено обеспечению принципа common carrier для доступа широкого круга потребителей к сервисам контейнерных перевозчиков. В связи с трансформацией цепей поставок и транспортно-логистических потоков в условиях новых факторов внешнеэкономической деятельности, а также появлением новых морских линий на российском рынке контейнерных перевозок повышается актуальность данной темы исследования.

Цель. Рассмотреть аспекты нормативно-правового регулирования линейного контейнерного судоходства в США, ЕС, КНР и РФ.

Задачи. Произвести анализ стратегий морских линий на российском и глобальном рынках, выявить ключевые нормативно-правовые акты иностранных государств в сфере линейного контейнерного судоходства, определить особенности российского законодательства в этой сфере, а также пути его совершенствования.

Методология. Были собраны нормативно-правовые акты США, ЕС, КНР и РФ, которые играют чрезвычайно важную роль в развитии международных контейнерных перевозок и повышении конкурентоспособности внешнеэкономической деятельности.

Результаты. Проведено исследование релевантных нормативно-правовых баз и инструментов государственного регулирования деятельности морских контейнерных линий для обеспечения недискриминационного доступа потребителей транспортных услуг, общедоступности информации о линейных контейнерных сервисах, высокого качества транспортного обслуживания внешнеэкономических связей.

Выводы. В современных внешнеэкономических условиях альянсы и различные формы сотрудничества перевозчиков являются предметом государственного регулирования линейного контейнерного судоходства для защиты конкуренции на рынке. Законодательство США и РФ устанавливает обязательную публикацию тарифов морской линии, при этом согласно положениям законодательства КНР морские линии предоставляют свои тарифы фрахтовой бирже, которая уполномочена компетентным государственным органом. В дополнение к этому международный опыт показывает, что к морским линиями common carriers предъявляется ряд других требований. В РФ морские контейнерные перевозки выполняются как на линейных, так и на трамповых судах ввиду того, что определенные перевозчики не зарегистрированы как операторы морской линии, а информация о некоторых регулярных контейнерных сервисах ограничена.

Ключевые слова: транспортный комплекс, контейнерные перевозки, линейное судоходство, морская контейнерная линия, фрахтовые ставки, общедоступность информации
Для цитирования: Русинов И. А., Щербинин Н. В. Международный опыт регулирования линейного контейнерного судоходства в транспортной системе // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 1. С. 38–47.
https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-01-38-47. EDN: AUPOGS

International Practice of Liner Container Shipping Regulation in the Transport System

Igor A. Rusinov[a, *], **Nikita V. Shcherbinin**[b]
[a] Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping, Saint Petersburg, Russian Federation
* e-mail: RusinovIA@gumrf.ru
ORCID: 0000-0002-6166-2580
[b] Russian Foreign Trade Academy of the Ministry for Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-7457-5403

ABSTRACT
Effective regulatory and legal framework in this field has several positive advantages for the transportation participants. A significant place in the article is given to ensuring the principle of "common carrier" for access of a wide range of consumers to the container carriers service. In connection with the transformation both of supply chains and logistics flows under conditions of new foreign economic factors along with the emergence of new shipping lines on the Russian container market the relevance of this topic will continue to increase.
Aim. To consider the aspects of normative and legal regulation of liner container shipping in the USA, EU, PRC and the Russian Federation.
Tasks. To analyze the strategies of shipping lines on the Russian and global markets, to identify key regulatory legal acts of foreign countries in the sphere of liner container shipping, to identify the features of the Russian legislation in this sphere and the ways of its development.
Methods. Regulatory legal acts of the USA, EU, PRC and the Russian Federation were collected, which play an extremely important role in the development of international container transportation and increasing the competitiveness of foreign economic activity.
Results. The research of relevant legal frameworks and instruments of state regulation of sea container lines activity to ensure non-discriminatory access of consumers of transportation services, public availability of information about liner container services, high quality of transportation services for foreign economic relations was carried out.
Conclusions. In modern foreign economic conditions, alliances and various forms of carrier cooperation are the subject of state regulation of liner container shipping in order to protect competition on the market. The legislation of the USA and the Russian Federation establishes compulsory publication of shipping line tariffs, while according to the provisions of the PRC legislation shipping lines provide their tariffs to the freight exchange, which is authorized by the competent state body. In addition, international experience shows that sea lines "Common carriers" are subject to a number of other requirements. In the Russian Federation, sea container transportation is carried out by both liner and tramp vessels due to the fact that the certain carriers are not registered as shipping line operators and information about some regular container services is limited.
Keywords: transportation complex, container shipping, liner shipping, container line, freight rates, publicly available information

For citing: Rusinov I. A., ShcherbininN. V. International Practice of Liner Container Shipping Regulation in the Transport System // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 1. P. 38–47. (In Russ.)
https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-01-38-47. EDN: AUPOGS

Введение

Линейное контейнерное судоходство определяется как системообразующий компонент национального транспортного комплекса, особенно при тенденциях мультимодальности и контейнеризации мировых грузоперевозок. Одним из важнейших направлений развития перевозок контейнеров в международном сообщении является совершенствование нормативно-правовой базы.

Как правило, линейная форма судоходства в сравнении с трамповой имеет ряд отличительных признаков [10; 11]:

- объявленное расписание, содержащее информацию о движении линейных судов с указанием номера рейса, расчетного времени прибытия (Estimated time of arrival — ETA) и отправления (Estimated time of departure — ETD) линейных судов, базовых и факультативных портов судозахода;
- объявлены категории грузов, которые принимаются к перевозке на морской линии (Container cargo — CC, Break bulk — BB и др.);
- опубликованы тарифы на перевозку грузов и фрахтовые надбавки, поименованы условия перевозок опасных, скоропортящихся, тяжеловесных, негабаритных и прочих грузов;
- опубликованы дополнительные сборы, связанные с сверхнормативным использованием контейнерного оборудования (Demurrage, Detention), сверхнормативным хранением на контейнерном терминале (Port storage);
- морская линия является стороной публичного договора присоединения и имеет статус общественного перевозчика (Common carrier);
- загрузку судна составляет определенное количество грузовых партий разных владельцев, одним рейсом исполняются обязательства морской линии по целому ряду договоров с клиентской базой.

Согласно позиции профессора Э. Л. Лимонова, условия перевозки и тарифы морской линии действуют для всех клиентов. Коммерческая практика контейнерных перевозок подразумевает применение ряда тарифных схем:

- Freight all kind (FAK) — фрахтовые ставки устанавливаются на перевозки генеральных, неопасных и нережимных грузов с использованием стандартных 20- и 40-футовых контейнеров;
- Commodity box rate (CBR) — фрахтовые ставки устанавливаются в зависимости от номенклатуры грузов, перевозимых в конкретном типе контейнера.

Однако в частных случаях морская линия может согласовывать с клиентами скидки с фрахтовых ставок, отказ от штрафов за сверхнормативное использование контейнерного оборудования, специальные условия оплаты фрахта [2].

Заметим, что специальные линейные тарифы могут предоставляться для перевозок грузов конкретного клиента в соответствии с системой скидок (Named Account — NAC). Клиентские категории морской линии подразделяются на ключевую (Key accounts) и неключевую (Non-key accounts). Номинация ключевых клиентов и выделение высокоприбыльных грузопотоков происходит в связи с тем, что они обеспечивают стабильную загрузку морской линии, а также играют существенную роль в региональном развитии бизнеса морской линии.

Снижению операционных расходов и эффективному использованию провозных мощностей контейнерного флота способствуют процессы консолидации в линейном судоходстве, а именно: слияние и поглощение компаний, сотрудничество и интеграция судоходных линий, формирование и укрупнение стратегических альянсов [9].

Развитию консолидационных процессов в сфере морских контейнерных перевозок предшествовала система линейных конференций. Отличительная особенность конференциальной системы заключалась в следовании участниками линейной конференции согласованной фрахтовой политике — применение единых или общих ставок морского фрахта, общих скидок и фрахтовых надбавок [6].

На современном этапе крупнейшие участники рынка морских линейных контейнерных перевозок обеспечивают интеграцию производственной деятельности в рамках стратегических альянсов, которые позиционируются как эксплуатационное сотрудничество. Таким образом, участники альянса осуществляют координацию межфирменных взаимоотношений, в том числе совместное использование контейнерного флота на линейных маршрутах. При этом участники альянса ведут индивидуальную маркетинговую политику и самостоятельно формируют цены на морские контейнерные перевозки [4; 8].

Глобальные морские контейнерные линии при рассмотрении их организационных структур представляются транспортно-логистическими холдингами. База ресурсов группы компаний включает в себя как основную морскую составляющую — собственный и зафрахтованный флот контейнеровозов, парк контейнеров, так и составляющие в сегменте стивидорных услуг, транспортно-экспедиционной деятельности, складской логистики. В дополнение к этому определенные морские линии применяют стратегию вертикальной интеграции (например, в сферы производства контейнеров и судостроения), а также диверсификацию бизнеса в другие области транспортной индустрии [3; 5].

В этой связи система эффективного регулирования линейной формы судоходства необходима для обеспечения функционирования линейных контейнерных сервисов, повышения конкурентоспособности морских портов РФ, развития внешней торговли и создания устойчивых логистических и производственных цепочек при ограничениях, введенных крупнейшими контейнерными линиями в отношении перевозок российских внешнеторговых грузов. Далее обратимся к международному опыту правового регулирования морского линейного судоходства.

Опыт иностранных государств в области регулирования линейного судоходства

Принятый в США Shipping Act of 1984 содержит описание контролирующих функций Федеральной морской комиссии США (FMC) в области транспорта, обязанности общественных перевозчиков (Common carriers) и конференций по предоставлению в FMC информации о тарифах с приложением описания линейного сервиса, образца коносамента, проформы договора перевозки и прочих соглашений, а также о заключенных сервисных контрактах с грузоотправителями или ассоциацией грузоотправителей. Более того, такая информация должна быть доступна грузоотправителям.

В соответствии с законом морские перевозчики не могут взимать более высокую плату за перевозку, чем та, что указана в тарифах или в сервисном контракте, более того, запрещается дискриминация по предоставлению мест на судне и прочим параметрам линейного сервиса. Дополняя вышенаписанное, FMC может обязать общественного перевозчика предоставить отчет, документальный материал или иные данные, которые относятся к деятельности по морским перевозкам грузов[1].

В дальнейшем нормативно-правовая база США в области линейного судоходства была дополнена законом Ocean Shipping Reform Act of 1998 (OSRA). Закон установил обязательное предоставление тарифов на услуги общественных перевозчиков в электронном виде, однако предоставление сервисного контракта в FMC стало конфиденциальной процедурой, так как определенные существенные положения соглашения морского перевозчика и грузоотправителя не публиковались. Также в электронном виде публикуются тарифы и условия оказания услуг операторов морских терминалов. При этом FMC уполномочена устанавливать требования к доступности и точности электронной информации о линейном сервисе и о терминальных услугах[2].

---

[1] The Shipping Act of 1984. United States of America. 10.03.1984 [Электронный ресурс] // Congress.gov. URL: https://www.congress.gov/98/statute/STATUTE-98/STATUTE-98-Pg67.pdf (дата обращения: 20.02.2024).

[2] The Ocean Shipping Reform Act of 1998. United States of America. 14.10.1998 [Электронный ресурс] // Congress.gov. URL: https://www.congress.gov/105/plaws/publ258/PLAW-105publ258.pdf (дата обращения: 20.02.2024).

Ocean Shipping Reform Act of 2022 устанавливает необходимые требования к процедуре взимания морским перевозчиком сборов за сверхнормативное пользование контейнерным оборудованием (detention & demurrage), противодействует необоснованному отказу и дискриминации в отношении грузоотправителей и прочих заказчиков транспортных услуг. Отдельно прописан процесс проверки государственными органами США необоснованных отказов морских перевозчиков от перевозки опасных грузов[1].

При регулировании линейного судоходства в ЕС особое внимание уделяется вопросам развития конкуренции в отрасли. При ратификации с оговорками Конвенции о кодексе поведения линейных конференций в 1979 г. впоследствии был издан документ Council Regulation (EC) No 1419/2006. Закон устанавливает, что рынок морских линейных перевозок не является уникальным, более того, не существует доказательств, что использование системы линейных конференций приводит к стабильности фрахтовых ставок и повышению качества сервиса, а следовательно, действие исключений из антимонопольных правил в отношении линейных конференций отменено. Альтернативными формами интеграции в отрасли морских линейных перевозок являются консорциумы и альянсы[2].

В законе Commission Regulation (EC) No 906/2009 зафиксировано, что консорциумы способствуют повышению производительности и качества линейного сервиса ввиду достижения эффекта масштаба, эффективного использования контейнеровместимости флота, возможности ротации линейных судов при колебаниях спроса и предложения[3]. Однако в октябре 2023 г. Европейская комиссия не продлила антимонопольные преференции для альянсов и партнерств морских линейных контейнерных перевозчиков[4].

Европейская комиссия также взаимодействует с крупнейшими морскими контейнерными линиями в целях обеспечения прозрачности ставок фрахта и повышения уровня конкуренции. При этом, согласно документу Communication of the Commission published pursuant to Article 27(4) of Council Regulation (EC) No 1/2003 in Case AT.39850 — Container Shipping, на морские линии не возлагаются обязанности по публикации тарифов, однако если линия примет решение опубликовать свои тарифы, то они должны иметь соответствующую структуру[5].

Помимо вышеизложенного, требуется подчеркнуть, что Европейская комиссия выполняет контролирующие функции по надзору слияний и поглощений морских контейнерных линий. Можно привести следующие примеры:

- CMA CGM Group и Neptune Orient Lines (поглощение);
- Hapag-Lloyd и United Arab Shipping Company (слияние);
- Maersk Line и Hamburg Sud (поглощение);
- Nippon Yusen Kabushiki Kaisha — NYK, Mitsui O.S.K. Lines — MOL, Kawasaki Kisen Kaisha — K Line (слияние).

Предлагается рассмотреть действующие в КНР нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность в области морского линейного судоходства.

1. The Regulations of the People's Republic of China on International Maritime Transportation (RIMT).
2. Circular No 64 [2013] on the Implementing Rules of the International Container Liner Precise Freight Filing.

---

[1] The Ocean Shipping Reform Act of 2022. United States of America. 16.06.2022 [Электронный ресурс] // Congress.gov. URL: https://www.congress.gov/117/plaws/publ146/PLAW-117publ146.pdf (дата обращения: 20.02.2024).

[2] Council Regulation (EC) No 1419/2006 of 25 September 2006 repealing Regulation (EEC) No 4056/86 laying down detailed rules for the application of Articles 85 and 86 of the Treaty to maritime transport, and amending Regulation (EC) No 1/2003 as regards the extension of its scope to include cabotage and international tramp services [Электронный ресурс] // Executive Agency "Maritime Administration". URL: https://www.marad.bg/en/node/1508 (дата обращения: 20.02.2024).

[3] Commission Regulation (EC) No 906/2009 of 28 September 2009 on the application of Article 81(3) of the Treaty to certain categories of agreements, decisions and concerted practices between liner shipping companies (consortia) [Электронный ресурс] // EUR-Lex. URL: https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2009:256:0031:0034:EN:PDF (дата обращения: 20.02.2024).

[4] Communication to the commission, Expiry of Commission Regulation (EC) No 906/2009 of 28 September 2009 on the application of Article 81 (3) of the Treaty to certain categories of agreements, decisions and concerted practices between liner shipping companies (consortia), Brussels, 10.10.2023 C (2023) 6700 final [Электронный ресурс] // EUR-Lex. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52023SC0671 (дата обращения: 20.02.2024).

[5] Document 52016XC0216(01) Communication of the Commission published pursuant to Article 27 (4) of Council Regulation (EC) No 1/2003 in Case AT.39850 — Container Shipping [Электронный ресурс] // EUR-Lex. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A52016XC0216%2801%29 (дата обращения: 20.02.2024).

Ст. 14 гл. 3 Регламента деятельности в области международных морских перевозок RIMT содержит требование о наличии сертифицированной квалификации судоходной линии, которая предоставляет сервис внешнеторговых перевозок в портах КНР. Данный разрешительный документ выдается Министерством транспорта при Госсовете КНР (до 2008 г. — Министерство коммуникаций при Госсовете КНР) по заявлению линии с приложением определенного ст. 15 гл. 3 RIMT перечня документов и информации, включая расписание судоходной линии с указанием портов судозахода, ставки морского фрахта, образец коносамента[1] [7].

Информационное сообщение Министерства транспорта КНР № 64 от 15.10.2013 устанавливает обязательства судоходных линий по предоставлению ставок морского фрахта на контейнерные перевозки китайских экспортных грузов на Шанхайскую фрахтовую биржу (Shanghai Shipping Exchange — SSE) в установленном формате при согласовании со стороны Министерства транспорта КНР.

В документе упоминаются два уровня тарифов морской линии: Tariff rates (базовые ставки морского фрахта), Negotiated rates (специальные ставки морского фрахта, предоставляемые конкретным клиентам), в этой связи морская линия также направляет на Шанхайскую фрахтовую биржу данные о специальном уровне тарифов. Помимо ставки морского фрахта (Freight rate) форма для подачи тарифов включает данные о размере фрахтовых надбавок (BAF, CAF), о стоимости погрузо-разгрузочных работ (O.THC, D.THC). Отметим, что информация, предоставляемая морскими линиями на Шанхайскую фрахтовую биржу, является конфиденциальной[2].

Правовые основы деятельности морских линий в Российской Федерации

Правовое регулирование организации морских линейных контейнерных сервисов в РФ осуществляется на базе следующих источников.

1. «Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации» от 30.04.1999 № 81-ФЗ (ред. от 28.02.2023).
2. Федеральный закон от 8 ноября 2007 г. № 261-ФЗ «О морских портах в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями).
3. Приказ Министерства транспорта РФ от 22 октября 2021 г. № 356 «Об утверждении Положения о морских линиях» (с изменениями и дополнениями).

Вступление в силу Федерального закона от 03.07.2016 № 282-ФЗ предусматривает дополнение КТМ РФ гл. VII.1. «Перевозки на морской линии», а также внесение изменений во второй документ вышеуказанного перечня для предоставления преференций зарегистрированным морским линиям.

Порядок регистрации морской линии изложен в Положении о морских линиях, утвержденном приказом Министерства транспорта РФ. Для регистрации морской линии в Федеральное агентство морского и речного транспорта (Росморречфлот) направляется заявление с приложением определенной информации и документов, которые имеют отношение к организации линейного сервиса.

Подтверждение Росморречфлотом регистрации морской линии содержит следующие данные: наименование линии и оператора, регистрационный номер, основные и факультативные порты захода, сведения о типах и количестве линейных судов.

---

[1] Implementing Rules of the Regulations of the People's Republic of China on International Maritime Transportation (Adopted at the 14th Ministerial Executive Meeting of the Ministry of Communications of December 25, 2002, promulgated by Decree No. 1 of the Ministry of Communications on January 20, 2003, effective as of March 1, 2003 and amended at the 10th Ministerial Executive Meeting of the Ministry of Transport (formerly Ministry of Communications) on August 22, 2013. The Amendments enter into force as of August 29, 2013) [Электронный ресурс] // EN.SSE.NET.CN. URL: https://en.sse.net.cn/resource/file/Implementing%20Rules.doc (дата обращения: 20.02.2024).}{Regulations of the People's Republic of China on International Maritime Transportation (Adopted at the 49th Executive Meeting of the State Council on November 5, 2001, promulgated by Decree No. 335 of the State Council of the People's Republic of China on December 11, 2001, effective as of January 1, 2002, and amended at the 10th Executive Meeting of State Council on May 31, 2013. The Amendments enter into force as of July 18, 2013) [Электронный ресурс] // EN.SSE.NET.CN. URL: https://en.sse.net.cn/resource/file/Maritime%20Transportation%20Regulations.doc (дата обращения: 20.02.2024).

[2] Circular No. 64 [2013] on the Implementing Rules of the International Container Liner Precise Freight Filing Issued by the Ministry of Transport of People's Republic of China on October 15th, 2013. [Электронный ресурс] // EN.SSE.NET.CN. URL: https://en.sse.net.cn/resource/file/Circular%20on%20the%20Implementing%20Rules.doc (дата обращения: 20.02.2024).

Согласно ст. 114.4 «Условия перевозки на морской линии» оператор зарегистрированной морской линии обязан разместить на официальном сайте расписание линейного флота и информацию о предельной стоимости перевозки единицы груза, при этом устанавливаются требования к содержанию расписания морской линии и к максимально допустимому отклонению от расписания. При несоблюдении оператором морской линии данных условий перевозки морская линия снимается с регистрационного учета по решению Росморречфлота на основании п. 17 Положения о морских линиях.

Линейное расписание фиксируется на три месяца с даты регистрации, по истечении этого срока оператор имеет право корректировать расписание движения судов. Допустимое отклонение составляет четверо суток, при систематическом нарушении (два раза и более) морская линия снимается с регистрационного учета.

На практике такие требования могут ограничивать контейнерных перевозчиков при оперативном управлении флотом. При регулярных морских перевозках в Дальневосточном и Азово-Черноморском бассейнах транзитное время может составлять от трех до десяти суток. При высокой частоте судозаходов возникает риск отклонений от расписания, следовательно, операторы морских линий обычно публикуют расписание на 1–2 месяца.

Горизонт планирования при межконтинентальных перевозках (Deep Sea сервисы) значительно расширен, расписание публикуется на три месяца или даже на более продолжительный срок. При этом транзитное время в пути составляет порядка 40–60 суток, перевозка может включать операцию перевалки (трансшипмента), а регулярность составляет два-четыре судозахода в месяц. В целом на данном сегменте срок планирования движения флота является достаточным для формирования расписания в соответствии с условиями перевозки на морской линии.

Однако следует отметить и основные причины отклонения от расписания морской линии: избыточное количество портов судозахода, длительное ожидание постановки судна к причалу, техническая неисправность судна, неполучение разрешения на выход из морского порта, перестановка судов на линейных сервисах, навигационные условия, военные риски и прочее. П. 20 Положения о морских линиях освобождает оператора от ответственности при отклонениях от расписания ввиду стихийных бедствий и военных действий, то есть тех факторов, которые оператор не мог предотвратить.

Операторам морских контейнерных линий, зарегистрированных в соответствии с действующим законодательством РФ, предоставляется ряд преференций: обеспечивается первоочередной порядок движения и оказания услуг по обслуживанию при государственном контроле, применяются понижающие коэффициенты к ставкам портовых сборов для линейных судов. Таким образом, при организации морских линейных контейнерных сервисов операторы получают возможность как снизить длительность выполнения транспортных операций в порту, а следовательно, улучшить качество предоставляемых услуг, так и снизить расходы, связанные с осуществляемыми судозаходами. Однако при снятии морской линии с регистрационного учета до истечения срока регистрации оператор возвращает полученные скидки по портовым сборам в полном объеме.

Кроме того, Федеральная антимонопольная служба осуществляет государственный контроль на рынке линейных контейнерных перевозок. В качестве примера можно привести Решение ФАС России по делу линейных перевозчиков (Решение по делу № 1-11-313/00-22-13)[1]. В 2015 г. был установлен факт необоснованного завышения ставок морского фрахта крупнейшими контейнерными линиями и их агентами. ФАС России квалифицировала эти действия как «синхронное и единообразное поведение», которое нарушает антимонопольное законодательство. Одновременное увеличение цен на услуги морских линий имеет негативный эффект для клиентов в части роста их транспортных расходов, а также ограничивает конкуренцию.

Тем не менее контейнерные операторы активно участвуют в отраслевых объединениях (альянсы, ассоциации, союзы, советы и прочие) и согласовывают свои действия для достижения различных целей, в том числе для расширения международного сотрудничества, координации взаимодействия, анализа

[1] Решение ФАС России по делу № 1-11-313/00-22-13 о нарушении антимонопольного законодательства на рынке линейных контейнерных перевозок [Электронный ресурс] // FAS.GOV.RU (Федеральная антимонопольная служба (ФАС России)). URL: https://fas.gov.ru/documents/400390 (дата обращения: 10.09.2023).

конъюнктуры транспортного рынка, подготовки предложений по развитию отрасли. Данная тенденция сохраняется и в условиях санкционного режима логистики.

Отмечается важное значение работы морских линий на общедоступных и публичных условиях при функционировании и оптимальном развитии линейного судоходства в РФ[1].

Тем не менее в настоящее время не все контейнерные перевозчики предоставляют логистические сервисы по принципу common carrier, то есть практикуется перевозка грузов корпоративных клиентов, а доступ широкого круга грузоотправителей к этим сервисам ограничивается. Однако наряду с этим контейнерные перевозчики выполняют транспортные операции на регулярной основе с учетом объявленного расписания, не регистрируя морскую линию и не получая преференции оператора морской линии. Таким образом, на контейнерных перевозчиков не возлагаются обязанности по публикации тарифов и соблюдению расписания.

Ввиду того что одним из ключевых конкурентных преимуществ на рынке морских контейнерных перевозок является стоимость логистического сервиса, контейнерные перевозчики при осуществлении своей коммерческой деятельности могут оценить размещение тарифов в открытом доступе как неприемлемые риски.

Стоит также упомянуть особенность конкурентной среды рынка морских контейнерных перевозок России, которая заключается в том, что подавляющая часть рынка контролируется региональными операторами. В процессе преобразований транспортного комплекса начали запускаться сервисы новых морских контейнерных линий для повышения тоннажа при обслуживании основных направлений внешней торговли [1]. Дополняя вышенаписанное, опубликованные тарифы зарегистрированной морской линии могут быть использованы конкурентами (в том числе трамповыми перевозчиками) как маркетинговая информация для продвижения своих сервисов по заниженным ценам.

На фоне действующих внешнеэкономических факторов возрастает роль диверсификации транспортных маршрутов и развития новых контейнерных сервисов при распределении нагрузки на инфраструктуру[2]. Запуск морских линейных контейнерных сервисов через Суэцкий канал и Северный морской путь в сообщении «Азия — РФ» без операции трансшипмента в европейских портах-хабах служит иллюстрацией переключения грузопотоков на альтернативные маршруты.

Для повышения степени информированности клиентской базы о линейных контейнерных сервисах и совершенствования общедоступности услуг линейного судоходства применяются следующие инструменты:

- публикация на официальном сайте контейнерной линии тарифов на морские и комбинированные перевозки грузов;
- размещение на официальном сайте стивидорных компаний (операторов морских контейнерных терминалов) информации о регулярных сервисах морских линий и об их судозаходах;
- ведение сводного реестра морских линий Росморречфлотом;
- публикация аналитических докладов (например, составленные InfraNews и SeaLogic рейтинги морских контейнерных линий), а также мониторинг отраслевыми СМИ текущих и планируемых сервисов контейнерных перевозчиков.

Заключение

Обобщая вышеизложенное, можно заключить, что услуги линейного контейнерного судоходства обладают особой значимостью при качественном транспортном обслуживании внешней торговли и развитии национального транспортного комплекса. Как следствие, уполномоченные государственные органы США, ЕС, КНР и РФ ведут деятельность по регулированию отрасли морских линейных контейнерных перевозок

[1] Комиссия по законопроектной деятельности одобрила законопроект о государственном регулировании линейного судоходства [Электронный ресурс] // GOVERNMENT.RU (Правительство России) URL: http://government.ru/dep_news/20092/ (дата обращения: 10.09.2023).

[2] Проблемы контейнерной логистики в сообщении со странами АТР. Презентация В. Н. Маркова [Электронный ресурс] // 2022.TRANSWEEK.DIGITAL (Транспортная неделя 2022). URL: https://2022.transweek.digital/upload/iblock/009/ku9b7i1t52fobponqsxyat8qd60wo6nk/MARKOV%20VIKTOR.pptx (дата обращения: 10.09.2023).

при обеспечении общедоступности информации о сервисах и тарифах линий. Нормативно-правовая база РФ предусматривает регистрацию морской линии Росморречфлотом при установлении определенных преференций для линейных судов, вместе с этим ряд перевозчиков оказывают регулярный сервис по перевозке контейнерных грузов, не регистрируя морскую линию и не выполняя полный перечень условий перевозки на морской линии (ст. 114.4 КТМ РФ).

Литература

1. *Голубчик А. М., Пак Е. В.* Внешнеторговая транспортная логистика России в условиях санкционного режима: год спустя // Российский внешнеэкономический вестник. 2023. № 10. С. 77–84. DOI: 10.24412/2072-8042-2023-10-77-84. EDN: UYKWME
2. *Лимонов Э. Л.* Внешнеторговые операции морского транспорта и мультимодальные перевозки. Изд. 3-е, перераб. и доп. СПб. : Модуль, 2006. 599 с. EDN: PABPBK
3. *Мудрова О. М., Лихачева М. А.* Организационные структуры крупнейших контейнерных перевозчиков (Азия — Европа — Азия) // Сб. научных трудов АО «ЦНИИМФ»: сб. статей / Центральный научно-исследовательский и проектно-конструкторский институт морского флота. СПб. : Акционерное общество «Центральный ордена Трудового Красного Знамени научно-исследовательский и проектно-конструкторский институт морского флота», 2021. С. 63–73. EDN: DBKVGH
4. *Нелогов А. Г., Уами А.* Альянсы морских контейнерных перевозчиков. Суть явления и практическое значение // Российское конкурентное право и экономика. 2021. № 1 (25). С. 44–51. DOI: 10.47361/2542-0259-2021-1-25-44-51. EDN: GUMWHS
5. *Нелогов А. Г.* На пути к Олимпу // Вести морского Петербурга. 2018. № 3. С. 18–20 [Электронный ресурс] // WWW.MORSPB.RU URL: http://www.morspb.ru/files/vesti-3_2018.pdf (дата обращения: 10.09.2023).
6. *Русинов И. А., Гаврилова И. А., Нелогов А. Г.* Коротко о линейных конференциях // Морской вестник. 2016. № 2. С. 113–116. EDN: VYXNSF
7. *Русинов И. А., Гаврилова И. А., Нелогов А. Г.* Политика КНР в области линейного судоходства // Эксплуатация морского транспорта. 2017. № 3 (84). С. 26–37. EDN: ZXQXVB
8. *Тенишев А. П., Хамуков М. А.* Картели в линейном судоходстве: эволюция или трансформация? // Морской флот. 2015. № 5. С. 28–32 [Электронный ресурс] // MORVESTI.RU (Морские вести России). URL: https://morvesti.ru/analitika/1692/60279/ (дата обращения: 10.09.2023).
9. *Тюленев К. Г.* Управление контейнерными перевозками во внешнеэкономической деятельности. СПб. : ИПТ РАН. 2017. 112 с. EDN: XOYVYT
10. *Холопов К. В., Голубчик А. М., Исакова М. А.* Экономика и организация транспортного обеспечения внешнеэкономической деятельности. М. : Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации. 2016. 236 с. EDN: VYKUSB
11. *Шутенко В. В.* Коммерческая работа на морском транспорте. Ч. 1. : учебник. СПб. : ГМА им. адм. С. О. Макарова, 2011. 216 с. EDN: QVFXVD

Об авторах:

Русинов Игорь Александрович, заведующий кафедрой коммерческой эксплуатации водного транспорта Института международного транспортного менеджмента Государственного университета морского и речного флота им. адмирала С. О. Макарова (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор технических наук, профессор;
e-mail: RusinovIA@gumrf.ru; ORCID: 0000-0002-6166-2580

Щербинин Никита Вячеславович, магистрант Факультета внешнеторгового менеджмента Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации (Москва, Российская Федерация);
e-mail: scherbi.nik@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-7457-5403

References

1. Golubchik A. M., Pak E. V. Logistics of Russia's Foreign Trade and Economic Sanctions: Marking First Anniversary // Russian Foreign Economic Journal [Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik]. 2023. No. 10. P. 77–84. (In Russ.) DOI: 10.24412/2072-8042-2023-10-77-84. EDN: UYKWME
2. Limonov E. L. Foreign Trade Operations in Maritime Transport and Multimodal Transport. Saint Petersburg : Modul, 2006. 3rd ed. 599 p. (In Russ.) EDN: PABPBK
3. Mudrova O. M., Likhacheva M. A. Organizational Structures of the Largest Container Carriers (Asia — Europe — Asia) // Collection of Scientific Works CNIIMF JSC : collection of articles / Central Marine Research and Design Institute. Saint Petersburg, 2021. P. 63–73. (In Russ.) EDN: DBKVGH
4. Nelogov A. G., Ouami A. Alliances of Maritime Liner Container Carriers: The Essence of this Phenomenon and Its Practical Significance // Russian Competition Law and Economy [Rossiiskoe konkurentnoe pravo i ekonomika]. 2021. No. 1 (25). P. 44–51. (In Russ.) DOI: 10.47361/2542-0259-2021-1-25-44-51. EDN: GUMWHS
5. Nelogov A. G. On the Way to Olympus // News of Marine Petersburg [Vesti Morskogo Peterburga]. 2018. No. 3. P. 18–20 [Electronic resource] // WWW.MORSPB.RU. URL: http://www.morspb.ru/files/vesti-3_2018.pdf (accessed: 10.09.2023). (In Russ.)
6. Rusinov I. A., Gavrilova I. A., Nelogov A. G. Shortly about Linear Conferences // Morskoy Vestnik. 2016. No. 2. P. 113–116. (In Russ.) EDN: VYXNSF
7. Rusinov I. A., Gavrilova I. A., Nelogov A. G., China's Policy on Liner Shipping // Operation of Maritime Transport [Ekspluatatsiya morskogo transporta]. 2017. No. 3 (84). P. 26–37. (In Russ.) EDN: ZXQXVB
8. Tenishev A. P., Khamukov M. A. Cartels in Liner Shipping: An Evolution or a Transformation? // Maritime Fleet [Morskoi flot]. 2015. No. 5. P. 28–32 [Electronic resource] // MORVESTI.RU. URL: https://morvesti.ru/analitika/1692/60279/ (accessed: 10.09.2023). (In Russ.)
9. Tyulenev K. G. Container Shipping Management in Foreign Economic Activity. Saint Petersburg : ITP of RAS. 2017. 112 p. (In Russ.) EDN: XOYVYT
10. Kholopov K. V., Golubchik A. M., Isakova M. A. Economics and Organization of Transport Support of Foreign Economic Activity. Moscow : Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation. 2016. 236 p. (In Russ.) EDN: VYKUSB
11. Shutenko V. V. Commercial Work on Maritime Transport. Chapter 1. Saint Petersburg : Admiral Makarov State Maritime Academy, 2011. 216 p. (In Russ.) EDN: QVFXVD.

About the authors:

Igor A. Rusinov, Head of the Department of Commercial Operation of Water Transport of the Institute of International Transport Management of the Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Technical Sciences, Professor;
e-mail: RusinovIA@gumrf.ru; ORCID: 0000-0002-6166-2580

Nikita V. Shcherbinin, Master's student at the Foreign Trade Management Department of the Russian Foreign Trade Academy of the Ministry for Economic Development of the Russian Federation (Moscow, the Russian Federation);
e-mail: scherbi.nik@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-7457-5403

CC BY

DOI: 10.22394/2073-2929-2024-01-48-59

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ: 5.2.3

EDN: BISYWJ

Опыт и перспективы развития российско-таджикского сотрудничества в сфере образования

Федченко А. А.[1, *], **Борисова Л. И.**[2]

[1] Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

* e-mail: faa1711@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9450-3498

[2] Российско-Таджикский (Славянский) университет (Душанбе, Республика Таджикистан)

РЕФЕРАТ

Статья посвящена анализу российско-таджикского сотрудничества в сфере образования и обобщению результатов исследований российских и зарубежных ученых для формирования позиции, подтверждающей важность интеграции деятельности образовательных организаций, что является предпосылкой повышения человеческого потенциала как базовой составляющей социально-экономического развития общества. Предложен комплекс мероприятий, ориентированных на развитие Российско-Таджикского (Славянского) университета, сформирован вектор российско-таджикского сотрудничества в сфере образования.

Цель. На основе изучения многолетнего опыта взаимодействия в сфере образования между Россией и Республикой Таджикистан и особенностей новой экономической реальности выявить наиболее адекватные современности формы международного сотрудничества, обосновав вектор их трансформации.

Задачи. Изучить истоки формирования и проанализировать реальность научно-образовательного взаимодействия между Россией и Таджикистаном. Обобщить и оценить опыт сотрудничества Российско-Таджикского (Славянского) университета (РТСУ) с российскими вузами. Обосновать наиболее адекватные современной экономической реальности формы международного сотрудничества в сфере образования и выявить вектор их дальнейшего развития в Республике Таджикистан.

Методология. В исследовании применены: анализ и синтез, индукция и дедукция, сравнения и группировки, эволюционный и исторический подходы.

Результаты. Исследование показало, что российско-таджикское сотрудничество в сфере образования имеет глубокие корни, базирующиеся на многолетней законодательной базе, что позволяет реально оценивать сложившиеся взаимоотношения между Россией и Республикой Таджикистан и выявлять перспективы их развития. Обобщение и адаптация имеющегося опыта позволили сформировать аргументированные позиции, способствующие повышению научно-образовательного уровня и улучшению профессиональных компетенций обучаемого состава, что направлено на социально-экономическое развитие двух дружественных стран. Проведенное исследование позволило сформировать следующие элементы научной новизны и практической значимости: теоретическая новизна состоит в обосновании необходимости интеграции деятельности образовательных организаций и выделении организационной структуры образовательной организации по типу организации, основанной на знаниях, в качестве предпочтительной в нестабильной социально-экономической среде; практическая значимость состоит в том, что предложен комплекс мероприятий, ориентированных на развитие РТСУ, и сформирован вектор развития образовательных организаций в условиях их международной интеграции.

Выводы. Научно-образовательное сотрудничество между Россией и Таджикистаном взаимовыгодно для каждой из сторон. Оценка сложившейся ситуации и обоснование предложений

по дальнейшему развитию взаимосвязей между этими странами позволили выявить вектор их трансформаций. Для России и Таджикистана важна связь образования с изменениями, происходящими в каждой из стран. Поскольку эти изменения динамичны, то существенная роль должна отводиться непрерывному профессиональному образованию. Для более эффективной реализации непрерывного профессионального образования необходима работа по профориентации, что хорошо сочетается с дуальной системой образования, предусматривающей тесное сотрудничество с компаниями, а также развитие дополнительного профессионального образования, активно реагирующего на изменения рынка труда. Достижение положительных результатов возможно только в условиях активного развития современных компьютерных технологий, предусматривающих интерактивность, визуализацию, использование кейс-стадий, мини-исследований, проектной работы, а также возможность гибридного обучения. При таком подходе возрастает качество комплексных междисциплинарных исследований и разработок. Рекомендуется формирование организационной структуры образовательной организации по типу организации, основанной на знаниях, являющейся предпочтительной в нестабильной социально-экономической среде. Основой реализации предложений по дальнейшему развитию научно-образовательных взаимосвязей между Россией и Таджикистаном является социальное партнерство как инструмент регулирования социально-трудовых отношений.

Ключевые слова: международные отношения, сфера образования, особенности сотрудничества, перспективы трансформации высшего образования, Республика Таджикистан

Для цитирования: Федченко А. А., Борисова Л. И. Опыт и перспективы развития российско-таджикского сотрудничества в сфере образования // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 1. С. 48–59.

https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-01-48-59. EDN: BISYWJ

Experience and Prospects for the Development of Russian-Tajik Cooperation in the Field of Education

Anna A. Fedchenko[a, *], **Lyubov I. Borisova**[b]

[a] Financial University at Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

* e-mail: faa1711@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9450-3498

[b] Russian-Tajik (Slavic) University, Dushanbe, Republic of Tajikistan

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of Russian-Tajik cooperation in the field of education and summarizing the results of research by Russian and foreign scientists to form a position confirming the importance of integrating the activities of educational organizations, which is a prerequisite for increasing human potential as the basic component of the socio-economic development of society. A set of measures focused on the development of the Russian-Tajik (Slavic) University was proposed, a vector of Russian-Tajik cooperation in the field of education was formed.

Aim. Based on the study of many years of experience in interaction in the field of education between Russia and the Republic of Tajikistan and the features of the new economic reality, identify the most adequate forms of international cooperation, justifying the vector of their transformation.

Tasks. Study the origins of the formation and analyze the reality of scientific and educational interaction between Russia and Tajikistan. Summarize and evaluate the experience of cooperation between the Russian-Tajik (Slavic) University and Russian universities. Justify the most adequate forms of international cooperation in the field of education and identify the vector of their further development in the Republic of Tajikistan.

Methods. The study applied: analysis and synthesis, induction and deduction, comparisons and grouping, evolutionary and historical approaches.
Results. The study showed that Russian-Tajik cooperation in the field of education has deep roots based on a long-term legislative framework, which makes it possible to really assess the existing relations between Russia and the Republic of Tajikistan and identify the prospects for their development. The generalization and adaptation of the existing experience made it possible to form reasoned positions that contribute to improving the scientific and educational level and improving the professional competencies of the trained staff, which is aimed at the socio-economic development of the two friendly countries. The study made it possible to form the following elements of scientific novelty and practical significance. Theoretical novelty consists in justifying the need to integrate the activities of educational organizations and allocating the organizational structure of an educational organization by type of organization based on knowledge as preferable in an unstable socio-economic environment. Practical significance lies in the fact that a set of measures focused on the development of RTSU is proposed and a vector for the development of educational organizations is formed in the context of their international integration.
Conclusions. Scientific and educational cooperation: between Russia and Tajikistan is mutually beneficial for each of the parties. Assessment of the current situation and justification of proposals for the further development of relations between these countries made it possible to identify the vector of their transformations. For Russia and Tajikistan, the connection of education with the changes taking place in each of the countries is important. Since these changes are dynamic, continuous vocational education should play a significant role. For more effective implementation of continuing vocational education, work on career guidance is necessary, which is well combined with a dual education system that provides for close cooperation with companies, as well as the development of additional vocational education that actively responds to changes in the labor market. Positive results can be achieved only in the context of the active development of modern computer technologies, providing for interactivity, visualization, the use of case stages, mini-research, design work, as well as the possibility of hybrid learning. With this approach, the quality of comprehensive interdisciplinary research and development increases. It is recommended to form an organizational structure of an educational organization according to the type of organization based on knowledge, which is preferable in an unstable socio-economic environment. The basis for the implementation of proposals for the further development of scientific and educational relations between Russia and Tajikistan is social partnership, as an instrument for regulating social and labor relations.
Keywords: international relations, education sector, features of cooperation, prospects for transformation of higher education, Republic of Tajikistan
For citing: Fedchenko A. A., Borisova L. I. Experience and Prospects for the Development of Russian-Tajik Cooperation in the Field of Education // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 1. P. 48–59. (In Russ.)
https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-01-48-59. EDN: BISYWJ

Введение

Трансформационные процессы в современном мире и новая экономическая реальность требуют всестороннего осмысления имеющегося опыта, сложившейся ситуации и перспектив развития научно-образовательного сотрудничества со всеми участниками этого процесса, важнейшими среди которых являются Россия и Таджикистан. Международный и российский опыт сотрудничества в сфере высшего образования представлен как в ряде российских, так и таджикских источников. Одни российские авторы акцентировали внимание на необходимости перестройки российского образования в соответствии с глобальными и национальными вызовами [10; 13; 15], другие раскрывали задачи высшего образования и подчеркивали роль университетов в их решении [6; 7], третьи рассматривали наиболее эффективные

в современных условиях формы образовательного процесса, такие как гибридное обучение [2] и дополнительное профессиональное образование [12]. В таджикских источниках в большей степени уделяется внимание прикладным аспектам образования, способствующим повышению уровня использования человеческих ресурсов [1; 3], а также улучшению ситуации на рынках Республики Таджикистан [5; 8]. Исследования зарубежных авторов свидетельствуют о повышении внимания к вопросам образования. В частности, согласно полученным ими результатам по состоянию на 2021 г., исследования по обеспечению качества высшего образования распространились в половине стран мира [17].

Формат международного сотрудничества формируется с опорой на законодательную базу. Так, в соответствии со ст. 3 Закона об образовании в Российской Федерации одним из основных принципов государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования является «создание благоприятных условий для интеграции системы образования Российской Федерации с системами образования других государств на равноправной и взаимовыгодной основе». В рамках нашего исследования важным также является соблюдение принципа обеспечения «права на образование в течение всей жизни в соответствии с потребностями личности, адаптивность системы образования к уровню подготовки, особенностям развития, способностям и интересам человека»[1].

В законодательной базе Российской Федерации и Таджикистана неоднократно обращается внимание на необходимость повышения уровня человеческого потенциала, что непосредственно связывается с высшим образованием. Так, в соответствии с Национальной стратегией развития Республики Таджикистан на период до 2030 г. важная роль уделяется развитию человеческого потенциала на основе обеспечения равенства и доступности образования, улучшения качества на всех уровнях образования (с. 42)[2].

Мы полностью разделяем позицию авторов, связывающих проблемы формирования адекватного современной экономической ситуации рынка труда и обеспечения единства образовательного пространства «в ситуации, когда ФГОСы ограничиваются формулировкой компетенций, а индикаторы достижения, результаты обучения каждая образовательная организация устанавливает самостоятельно» [13, с. 343]. Эта проблема становится еще более острой в условиях взаимодействия вузов, находящихся в РФ и в Республике Таджикистан. Таким образом, изучение литературных источников и законодательной базы позволило обосновать необходимость интеграции деятельности образовательных организаций, что позиционируется как теоретическая новизна исследования.

Истоки и реальность формирования научно-образовательного взаимодействия между Россией и Республикой Таджикистан

Между Россией и получившей государственную независимость Республикой Таджикистан сразу сложились дружеские связи. Дипломатические отношения между Россией и Таджикистаном установлены 8 апреля 1992 г.[3]

В настоящее время укрепление этих отношений обусловлено важностью улучшения демографической ситуации в России, чему способствует миграционная политика этих стран, связанная с положительной динамикой городского и сельского населения в Республике Таджикистан (рис. 1).

В соответствии с рис. 1 для Таджикистана характерны высокие темпы роста населения, прежде всего сельского. Поскольку ежегодный прирост населения в трудоспособном возрасте значительно превышает прирост числа рабочих мест в экономике, Таджикистан является трудоизбыточной страной — «донором» трудовой миграции для других стран, в первую очередь для России, что подтверждает важность

[1] Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. 04.08.2023. Действует с 01.09.2023) «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Контур Норматив. URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=455158&ysclid=lompckn6gb232980873 (дата обращения: 14.11.2023).

[2] Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года [Электронный ресурс]. URL**:** https://medt.tj/documents/main/strategic_national_programm/strategic_national_prog_ru.pdf (дата обращения: 14.11.2023).

[3] Межгосударственные отношения России и Таджикистана [Электронный ресурс] // РИА Новости. 28.06.2022. URL: https://ria.ru/20220628/otnosheniya-1798439541.html (дата обращения: 18.11.2023).

и взаимовыгодность сотрудничества. Треть валового внутреннего продукта страны — это переводы трудовых мигрантов из-за рубежа. При этом динамика валового внутреннего продукта в целом и в расчете на душу населения отличается неустойчивостью, что свидетельствует о наличии ряда проблем и необходимости их решения. Так, валовый внутренний продукт в расчете на душу населения в последние годы несколько возрос, но не достиг прежнего уровня (рис. 2).

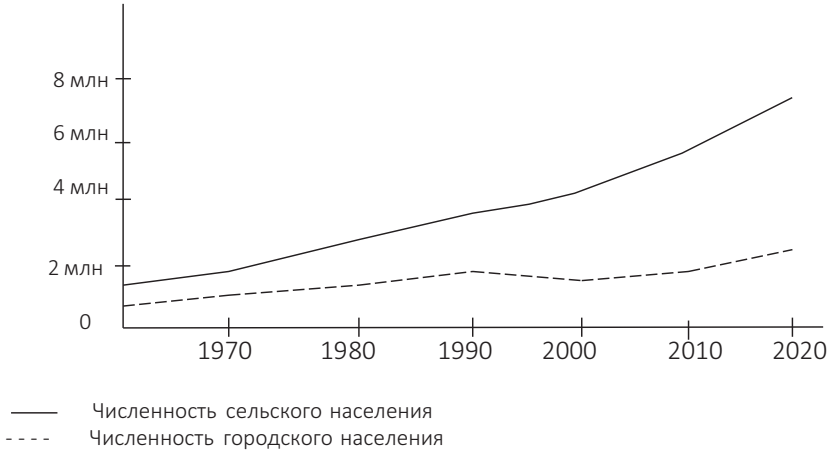

Рис. 1. Динамика городского и сельского населения в Республике Таджикистан

Fig. 1. Dynamics of urban and rural population in the Republic of Tajikistan

Источник: Таджикистан. Data Commons. Place Explorer [Электронный ресурс]. URL: https://datacommons.org/place/country/TJK?utm_medium=explore&mprop=count&popt=Person&hl=ru (дата обращения: 23.02.2024)

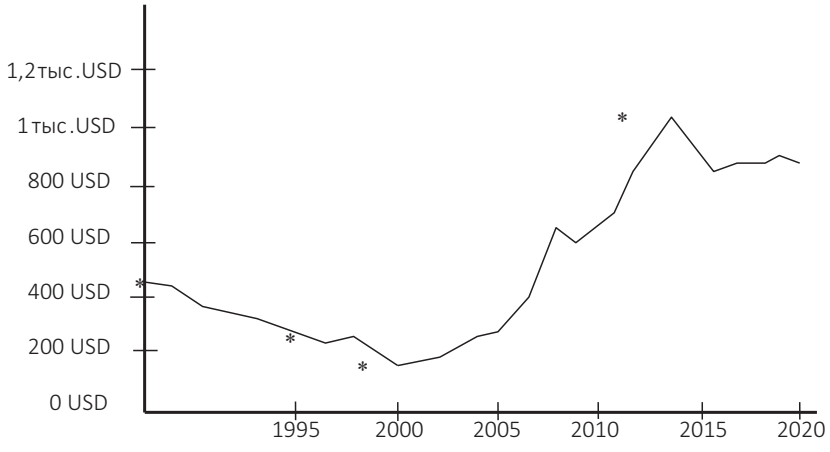

Рис. 2. Динамика валового внутреннего продукта на душу населения в Республике Таджикистан

Fig. 2. Dynamics of gross domestic product per capita in the Republic of Tajikistan

Источник: Таджикистан. Data Commons. Place Explorer [Электронный ресурс]. URL: https://datacommons.org/place/country/TJK?utm_medium=explore&mprop=count&popt=Person&hl=ru (дата обращения: 23.02.2024)

Такое положение вызвано тем, что после объявления независимости в 1991 г. Таджикистан пережил десятилетний период экономического спада, в течение которого объем ВВП не превышал 2 млрд долл.

С 2000 г. до 2014 г. происходил ускоряющийся рост экономики, но после 2014 г. наблюдается период экономической нестабильности. В настоящее время реализуется «Программа среднесрочного развития Республики Таджикистан на 2021–2025 гг.», ориентированная на ускоренное развитие страны.

В результате взаимодействия Россия помогла Таджикистану отстоять демократические ценности и сформировать взаимовыгодное сотрудничество во всех сферах, одной из которых является научно-образовательная. Развитие этой формы сотрудничества связано с тем, что существенной проблемой Республики Таджикистан является недостаток высококвалифицированных кадров. Российская Федерация активно способствует ее решению. Это проявляется в ежегодном выделении квот для обучения в российских вузах.

Наиболее востребованными вузами для таджикской молодежи являются РУДН и Казанский федеральный университет. В качестве положительного результата сотрудничества необходимо отметить открытие в Таджикистане трех филиалов российских вузов: Национального исследовательского технологического университета, Национального исследовательского университета и Российско-Таджикского (Славянского) университета. Спектр востребованных специальностей весьма широк. Среди них «юриспруденция», «менеджмент» и «международные отношения», создающие почву для успешного международного сотрудничества.

Количество таджикских студентов, обучающихся в вузах РФ, неуклонно и постоянно растет. «В 2023 году в российских вузах обучалось свыше 28 тыс. граждан Таджикистана, годом ранее было 23 тыс., годовой прирост составил 22%, и, я думаю, это не предел», — сказал посол РФ в Таджикистане С. Григорьев[1].

В соответствии с законодательной базой Республики Таджикистан языковая политика этого государства нацелена на активное продвижение русского языка, что нашло отражение в «Государственной программе совершенствования преподавания и изучения русского и английского языков в Республике Таджикистан на период до 2030 года» (Постановление Правительства РТ № 438 от 30 августа 2019 года)[2]. В соответствии с данной политикой в одиннадцати вузах Таджикистана имеются факультеты или отделения русской филологии и во всех вузах существуют группы с русским языком обучения, а в неязыковых группах обучение русскому языку ведется в течение одного или двух семестров. В рамках программы «Российский учитель за рубежом» для работы в 2023/2024 учебном году в Таджикистан прибыли 66 преподавателей из России. Российский педагогический состав призван поднять уровень образования в Худжанде, Исфаре и Канибадаме.

В сфере высшего образования сотрудничество осуществляется весьма активно, поскольку «Таджикистан — единственная на постсоветском пространстве республика, которая сохранила российскую систему подготовки научных кадров. В Высшей аттестационной комиссии РФ зарегистрированы более 20 диссертационных советов вузов и научных учреждений Республики Таджикистан, из них 4 объединенных совета. В этих советах можно защитить научные работы по 37 специальностям: физике, математике, химии, технике, медицине, филологии, истории, философии, основам законодательства, политологии, педагогике, экономике и другим»[3]. Взаимодействие вузов находит все более четкое проявление, выражающееся в создании таких форм, как совместный Российско-Таджикский (Славянский) университет, филиалы МГУ им. М. В. Ломоносова, Московский энергетический институт, Национальный исследовательский технологический университет. Наиболее подробно опыт взаимодействия российских и таджикских вузов рассмотрен нами на примере Российско-Таджикского (Славянского) университета.

---

[1] Число таджикских студентов в российских вузах за год выросло на 22% [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/obschestvo/17800323 (дата обращения: 17.11.2023).

[2] Постановление Правительства Республики Таджикистан от 30 августа 2019 года № 438 «О Государственной программе совершенствования преподавания и изучения русского и английского языков в Республике Таджикистан на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=32573267&show_di=1#sub_id=0 (дата обращения: 17.11.2023).

[3] Образование в Таджикистане: интеграция в мировое сообщество [Электронный ресурс] // Бизнес России. 19.12.2016. URL: https://glavportal.com/materials/obrazovanie-v-tadzhikistane-integraciya-v-mirovoe-soobshestvo/?ysclid=lp2kciv15z848307292 (дата обращения: 17.11.2023).

Опыт сотрудничества Российско-Таджикского (Славянского) университета с российскими вузами

Межгосударственное образовательное учреждение высшего образования «Российско-Таджикский (Славянский) университет» (РТСУ) создано в г. Душанбе в 1996 г. Данный университет является одним из хранителей русского языка и культуры. В его стенах поддерживается культура общения на русском языке, в т. ч. действуют соответствующие курсы для различных слоев населения. Преподаватели отделения русской филологии неоднократно проводили в городах Худжанд, Бохтар, Куляб, Рашт олимпиады и фестивали русского языка и культуры.

С момента возникновения вуза в нем был открыт Центр культуры, направление деятельности которого заключается в организации выставок, творческих конкурсов, традиционных русских празднеств, таких как масленица, с целью знакомства с многогранной традиционной и современной русской культурой. Визитной карточкой РТСУ является ансамбль «Славяне», действующий при Центре культуры, фольклорный коллектив которого популяризирует песни славянских народов.

РТСУ поддерживается идея поликультурного и многоязычного мира, так как регион отличается пестрым в национальном отношении населением. Достижение этого возможно на базе широкого международного сотрудничества, в том числе с признанными авторитетными университетами, поэтому РТСУ развивает связи с ведущими российскими и зарубежными вузами, научно-исследовательскими институтами и организациями. Так, в настоящее время реализуется академический обмен в рамках Университета ШОС и Сетевого университета СНГ. Кроме того, РТСУ имеет 135 соглашений с зарубежными университетами и другими научно-образовательными структурами России и странами СНГ. В 2023 г. по направлению академической мобильности студентов и преподавателей реализуется 31 соглашение с вузами.

Научно-исследовательская деятельность в РТСУ в последние годы направлена на формирование собственных кадров высокого уровня квалификации. В РТСУ в 2023 г. был открыт Научно-исследовательский институт, при котором функционируют научные лаборатории: учебно-научная лаборатория «Этнокультурология и социокультурные исследования», научно-исследовательская лаборатория «Междисциплинарные прикладные исследования», научная лаборатория «Фотоника и нелинейная спектроскопия». Исходя из названий лабораторий можно заключить, что Институт открыт для совместных исследований и новых предложений.

Реализация научных исследований проявлялась также в конференциях.

В 2023 г. в университете проведены следующие международные научные конференции:

- Международная научно-практическая конференция «Стратегии и тренды развития журналистики, филологии и лингводидактики», посвященная Году русского языка (октябрь, 2023 г.);
- Международная научно-практическая конференция «Лигвистика XXI века: проблемы, перспективы, инновационные направления» (ноябрь, 2023 г.);
- Международная научно-практическая конференция «Национальные интересы и политика безопасности государств Центральной Евразии в условиях микрополитических перемен» (декабрь, 2023 г.).

Таким образом, образовательная деятельность в университете тесно связана с научно-исследовательской работой и можно констатировать, что сейчас в РТСУ активно формируется современный научно-образовательный комплекс, который нацелен на решение актуальных задач подготовки квалифицированных кадров для нужд Республики Таджикистан.

Дальнейшему развитию РТСУ будет способствовать решение ряда проблем, среди которых в качестве основных считаем целесообразным выделить следующие. РТСУ имеет ограниченный бюджет, что не позволяет университету поддерживать исследовательскую деятельность, обучение и стажировки научно-педагогических работников в российских университетах. При этом исследователи из РТСУ не могут принимать участие в конкурсах российских фондов, получать научные гранты, так как по условиям конкурсов участвовать могут только вузы, которые находятся на территории РФ. Положение усугубля-

ется ограниченным доступом к интернету в РТСУ, что является значительным барьером для развития цифровых образовательных технологий и онлайн-обучения[1].

На основе исследования опыта сотрудничества Российско-Таджикского (Славянского) университета с российскими вузами наряду с общими рекомендациями, касающимися необходимости продолжения и развития рассмотренных выше научно-образовательных направлений, считаем целесообразным выделить в качестве ключевых:

- реализацию сетевой формы обучения;
- повышение мобильности студентов и профессорско-преподавательского состава;
- открытие новых востребованных на рынке труда направлений подготовки бакалавриата, специалитета и магистратуры.

Таким образом, исследование опыта сотрудничества РТСУ с российскими вузами и предложенный комплекс мероприятий, ориентированных на развитие РТСУ, характеризуют практическую значимость проведенного исследования.

Выявление вектора развития российско-таджикского сотрудничества в сфере образования: заключение

Российско-таджикское сотрудничество в сфере образования встраивается в систему социально-экономических, технологических и культурных преобразований. В этой связи, на наш взгляд, вектор развития российско-таджикского сотрудничества в сфере образования будут формировать следующие позиции.

1. Для Республики Таджикистан в текущем десятилетии будет актуальным развитие энергетики, промышленности (пищевой, легкой, химической и фармацевтической), цветной и черной металлургии, производства строительных материалов, машиностроения, агропромышленного комплекса, сферы услуг (включая туризм). Это корреспондирует с направлениями развития Российской Федерации, поэтому сотрудничество в сфере образования способствует достижению намеченных целей. Для развития научного потенциала таджикских университетов необходимо усиливать их сотрудничество с ведущими российскими университетами, с институтами Таджикской и Российской академий наук, что предусмотрено Национальной стратегией 2030[2].

2. Поскольку ключевой проблемой для Республики Таджикистан в ближайшие десять лет будет диспропорция между скоростью роста численности трудоспособного населения и скоростью прироста количества рабочих мест, вузы страны должны развертывать ориентированное на происходящие изменения образование как значимый компонент экономического, естественнонаучного, гуманитарного образования. Это, в свою очередь, предполагает непрерывное профессиональное образование. При развитии международного сотрудничества в сфере высшего образования, на наш взгляд, важно обратить внимание на дополнительное профессиональное образование, что подчеркивается как российскими, так и зарубежными авторами [12; 16]. По нашему мнению, такая форма образовательного процесса способствует повышению конкурентоспособности ее участников на рынке труда, что очень важно в условиях высокой степени неопределенности социально-экономических процессов.

3. Важнейшим направлением развития российско-таджикского сотрудничества в сфере образования является работа по профориентации, примером которой служит запущенный в филиале Московского госуниверситета им. М. В. Ломоносова в г. Душанбе с 14.09.2023 концептуально новый формат профориентации, который позволяет будущим абитуриентам осознанно подойти к выбору вуза и, соответственно, к будущей профессии и не зависеть в этом вопросе от социальных стереотипов.

---

[1] Российско-Таджикский (Славянский) университет: ситуация, проблемы и перспективы : Аналитический доклад / под ред. В. С. Ефимова. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2023 [Электронный ресурс]. URL: http://foresight.sfu-kras.ru/sites/foresight.sfu-kras.ru/files/_Analiticheskiy_doklad_RTSU_-_situaciya_problemy_i_perspektivy_2023.pdf (дата обращения: 24.02.2024).

[2] Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: https://medt.tj/documents/main/strategic_national_programm/strategic_national_prog_ru.pdf (дата обращения: 18.11.2023).

4. Выпускники таджикских вузов должны быть способны создавать рабочие места в экономике страны, что требует развития предпринимательских компетенций, в т. ч. за счет создания новых научно-образовательных и предпринимательских структур в составе университетов с новыми кадрами, которые смогут инициировать развитие предпринимательского образования. Этому способствует дуальная система образования, предусматривающая тесное сотрудничество с компаниями в рамках закрепления теоретических знаний в реальной практике, вовлечение студентов в НИР на производстве и создание условий для будущего трудоустройства.

5. Развитие современных компьютерных технологий требует использования новых инструментов, форм и методов в процессе обучения, таких как интерактивность, визуализация, кейс-стади, мини-исследования, проектная работа и др. При взаимодействии вузов, находящихся в разных странах, конструктивным представляется рассмотрение гибридного обучения, предполагающего синхронизацию аудиторного и дистанционного форматов общения. Эффективность такого обучения была подтверждена результатами исследования коллектива авторов, которые провели глубинное интервью с представителями 14 российских и зарубежных университетов [2]. По результатам этого исследования был сделан вывод, что особая роль должна быть отведена гибкому гибридному формату HyFlex, предусматривающему возможность выбора способа освоения образовательного материала. Разделяя эту позицию, мы считаем, что использование такого подхода приведет к повышению комфортности и результативности образовательной среды.

6. Международное сотрудничество должно быть ориентировано на комплексные междисциплинарные исследования и разработки на стыке таких областей, как правоведение, социология, культурология, менеджмент и др. С учетом этого необходимо выстраивать научно-педагогические взаимоотношения, учитывая то, что для Таджикистана актуален целый ряд экологических проблем, связанных с сохранением природной среды, биоразнообразия, качества воды, с предотвращением деградации почв, ликвидацией накопленных промышленных отходов и др.

7. Для современных образовательных организаций важно обоснованно подходить к выбору организационной структуры, оптимально учитывающей специфику их деятельности, что очень важно для адаптации к воздействию изменяющихся факторов внешней среды. Основой для этого, на наш взгляд, является обоснованный выбор современного типа организационной структуры [9; 11; 14]. Изучение многообразия организационных структур (партисипативные, обучающиеся, сетевые, виртуальные, многомерные, адхократические, плоские, холакратические, гибридные, основанные на знаниях организации, и др.) позволило выделить, на наш взгляд, в качестве наиболее приемлемых, учитывающих особенности образовательной деятельности, организации, основанные на знаниях [9]. В них основное внимание фокусируется на создании и использовании интеллектуального капитала для достижения своих целей, активном применении информационных технологий и сетевых структур для обмена знаниями между своими сотрудниками, партнерами и клиентами. Организации, основанные на знаниях, способствуют развитию инноваций, созданию новых рабочих мест, что приводит к повышению эффективности функционирования экономики. Таким образом, в условиях нестабильной социально-экономической среды построение организационной структуры образовательной организации по типу организации, основанной на знаниях, мы рассматриваем как теоретическое приращение.

8. Взаимодействие и координация деятельности таджикских ученых с российскими коллегами требуют усиления взаимосвязи с новыми условиями функционирования социально-трудовой сферы, адекватными социальной направленности развития. Основой такого взаимодействия является социальное партнерство, представляющее собой способ регулирования социально-трудовых отношений и согласования интересов наемных работников и работодателей посредством заключения коллективных договоров и соглашений. В качестве предпосылки для развития такого сотрудничества является объявление Советом СНГ 2023 г. Годом русского языка как межнационального, что в значительной степени определяется практической его реализацией в условиях активно развивающегося интеграционного процесса между странами.

Реализация обозначенных позиций будет способствовать подготовке квалифицированных кадров для рынков труда Таджикистана и России, открытию новых вузов РФ на территории Таджикистана и более активному изучению русского языка населением Таджикистана, интеграции научно-образовательного сообщества с целью развития российско-таджикского сотрудничества в сфере образования и повышения благосостояния населения двух дружественных стран. В результате будет сформирован вектор развития образовательных организаций в условиях их международной интеграции, что, на наш взгляд, имеет практическую значимость.

Таким образом, личный вклад авторов в развитие науки состоит в аргументации необходимости интегрирования деятельности образовательных организаций, что является предпосылкой повышения человеческого потенциала и базовой составляющей социально-экономического развития общества. Кроме того, в условиях нестабильной социально-экономической среды построение организационной структуры образовательной организации по типу организации, основанной на знаниях, мы также рассматриваем как элемент теоретической научной новизны. Личный вклад авторов в развитие прикладной науки состоит в разработке на основе исследования опыта сотрудничества РТСУ с российскими вузами комплекса мероприятий, ориентированных на развитие РТСУ, а также формировании вектора развития образовательных организаций в условиях их международной интеграции.

Литература

1. *Амонова Д. С.* Основы формирования и развития управления трудом как целостной системой // Социально-экономические проблемы совершенствования системы управления трудом в Республике Таджикистан : материалы науч.-прак. конф. Душанбе : ГУ «НИИ труда, миграции и занятости населения РТ»: ТоРус, 2013. С. 21–28.
2. *Баранников К. А., Ананин Д. П., Стрикун Н. Г.* [и др.] Гибридное обучение: российская и зарубежная практика // Вопросы образования. 2023. № 2. С. 33–69. DOI: 10.17323/1814-9545-2023-2-33-69. EDN: SBPTHD
3. *Ганиев Д. Т.* Современное состояние и уровень использования человеческих ресурсов Республики Таджикистан // Рынок труда. 2014. № 4 (23). С. 37–43.
4. Исследователь XXI века: формирование компетенций в системе высшего образования : коллективная монография / отв. ред. Е. В. Караваева. М. : Геоинфо, 2018. 240 с. ISBN 978-5-9908493-8-9. EDN: YNNVVB
5. *Каримова И. Х., Хакимова Д. С.* Русский язык — язык межнационального общения в Республике Таджикистан // Вестник Академии образования Таджикистана. 2019. № 1 (30). С. 9–12. EDN: CFXTAV
6. *Кирьякова А. В., Каргапольцева Н. А., Белоновская И. Д., Дужников С. А.* Университет как среда инновационных взаимодействий // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 8–9. С. 115–124. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-8-9-115-124. EDN: SZAQIA
7. *Ковалева Г. П.* Задачи российского образования в современных геополитических условиях // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2022. № 4 (48). С. 5–13. DOI: 10.54509/22203036_2022_4_5. EDN: ABQCHI
8. *Конькова А. А., Расулова Л. Н.* Диагностика мотивации персонала компании, функционирующей на инфокоммуникационном рынке РТ // Проблемы управления человеческим развитием и молодежь : материалы респ. науч.-практ. конф. (Душанбе, 26–27 апреля 2012 г.). Душанбе : Ирфон. 2012. С. 97–99.
9. *Лылова Е. В.* Современные типы организационных структур и возможности их адаптации в сфере государственного управления // Вестник РУДН. Сер.: Государственное и муниципальное управление. 2018. Т. 5. № 3. С. 305–317. DOI: 10.22363/2312-8313-2018-5-3-305-317. EDN: TRHLOT
10. *Мачхелян Г. Г.* Актуальные проблемы перестройки системы образования в современной России // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Т. 19. № 1. С. 47–60. DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_1_4_47_60. EDN: EUYVW
11. Перспективные формы организаций и организационной деятельности : сборник докладов научно-практической конференции / под ред. А. А. Стриженко. Алт. гос. техн. ун-т им. И. И. Ползунова. Барнаул, 2015. 268 с. EDN: UUQIYL
12. *Полевая М. В., Федченко А. А., Филимонова И. В., Вешкурова А. Б.* Роль дополнительного профессионального образования в обеспечении потребностей современного рынка труда [Электронный ресурс] // Вестник

евразийской науки. 2023. Т. 15. № s2. URL: https://esj.today/PDF/28FAVN223.pdf (дата обращения: 14.11.2023). EDN: MULFGT
13. *Разумова Т. О., Телешова И. Г.* Трансформация системы высшего образования: вызовы и перспективы // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Т. 19. № 3. С. 338–349. DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_3_3_338_349. EDN: GGKNRO
14. *Федорова И. Ю.* Новые организационно-правовые формы (типы) организаций в бюджетном секторе экономики // Путеводитель предпринимателя. 2013. № 17. С. 267–280. EDN: PVKGWF
15. *Яковлева Н. Г.* Российское образование: глобальные и национальные вызовы формированию человеческого потенциала // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Т. 19. № 1. С. 36–46. DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_1_3_36_46. EDN: GNWDCQ
16. *McGrath S.* Beyond aid Effectiveness: The Development of the South African Further Education and Training College Sector, 1994–2009 // International Journal of Educational Development. V. 30. No. 5, September 2010. P. 525–534.
17. *Bardakci S., Yilmaz Y. Y., Avsaroglu M. D.* Global Diffusion of Quality Assurance Research in Higher Education: A Study on Collaboration and Concepts // Higher Education Research & Development. 2023. DOI: 10.1080/0729 4360.2023.2253157 [Electronic resource]. URL: https://www.x-mol.net/paper/article/1700416670160146432 (accessed: 11.14.2023).

Об авторах:

Федченко Анна Александровна, профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук;
e-mail: faa1711@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-9450-3498

Борисова Любовь Ивановна, доцент Российско-Таджикского (Славянского) университета (Душанбе, Республика Таджикистан), кандидат экономических наук;
e-mail: lyubov@mail.ru

References

1. Amonova D. S. Fundamentals of the Formation and Development of Labor Management as an Integral System // Socio-economic Problems of Improving the Labor Management System in the Republic of Tajikistan : materials of the scientific and practical conference. Dushanbe : State Institution “Research Institute of Labor, Migration and Employment of the Population of the Republic of Tatarstan”: ToRus, 2013. P. 21–28. (In Russ.)
2. Barannikov K. A., Ananin D. P., Strikun N. G. [et al.] Hybrid Learning: Russian and International Practice // Educational Studies Moscow [Voprosy obrazovaniya]. 2023. No. 2. P. 33–69. (In Russ.) DOI: 10.17323/1814-9545-2023-2-33-69. EDN: SBPTHD
3. Ganiev D. T. Current State and Level of Use of Human Resources of the Republic of Tajikistan // Labor Market [Rynok truda]. 2014. No. 4 (23). P. 37–43. (In Russ.)
4. Researcher of the 21st century: Formation of Competencies in the Higher Education System Education : collective monograph / ed. by E. V. Karavaev. Moscow : Geoinfo, 2018. 240 p. ISBN 978-5-9908493-8-9. (In Russ.) EDN: YNNVVB
5. Karimova I. Kh., Hakimova D. S. Russian Language — Language of International Communication in the Republic of Tajikistan // Bulletin of the Academy of Education of Tajikistan [Vestnik Akademii obrazovaniya Tadzhikistana]. 2019. No. 1 (30). P. 9–12. (In Russ.) EDN: CFXTAV
6. Kiryakova A. V., Kargapoltseva N. A., Belonovskaya I. D., Duzhnikov S. A. University as an Environment of Innovative Interactions // Higher Education in Russia [Vysshee obrazovanie v Rossii]. 2021. V. 30. No. 8–9. P. 115–124. (In Russ.) DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-8-9-115-124. EDN: SZAQIA
7. Kovaleva G. P. Objectives Tasks of Russian Education in Modern Geopolitical Conditions // Professional Education in Russia and Abroad [Professional’noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom]. 2022. No. 4 (48). P. 5–13. (In Russ.) DOI: 1 0.54509/22203036_2022_4_5. EDN: ABQCHI
8. Konkova A. A., Rasulova L. N. Diagnostics of Personnel Motivation of a Company Operating in the Infocommunication Market of the Republic of Tatarstan // Problems of Managing Human Development and Youth : materials rep. scientific-practical conf. (Dushanbe, April 26–27, 2012). Dushanbe : Irfon. 2012. P. 97–99. (In Russ.)
9. Lylova E. V. Modern Organizational Structures, and the Possibility of their Adaptation in the Field of Public Administration // RUDN Journal of Public Administration [Vestnik RUDN. Ser.: Gosudarstvennoe i munitsipal’noe upravlenie]. 2018. V. 5. No. 3. P. 305–317. (In Russ.) DOI: 10.22363/2312-8313-2018-5-3-305-317. EDN: TRHLOT

10. Machkhelyan G. G. Urgent Problems of Reorganizing the Educational System in Rossiya Today // Living Standards of the Population in the Regions of Russia [Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii]. 2023. V. 19. No. 1. P. 47–60. (In Russ.) DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_1_4_47_60. EDN: EUYVW
11. Promising Forms of Organizations and Organizational Activities : collection of reports of the scientific and practical conference // ed. by A. A. Strizhenko Alt. state technnoun named after I. I. Polzunova. Barnaul, 2015. 268 p. (In Russ.) EDN: UUQIYL
12. Polevaya M. V., Fedchenko A. A., Filimonova I. V., Veshkurova A. B. The Role of Additional Professional Education in Meeting the Needs of the Modern Labor Market [Electronic resource] // The Eurasian Scientific Journal [Vestnik evraziiskoi nauki]. 2023. V. 15. No. s2: 28FAVN223. URL: https://esj.today/PDF/28FAVN223.pdf (accessed: 11.14.2023) (In Russ.) EDN: MULFGT
13. Razumova T. O., Teleshova I. G. Transformation of the System of Higher Professional Education: Challenges and Perspectives // Living Standards of the Population in the Regions of Russia [Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii]. 2023. Vol. 19. No. 3. P. 338–349. (In Russ.) DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_3_3_338_349. EDN: GGKNRO
14. Fedorova I. Yu. New Organizational and Legal Forms (Types) of the Organizations in the Budgetary Sector of Economy // Entrepreneur's Guide [Putevoditel' predprinimatelya]. 2013. No. 17. P. 267–280. (In Russ.) EDN: PVKGWF
15. Yakovleva N. G. Russian Education: Global and National Challenges to the Formation of Human Potential // Living Standards of the Population in the Regions of Russia [Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii]. 2023. V. 19. No. 1. P. 36–46. (In Russ.) DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_1_3_36_46. EDN: GNWDCQ
16. McGrath S. Beyond aid Effectiveness: The Development of the South African Further Education and Training College Sector, 1994–2009 // International Journal of Educational Development. V. 30. No. 5, September 2010. P. 525–534.
17. Bardakci S., Yilmaz Y. Y. & Avsaroglu M. D. Global Diffusion of Quality Assurance Research in Higher Education: A Study on Collaboration and Concepts // Higher Education Research & Development. 2023. DOI: 10.1080/0729 4360.2023.2253157 [Electronic resource]. URL: https://www.x-mol.net/paper/article/1700416670160146432 (accessed: 11.14.2023).

About the authors:

Anna A. Fedchenko, Professor of Financial University at Government of the Russian Federation (Moscow Russian Federation), Doctor of Science (Economy);
e-mail: faa1711@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-9450-3498

Lyubov I. Borisova, Associate Professor of Russian-Tajik (Slavic) University (Dushanbe, Republic of Tajikistan), PhD in Economics;
e-mail: lyubov@mail.ru

CC BY

DOI: 10.22394/2073-2929-2024-01-60-70

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ: 5.1.5

EDN: BMVJTF

Правовое регулирование параллельного импорта в государствах Евразийского региона

Кириленко В. П.*, **Гусейнова Д. М.**

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

* e-mail: v.vvaas@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4445-1682

РЕФЕРАТ

Статья посвящена значимой в условиях современной мировой экономики проблеме регулирования параллельного импорта в государствах Евразийского региона. Актуальность данного вопроса связана с экономическими санкциями, применяемыми в отношении таких государств Евразийского региона, как Российская Федерация, Республика Беларусь. Анализируется правовое регулирование вопросов защиты прав интеллектуальной собственности в России, Беларуси, Казахстане, Азербайджане, Китае. Отдельное внимание в статье уделяется рассмотрению практики Конституционного суда РФ, а также нормативно-правовых актов, регулирующих права как правообладателей, так и импортеров и потребителей, на которых распространяются последствия тех или иных решений правообладателей, не дающих согласия на импорт товаров в разные государства.

Цель. Исследование правового регулирования института параллельного импорта в государствах евразийского региона в контексте экономических санкций.

Задачи. Анализ нормативно-правовых актов, регулирующих защиту прав интеллектуальной собственности в государствах Евразийского региона, изучение основных направлений параллельного импорта в государствах Евразийского региона, а также выявление основных правовых проблем, связанных с легализацией параллельного импорта в регионе.

Методология. Сравнительно-правовой и кросс-темпоральный анализ международных и национальных нормативно-правовых актов в области антимонопольного, авторского и таможенного права, а также изучение и анализ общенаучной литературы и формирование собственных выводов в ходе исследования.

Результаты. По общему правилу в государствах Евразийского региона установлен национальный принцип исчерпания прав на товарный знак, а международный принцип используется в качестве исключения для определенных групп товаров. Юридическая легализация параллельного импорта вызывает ряд формальных вопросов о соответствии разрешения на ввоз без согласия правообладателя международным обязательствам различных государств.

Выводы. В связи с введением экономических санкций в отношении некоторых государств Евразийского региона параллельный импорт является эффективным механизмом защиты внутреннего рынка от злоупотреблений правообладателей, безосновательно отказывающих импортерам в праве на дистрибуцию товара. Также одним из методов нейтрализации последствий санкционного регулирования является использование рынков других государств Евразийского региона, которые прямо не запрещают параллельный импорт.

Ключевые слова: параллельный импорт, исключительное право, товарный знак, интеллектуальная собственность, Евразийский регион, мировая экономика, ЕАЭС, международное право

Для цитирования: Кириленко В. П., Гусейнова Д. М. Правовое регулирование параллельного импорта в государствах Евразийского региона // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 1. С. 60–70.
https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-01-60-70. EDN: BMVJTF

Legal Regulation of Parallel Import in the States of the Eurasian Region

Viktor P. Kirilenko*, Dinara M. Guseinova
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management), Saint Petersburg, Russian Federation
* e-mail: v.vvaas@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4445-1682

ABSTRACT
The article is devoted to the problem of regulating parallel imports in the countries of the Eurasian region, which is significant in the conditions of the modern world economy. The relevance of this issue is related to the economic sanctions applied to such states of the Eurasian region as the Russian Federation and the Republic of Belarus. The legal regulation of issues of protection of intellectual property rights in Russia, Belarus, Kazakhstan, China, and Azerbaijan is analyzed. Special attention is paid to the consideration of the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation, as well as legal acts regulating the rights of both copyright holders and importers and consumers, who are subject to the consequences of certain decisions of copyright holders who do not consent to the import of goods into different states.
Aim. Research of the legal regulation of the institution of parallel imports in the states of the Eurasian region in the context of economic sanctions.
Tasks. Analysis of regulations governing the protection of intellectual property rights in the states of the Eurasian region, research of the main directions of parallel imports in the states of the Eurasian region, as well as identification of the main legal problems associated with the legalization of parallel imports in the region.
Methods. Comparative legal and cross-temporal analysis of international and national regulations in the field of antitrust, copyright and customs law, as well as the study and analysis of general scientific literature and the formation of one's own conclusions during the research.
Results. As a rule, the states of the Eurasian region have established the national principle of exhaustion of rights to a trademark, and the international principle is used as an exception for certain groups of goods. The legalization of parallel imports raises several formal questions about the compliance of permission to import without the consent of the copyright holder with the international obligations of various states.
Conclusions. In connection with the introduction of economic sanctions against some states of the Eurasian region, parallel imports are an effective mechanism for protecting the domestic market from abuses by copyright holders who unreasonably deny importers the right to distribute goods. Also, one of the methods to neutralize the consequences of sanctions regulation is to use the markets of other countries in the Eurasian region, which do not directly prohibit parallel imports.
Keywords: parallel import, exclusive right, world economy, intellectual property, Eurasian region, EAEU, international law
For citing: Kirilenko V. P., Guseinova D. M. Legal Regulation of Parallel Import in the States of the Eurasian Region // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 1. P. 60–70. (In Russ.)
https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-01-60-70. EDN: BMVJTF

Введение

Параллельный импорт, ранее пользовавшийся актуальностью в большей степени в связи с оборотом контрафактной продукции, ввиду ухода с российского рынка ряда компаний становится предметом многих исследований[1].

Весной 2022 г. было принято Постановление Правительства РФ от 29.03.22 № 506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы»[2], а также был издан Указ Президента РФ от 01.03.2022 № 81 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации»[3]. Данные правовые акты на нормативном уровне вывели из-под регулирования норм Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) некоторые группы товаров. Данное решение является мерой, направленной на защиту национальной экономики от воздействия экономических санкций.

Российская Федерация является государством — участником Содружества Независимых государств (далее — СНГ) и Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС), что налагает на нее ряд обязательств, в том числе в области защиты прав интеллектуальной собственности. Именно в связи с этим представляет интерес правовое регулирование такого явления, как параллельный импорт, в странах Евразийского региона[4].

Сейчас, когда экономические и политические решения государств тесно связаны между собой, а отношения на международной арене также находятся в большой зависимости от политического фактора, актуальным является вопрос о том, какие последствия имеют те или иные решения Российской Федерации в контексте отношений с государствами Евразийского региона.

Правовое регулирование параллельного импорта в России

Исторически, в соответствии со ст. 1487 ГК РФ[5], действующей с 2002 г., на территории России закреплен национальный принцип исчерпания прав. Вместе с тем Российская Федерация является членом ЕАЭС, где применяется региональный принцип исчерпания прав[6]. Из этого следует, что для стран — участников ЕАЭС действует региональный принцип исчерпания прав, а для третьих стран, не являющихся участниками указанной организации, — национальный. Россия также является участницей Всемирной торговой организации, которая, однако, не регулирует этот аспект и позволяет государствам самостоятельно решать вопрос об установлении любого принципа исчерпания прав в соответствии с их внутренними интересами[7].

---

1 Кто уходит из России: список компаний [Электронный ресурс] // Право.ru. 27.07.2022. URL: https://pravo.ru/news/239550/ (дата обращения: 30.11.2023).

2 Постановление Правительства РФ от 29.03.22 № 506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_413173/ (дата обращения: 04.12.2023).

3 Указ Президента РФ от 01.03.2022 № 81 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410578/ (дата обращения: 04.12.2023).

4 Авторы используют понятие Евразийского региона, применяемое некоторыми исследователями в период становления ЕАЭС в целях определения правовой регламентации его деятельности, о чем писал А. Я. Капустин в 2015 г., предлагая ввести в юридическую практику категорию «право ЕАЭС». (См.: Капустин А. Я. Право Евразийского экономического союза: международно-правовой дискурс // Журнал российского права. 2015. № 11. С. 59–69.) В настоящее время понятие Евразийского региона, как правило, не используется (Примеч. редактора).

5 Гражданский кодекс Российской Федерации, ч. 4 от 18.12.2001 № 230-ФЗ (принят Государственной думой 24.11.06; одобрен Советом Федерации 08.12.06) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 06.12.2023).

6 Приложение № 26 к Договору о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 03.12.2023).

7 Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) (ВТО, Уругвайский раунд многосторонних торговых переговоров, 15.04.94). Ст. 3, 4, 6 [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система «ГАРАНТ.Ру». URL: https://base.garant.ru/4059989/ (дата обращения: 02.12.2023).

При этом до 2002 г. на территории РФ применялся международный принцип исчерпания прав [3, с. 431]. Позднее Верховный Суд (далее — ВС РФ) ограничительно истолковал законодательство о товарных знаках и фактически ввел национальный принцип исчерпания прав[1]. При этом ВС РФ применял телеологическое толкование нормы — путем выяснения целевой направленности нормы права — по мнению судей, законодатель имел в виду, что нельзя запретить использование товарного знака, зарегистрированного в РФ, если товары, маркированные этим знаком, были введены в оборот именно на территории РФ[2]. Международный принцип исчерпания прав не давал правообладателю возможности запретить иным субъектам использование товарного знака, однако ВС РФ определил смысл закона иначе: введением в оборот товарного знака, зарегистрированного в России, стала считаться первоначальная реализация товара именно на территории РФ. При таком введении в оборот правообладатель сохраняет за собой право запрещать использование товарного знака другими лицами — в этом и заключается концепция действия национального принципа исчерпания прав. Впоследствии законодатель действительно внес соответствующие изменения и национальный принцип исчерпания прав был закреплен законодательно. Позднее же именно в схожей формулировке национальный принцип был закреплен в ч. IV ГК РФ.

В 2018 г. Конституционный Суд Российской Федерации (далее — Конституционный Суд РФ, КС РФ) рассмотрел дело общества с ограниченной ответственностью «ПАГ» и принял Постановление от 13.02.2018 № 8-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487, пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью “ПАГ”»[3] (далее — Постановление 8-П). Не признав нормы гражданского законодательства неконституционными, КС РФ сделал выводы таким образом, что параллельный импорт стал фактически разрешенным. В результате толкования норм гражданского законодательства КС РФ определил, что контрафакт условно делится на два типа: контрафакт как поддельная продукция и контрафакт как товар, импортируемый без согласия правообладателя. Примечательно, что до этого дела КС РФ отказывал в рассмотрении жалоб в связи со ст. 1487 ГК РФ[4].

Путем конституционно-правового толкования были выявлены критерии оценки поведения игроков рынка, в том числе допустимые пределы и формы осуществления прав. Конституционный Суд РФ позволил разделять санкции в отношении нарушителей декларируемого в ст. 1487 ГК РФ принципа национального исчерпания прав. Из толкования указанной нормы следует, что законодатель не позволяет применять в отношении разных типов контрафакта одинаковые санкции, включающие в себя и уничтожение товара.

В указанном постановлении КС РФ указал на то, что исключительное право на товарный знак накладывает на правообладателя некоторые обязанности. КС РФ упомянул, что правообладатели допускают в своем поведении злоупотребление правом различными способами, например, завышая цены на российском рынке и выходя за рамки своего разумного экономического интереса или же совершая действия по ограничению доступа российских потребителей к товарам и услугам. Такое поведение воспринимается как недопустимое злоупотребление — оно должно оцениваться судами с точки зрения принципа добросовестности при принятии решения и влиять на размер компенсации в пользу ее снижения. Согласно позиции КС РФ, такие действия правообладателя противоречат идее защиты конкуренции, критически важной для функционирования рынка и экономики в целом.

---

[1] Решение Верховного Суда РФ от 14.12.2001 № ГКПИ2001-1671 «Об оставлении без удовлетворения жалобы о признании недействительным подпункта «з» пункта 15 Инструкции о порядке маркировки отдельных подакцизных товаров акцизными марками, утвержденной Приказом ГТК РФ от 28.12.2000 № 1230» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36468/ (дата обращения: 04.12.2023).

[2] Там же.

[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 13.02.2018 № 8-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487 и пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ПАГ» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_290909/ (дата обращения: 30.11.2023).

[4] Определение Конституционного Суда РФ от 23.04.2015 № 741-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чудова Сергея Васильевича на нарушение его конституционных прав статьей 1487 Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система «ГАРАНТ.Ру». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70921374/ (дата обращения: 05.12.2023).

В 2022 г. в результате ухода с российского рынка множества компаний стал разрешен параллельный импорт определенной группы товаров. В соответствии с Постановлением Правительства РФ № 506 в отношении определенного перечня товаров приостанавливается применение положения пп. 6 ст. 1359 и ст. 1487 ГК РФ при условии введения указанных товаров в оборот за пределами территории РФ правообладателями или с их согласия. Перечень товаров устанавливается Министерством промышленности и торговли и постоянно обновляется — наиболее актуальный перечень был установлен приказом Минпромторга от 21.07.2023[1].

Согласно данному постановлению, таможенные органы могут не приостанавливать импорт товаров, маркированных товарными знаками иностранных правообладателей с целью проверки их согласия на ввоз в Российскую Федерацию. При рассмотрении спора между правообладателями и импортерами суды не будут считать ввоз маркированных товарных знаков без разрешения владельцев нарушением их прав.

Правовое регулирование параллельного импорта в странах ЕАЭС

В ЕАЭС также действует региональный принцип исчерпания прав. По аналогии с национальными реестрами объектов интеллектуальной собственности (Таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности[2], далее — ТРОИС) в ЕАЭС существует Единый таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности, однако на данный момент в нем нет никаких зарегистрированных товарных знаков[3]. Именно он призван ограничивать права импортеров при осуществлении ими параллельного импорта. Примечательно, что до вступления в ЕАЭС в государствах применялись разные подходы к принципам исчерпания прав. С 2014 г. в ЕАЭС велись дискуссии о либерализации норм и частичном разрешении международного принципа исчерпания прав в отношении медицинских товаров и автомобильных запчастей, однако некоторые участники выражали неприятие таких нововведений[4] и способствовали замедлению обсуждения этого вопроса[5].

Тем не менее в 2023 г. в Республике Беларусь параллельный импорт был частично легализован на период до окончания 2024 г.[6] Механизм легализации в целом схож с российским регулированием: Государственный таможенный комитет Беларуси устанавливает перечень товарных знаков, которые исключаются из национального таможенного реестра. Как верно отмечают исследователи, этот механизм призван защитить национальную экономику от последствий санкционной политики ряда участников международного сообщества [2, с. 277].

Говоря о действиях России в рамках ЕАЭС, следует отметить, что изменение законодательства в области параллельного импорта должно учитывать интересы других участников. Если Россия легализует параллельный импорт на своей территории в полном объеме, это может противоречить договорным нормам и потребует корректировки обязательств России в рамках ЕАЭС или же введения международного принципа исчерпания прав на территории всего ЕАЭС. Однако с учетом того, что

---

1 Приказ Минпромторга России от 21.07.2023 № 2701 «Об утверждении перечня товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения статей 1252, 1254, пункта 5 статьи 1286.1, статей 1301, 1311, 1406.1, подпункта 1 статьи 1446, статей 1472, 1515 и 1537 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_454093/ (дата обращения: 03.12.2023).

2 Таможенные реестры объектов интеллектуальной собственности государств — членов Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dobd/intelsobs/tamozhennye-reestry.php (дата обращения: 06.02.2024).

3 Единый таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности государств — членов Таможенного союза [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/docs/Pages/intellectual.aspx (дата обращения: 06.12.2023).

4 Переход на международный принцип исчерпания прав ухудшает инвестиционный климат — эксперт [Электронный ресурс] // Прайм пресс. 20.10.2017. URL: https://primepress.by/news/kompanii/perekhod_na_mezhdunarodnyy_printsip_ischerpaniya_prav_ukhudshaet_investitsionnyy_klimat_ekspert-671/ (дата обращения: 05.12.2023).

5 Там же.

6 Закон Республики Беларусь от 3 января 2023 г. № 241-З «Об ограничении исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности» [Электронный ресурс] // Альта Софт. URL: https://www.alta.ru/tamdoc/23bl0241/ (дата обращения: 06.12.2023).

решения и распоряжения Высшего Евразийского экономического совета принимаются консенсусом[1], могут возникнуть определенные противоречия в связи с международными обязательствами некоторых участников СНГ, что усложнит принятие соответствующих поправок. Примечательно, что после введения нового регулирования в России и Беларуси данный вопрос не выносился на рассмотрение, однако можно предположить, что впоследствии ситуация изменится и коллизия будет разрешена на региональном уровне.

В Казахстане до 2012 г. фактически действовал международный принцип исчерпания исключительных прав [1, с. 401], после чего был введен национальный принцип[2]. Интересно, что в законодательстве Казахстана предусмотрены механизмы защиты как прав правообладателя, так и прав импортера. Первый может использовать предусмотренные законом механизмы привлечения к гражданской, административной и уголовной ответственности, а второй — обратиться в антимонопольный орган[3].

Еще один спорный вопрос, который необходимо рассмотреть, — заключение государствами — членами ЕАЭС договоров с третьими сторонами. В частности, необходимо обратить внимание на Соглашение о расширенном партнерстве и сотрудничестве между Республикой Казахстан и Европейским союзом[4], которое предусматривает, что стороны принимают национальный или региональный принцип исчерпания прав, причем уточняется, что «термин “региональный” относится к региональным экономическим интеграционным организациям, которые создают внутренний рынок, обеспечивающий свободное движение товаров и услуг»[5]. Такие положения затрудняют принятие консенсусного решения по теоретически возможному голосованию о применении международного принципа исчерпания прав в ЕАЭС, так как для Казахстана, в частности, применение международного принципа повлечет пересмотр иных международных соглашений.

Правовое регулирование параллельного импорта в некоторых других государствах Евразийского региона

Стратегическими партнерами России среди прочих являются и другие государства Евразийского региона, — например, Азербайджан, в связи с чем интересно рассмотреть регулирование феномена параллельного импорта именно там.

Законодательно здесь понятие параллельного импорта не закреплено, тем не менее существуют нормы права, направленные на защиту прав интеллектуальной собственности, — это законы «О защите авторских и смежных прав» от 05.06.1996 № 115-IQ[6], «О защите прав интеллектуальной собственности и борьбе с пиратством» от 22.05.2012 № 365-IVQ[7], а также нормы Таможенного кодекса Республики Азербайджан[8]. Данные нормативно-правовые акты в совокупности пусть и не устанавливают запрет или разрешение параллельного импорта, но все же регламентируют правила для защиты прав правообладателей.

---

1 Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 03.12.2023).

2 Закон Республики Казахстан от 26 июля 1999 года № 456-I «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» [Электронный ресурс] // Әділет. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z990000456_/links (дата обращения: 03.12.2023).

3 Предпринимательский кодекс Республики Казахстан от 29 октября 2015 года № 375-V ЗРК [Электронный ресурс] // Әділет. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000375 (дата обращения: 07.12.2023).

4 Закон Республики Казахстан от 25 марта 2016 года № 475-V ЗРК «О ратификации Соглашения о расширенном партнерстве и сотрудничестве между Республикой Казахстан, с одной стороны, и Европейским Союзом и его государствами-членами, с другой стороны» [Электронный ресурс] // Әділет. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1600000475 (дата обращения: 07.12.2023).

5 Там же.

6 Müəlliflik hüququ və əlaqəli hüquqlar haqqında. Azərbaycan Respublikasinin qanunu. 05.06.1996 № 115-IQ [Электронный ресурс] // E-qanun. URL: https://e-qanun.az/framework/4167 (дата обращения: 08.12.2023).

7 Əqli mülkiyyət hüquqlarının təminatı və piratçılığa qarşı mübarizə haqqında. Azərbaycan Respublikasinin qanunu. 22.05.2012 № 365-IVQ [Электронный ресурс] // E-qanun. URL: https://e-qanun.az/framework/23895 (дата обращения: 08.12.2023).

8 Azərbaycan Respublikasinin gömrük məcəlləsi. 24.06.2011 [Электронный ресурс] // E-qanun. URL: https://e-qanun.az/framework/46957 (дата обращения: 08.12.2023).

К таким мерам можно отнести, например, правовую ответственность за недобросовестную конкуренцию, а также денежные санкции за введение потребителей в заблуждение, в том числе относительно происхождения, способа приготовления, пригодности к использованию, качества и иных свойств товара, личности предпринимателя или характера его экономической деятельности[1].

Еще одна мера — это включение в реестр товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности согласно ст. 279 ТК Республики Азербайджан и Решению Кабинета министров Азербайджана «Об утверждении "Правил ведения реестра товаров, содержащих объекты права интеллектуальной собственности"»[2]. В настоящее время в реестре содержится 47 товарных знаков, принадлежащих 19 правообладателям, среди которых есть Hyundai Motor Company, Colgate-Palmolive Company, FAB boya və kimya sənayesi MMC и др.[3]

Исследователи параллельного импорта в Азербайджане отмечают, что ввиду ввоза «серой» продукции сокращается объем иностранных инвестиций, т. к. «теряется возможность прогнозировать успешность своей коммерческой деятельности в регионе»[4]. Также ряд специалистов подчеркивают проблемный вопрос предоставления услуг, необходимых потребителю после приобретения товара, будь то возврат или ремонт по гарантии. Сложности здесь возникают из-за того, что оригинальный производитель не представлен на рынке [9, с. 40], а по законодательству о защите прав потребителей если в течение гарантийного срока потребитель обнаружит дефект в приобретенном товаре, он вправе потребовать от продавца или производителя заменить товар, уменьшить цену или устранить недостатки[5].

Несмотря на меры по защите от контрафактной продукции, ввиду того что законодательство Азербайджана не предусматривает эффективного механизма борьбы с параллельным импортом[6], в Азербайджане достаточно широко распространена реализация «серой» продукции [4, с. 66]. Кроме того, в настоящее время достаточно широко распространен параллельный импорт через Азербайджан в Россию, о чем говорит и статистика роста импорта из Азербайджана на 68%[7].

Говоря о параллельном импорте на евразийском материке, можно также затронуть и участников Шанхайской организации сотрудничества, например Китай, Узбекистан и Таджикистан.

Согласно законодательству Китая, параллельный ввоз оригинальной продукции, приобретенной за рубежом, не нарушает нормы права о товарных знаках[8], о чем говорится и в Патентном законе Китая, и в практике Верховного народного суда Пекина[9], и в нормативных актах местных органов власти [5, с. 48]. К примеру, Суд по интеллектуальной собственности Гуанчжоу в деле о параллельном импорте сделал выводы о том, что рассматриваемые контрафактные продукты, а именно молниеотводы, являются подлинными продуктами, произведенными немецкой компанией-правообладателем[10]. Несмотря на ввоз в порядке параллельного импорта, такие продукты не имеют существенных

---

1 Haqsız rəqabət haqqında. Azərbaycan Respublikasinin qanunu. 02.06.1995 № 1049 [Электронный ресурс] // E-qanun. URL: https://e-qanun.az/framework/9475 (дата обращения: 08.12.2023).

2 «Tərkibində əqli mülkiyyət hüquqlarının obyektləri olan malların reyestrinin aparılması Qaydaları»nın təsdiq edilməsi haqqında. Azərbaycan Respublikasi Nazirlər Kabinetinin qərari. 28.12.2012 № 323 [Электронный ресурс] // E-qanun. URL: https://e-qanun.az/framework/25046 (дата обращения: 08.12.2023).

3 Əqli mülkiyyət hüquqları [Электронный ресурс] // Dövlət Gömrük Komitəsi. URL: https://customs.gov.az/az/sahibkarlar-ucun/eqli-mulkiyyet (дата обращения: 09.12.2023).

4 Проблемы параллельного импорта, а также ввоза контрафактной продукции в Азербайджан [Электронный ресурс] // Информационное агентство Trend. 20.08.2019. URL: https://www.trend.az/business/3106752.html (дата обращения: 09.12.2023).

5 İstehlakçıların hüquqlarının müdafiəsi haqqında. Azərbaycan Respublikasinin qanunu. 19.09.1995 № 1113 [Электронный ресурс] // E-qanun. URL: https://e-qanun.az/framework/9479 (дата обращения: 08.12.2023).

6 Проблемы параллельного импорта, а также ввоза контрафактной продукции в Азербайджан [Электронный ресурс] // Информационное агентство Trend. 20.08.2019. URL: https://www.trend.az/business/3106752.html (дата обращения: 09.12.2023).

7 *Гайва Е., Свинова Е*. Соседние страны за год нарастили поставки товаров в Россию вполовину [Электронный ресурс] // Российская газета. 10.05.2023. URL: https://rg.ru/2023/05/10/vziali-gruz.html (дата обращения: 09.12.2023).

8 *Beconcini P*. China: Alternative Strategies to Trademark Enforcement against Parallel Import of Cosmetics by Unauthorized Sellers [Электронный ресурс] // Global IP and Technology law blog. 03.08.2022. URL: https://www.iptechblog.com/2022/08/china-alternative-strategies-to-trademark-enforcement-against-parallel-import-of-cosmetics-by-unauthorized-sellers/ (дата обращения: 08.01.2024).

9 *Chunyu (Helen) Zhao*. Parallel imports in China: Problems and feasible solutions [Электронный ресурс] // Asia IP. 31.08.2022. URL: https://asiaiplaw.com/sector/ip-management/parallel-imports-in-china-problems-and-feasible-solutions (дата обращения: 08.01.2024).

10 *Wininger A*. Guangzhou Intellectual Property Court OKs Parallel Imports [Электронный ресурс] // China IP Law Update. 05.12.2020. URL: https://www.chinaiplawupdate.com/2020/05/guangzhou-intellectual-property-court-oks-parallel-imports/ (дата обращения: 06.01.2024).

отличий по внешнему виду и качеству от товаров, разрешенных к распространению на китайском рынке. Одновременно в китайском праве нет четкого запрета на параллельный импорт, и если предполагаемые продукты, нарушающие авторские права, не наносят ущерба ни гарантийным функциям товарного знака, ни качеству продукции, то нарушение прав на товарный знак не может быть установлено.

Практика позволяет заключить, что в Китае импорт оригинальных товаров без разрешения правообладателя не является незаконным, если соблюдаются требования о сертификации и не изменяются содержание и упаковка импортируемой продукции, аналогично практике Европейского союза [6, с. 283].

Китайская практика интересна также и тем, что здесь выработано правило, гласящее, что при параллельном импорте «принципом является ненарушение прав правообладателя, а исключением — нарушение»[1]. Если выразить эту формулу простыми словами, можно сказать, что в качестве правила принято то, что параллельный импорт не нарушает права обладателя прав на товарный знак, а в качестве исключения — когда суды считают параллельный импорт нарушением прав правообладателя.

В практике выведены стандарты, необходимые для соблюдения прав правообладателя, импортера и потребителя и исключения незаконного параллельного импорта. Первый критерий — это критерий соблюдения стандартов безопасности, установленных в КНР. Второй критерий — критерий внесения изменений — аналогичен критерию переупаковки в ЕС[2]. Согласно данному критерию, если товар был переупакован или были совершены другие действия в отношении товара, что может повлечь причинение вреда деловой репутации правообладателя, параллельный импорт признается нарушением. Третий критерий связан с надлежащим использованием товара — он предполагает, что товары при параллельном импорте должны использоваться импортером добросовестно и не использоваться для недобросовестной рекламы.

В Таджикистане регулирование отличается — нет нормативно-правовых актов, разрешающих или запрещающих параллельный импорт. Тем не менее на законодательном уровне закреплен запрет на ввоз контрафактных товаров. В связи с этим эффективным механизмом предотвращения параллельного импорта в данном государстве является сотрудничество с таможенными и антимонопольными органами[3]. Для использования механизма необходимо зарегистрировать товарный знак на территории Таджикистана, а также иметь дистрибьютора или иное официальное лицо, которое будет заниматься защитой прав правообладателя в государстве.

В Узбекистане ситуация является схожей — здесь также нет правовой основы для запрета или разрешения параллельного импорта. Одновременно с этим в ст. 1107-1 Гражданского кодекса Республики Узбекистан закреплен национальный принцип исчерпания прав[4]. Как и в Таджикистане, для защиты прав правообладателя здесь необходимо включение его товарного знака в таможенный реестр[5].

Примечательно, что механизм параллельного импорта может не только являться эффективным инструментом для смягчения последствий экономических санкций, но и положительно сказываться на экономике тех государств, компании из которых выступают участниками логистических цепочек [7, с. 110].

Рассмотренные примеры регулирования параллельного импорта показывают широкий спектр механизмов, которые позволяют соблюдать национальные интересы, а также находить баланс между правами правообладателей, импортеров и потребителей.

---

1 *Chunyu (Helen) Zhao*. Parallel imports in China.

2 Hoffmann-La Roche & Co. AG v Centrafarm Vertriebsgesellschaft Pharmazeutischer Erzeugnisse mbH (1978) [Электронный ресурс] // EUR-Lex. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61977CJ0102 (дата обращения: 05.01.2024).

3 Закон Республики Таджикистан № 234 «О товарных знаках и знаках обслуживания» от 05.03.2007 [Электронный ресурс] // WIPO. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/498608 (дата обращения: 06.01.2024).

4 Гражданский кодекс Республики Узбекистан (часть вторая) от 29.08.1996 [Электронный ресурс] // Lex.uz. URL: https://lex.uz/docs/180550 (дата обращения: 10.01.2024).

5 *Turdibekov J*. What Are the Benefits of “ex officio” for Uzbekistan and the Concept of “Parallel Import”? [Электронный ресурс] // Uzbekistan Law Blog. 08.03.2023. URL: https://uzbekistanlawblog.com/what-are-the-benefits-of-ex-officio-for-uzbekistan-and-the-concept-of-parallel-import/#:~:text=There%20is%20no%20single%20and,the%20Civil%20Code%20of%20Uzbekistan (дата обращения: 08.01.2024).

Заключение

Регулирование параллельного импорта в государствах Евразийского региона — это актуальный вопрос в связи с экономическими санкциями против некоторых государств и возможного применения этих санкций к другим. Несмотря на то что с точки зрения прав правообладателей параллельный импорт представляет собой спорное явление, для защиты национальной экономики это весьма эффективный механизм. Именно параллельный импорт позволяет в случае злоупотребления со стороны правообладателей обеспечить внутренний рынок необходимыми товарами.

Национальный принцип исчерпания, закрепленный в некоторых государствах Евразийского региона по общему правилу, в настоящее время претерпевает фактические изменения в пользу международного, когда правопорядок считает допустимым ввоз на территорию государства товаров, маркированных товарным знаком, без согласия правообладателя.

Вопрос о возможности так называемой легализации параллельного импорта на территории ЕАЭС пока оставлен без ответа, однако в юридической науке начали вырабатываться условия, при которых это было бы возможно. К ним, в частности, относят исполнение своих международных обязательств всеми участниками интеграционного сообщества, ограниченность доступа к товарам, к которым будет применяться разрешение параллельного импорта, а также другие социально-экономические интересы государств — членов ЕАЭС [8, с. 276].

Современная практика частичной легализации параллельного импорта на территории Российской Федерации и Республики Беларусь по своему содержанию соответствует третьему из предложенных исследователями принципов, однако, пока такие критерии не будут выработаны и не будут внесены изменения в правовые акты ЕАЭС, вопрос об оценке действий данных государств в контексте обязательств в рамках ЕАЭС остается открытым.

В других государствах региона применяются иные механизмы. Так, может применяться регулирование на основе выработанных судебной практикой критериев или же в порядке обращения к таможенным органам.

При этом для Российской Федерации все еще как де-юре, так и де-факто остается допустимым использование инструмента параллельного импорта через рынки других государств Евразийского региона, где параллельный импорт формально не запрещен.

Таким образом, правовое регулирование параллельного импорта в странах Евразийского региона остается актуальной и сложной темой, требующей дальнейших дискуссий и поиска компромиссных решений, учитывающих интересы всех участников региональной экономической интеграции.

Литература

1. *Алиев С. Б., Измайлова Е. Ю.* Охрана, защита и использование интеллектуальной собственности в рамках евразийской интеграции: системный подход // Партнерство цивилизаций. 2014. № 1–2. С. 398–415 [Электронный ресурс]. URL: http://misk.inesnet.ru/wp-content/uploads/PC122014/PC2014-12-398-415-aliev-izmailova.pdf (дата обращения: 04.12.2023).
2. *Базайа К. Д.* Новеллы законодательного регулирования вопросов параллельного импорта в Республике Беларусь и Российской Федерации // Пятые цивилистические чтения памяти профессора М. Г. Прониной : сб. статей чтений, Минск, 16 марта 2023 года / под ред. М. Н. Шимкович, Т. М. Халецкой. Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2023. С. 275–278.
3. *Губин Е. П., Вайпан В. А., Шиткина И. С.* [и др.]. Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития : монография / МГУ им. М. В. Ломоносова; отв. ред. Е. П. Губин. М. : Юстицинформ, 2019. 664 с. EDN: LMAKGY
4. *Ивлиев Г. П., Шахназаров Б. А.* Правовое регулирование отношений в сфере параллельного импорта. Опыт государств евразийского региона // Lex Russica (Русский закон). 2023. Т. 76. № 2 (195). С. 56–67. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.195.2.056-067. EDN: LRWBIM

5. *Маглинова Т. Г.* Особенности параллельного импорта в Китае // Вестник ИМСИТ. 2023. № 4 (96). С. 47–49. EDN: TJIFKZ
6. *Нургалеев М. С., Петров Е. Н.* Параллельный импорт лекарственных средств — особенности правового регулирования параллельного импорта в Европейском союзе // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 2–1. С. 279–286. DOI: 10.25799/AR.2019.83.2.035. EDN: NGTFFM
7. *Смирнов Е. Н., Сероштан Е. С.* Параллельный импорт как новый инструмент сглаживания последствий экономических санкций // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2023. № 11–1. С. 107–112. DOI: 10.17513/vaael.3040. EDN: RSCVKA
8. *Сысоева А. В.* Исчерпание исключительного права на товарный знак в Российской Федерации в контексте Евразийского экономического союза и санкционных мер // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2018. № 21. С. 74–78 [Электронный ресурс]. URL: http://ipcmagazine.ru/reviews/exhaustion-of-the-exclusive-right-to-a-trademark-in-the-russian-federation-in-the-context-of-the-eurasian-economic-union-and-sanctions-measures (дата обращения: 04.12.2023). EDN: YUJBFB
9. *Sadigova-Huseynova S., Tagiyeva N.* Parallel Imports vs Counterfeits: Mechanisms of Preventing Intellectual Property Rights Infringement in Azerbaijan // The Trademark Lawyer. 2022. No. 2. P. 38–40 [Электронный ресурс]. URL: https://gratanet.com/laravel-filemanager/files/3/IP%20GRATA%20Azerbaijan_.pdf (дата обращения: 06.12.2023).

Об авторах:

Кириленко Виктор Петрович, заведующий кафедрой международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;
e-mail: v.vvaas@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4445-1682

Гусейнова Динара Маис кызы, магистрант Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: dinara441@bk.ru

References

1. Aliev S. B., Izmailova E. Yu. Protection, Protection and Use of Intellectual Property within the Framework of Eurasian Integration: A Systemic Approach // Partnership of Civilizations [Partnerstvo tsivilizatsii]. 2014. No. 1–2. P. 398–415 [Electronic resource]. URL: http://misk.inesnet.ru/wp-content/uploads/PC122014/PC2014-12-398-415-aliev-izmailova.pdf (accessed: 12.04.2023). (In Russ.)
2. Bazaya K. D. Novels in the Legislative Regulation of Parallel Import Issues in the Republic of Belarus and the Russian Federation // Fifth Civil Readings in Memory of Professor M. G. Pronina : collection of articles from readings, Minsk, March 16, 2023 / by ed. M. N. Shimkovich, T. M. Khaletskoy. Minsk : Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, 2023. P. 275–278. (In Russ.)
3. Gubin E. P., Vaipan V. A., Shitkina I. S. [et al.]. Russian Business Law: Outcomes, Trends and Paths of Development / Lomonosov Moscow State University; by ed. E. P. Gubin. Moscow : Justitsinform, 2019. 664 p. (In Russ.) EDN: LMAKGY
4. Ivliev G. P., Shakhnazarov B. A. Legal Regulation of Relations in Parallel Imports. The Experience of Eurasian Region States // Lex russica (Russian Law). 2023. T. 76. No. 2 (195). P. 56–67. (In Russ.) DOI: 10.17803/1729-5920.2023.195.2.056-067. EDN: LRWBIM
5. Maglinova T. G. The Features of Parallel Imports in China // Bulletin of IMSIT [Vestnik IMSIT]. 2023. No. 4 (96). P. 47–49. (In Russ.) EDN: TJIFKZ
6. Nurgaleev M. S., Petrov E. N. Parallel Imports of Medicinal Products — Features of Legal Regulation of Parallel Imports in European Union // Matters of Russian and International Law [Voprosy

rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava]. 2019. Vol. 9. No. 2–1. P. 279–286. (In Russ.) DOI: 10.25799/AR.2019.83.2.035. EDN: NGTFFM

7. Smirnov E. N., Seroshtan E. S. Parallel Imports as a New Tool for Flattening the Effects of Economic Sanctions // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law [Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava]. 2023. No. 11–1. P. 107–112. (In Russ.) DOI: 10.17513/vaael.3040. EDN: RSCVKA
8. Sysoeva A. V. On Exhaustion of Exclusive Right to Trademark in the Russian Federation in the Context of the Eurasian Economic Union and Sanctions Measures // Journal of the Intellectual Property Rights Court [Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam]. 2018. No. 21. P. 74–78 [Electronic resource]. URL: http://ipcmagazine.ru/re-views/exhaustion-of-the-exclusive-right-to-a-trademark-in-the-russian-federation-in-the-context-of-the-eurasian-economic-union-and-sanctions-measures (accessed: 04.12.2023). (In Russ.) EDN: YUJBFB
9. Sadigova-Huseynova S., Tagiyeva N. Parallel Imports vs Counterfeits: Mechanisms of Preventing Intellectual Property Rights Infringement in Azerbaijan // The Trademark Lawyer. 2022. No. 2. P. 38–40 [Electronic resource]. URL: https://gratanet.com/laravel-filemanager/files/3/IP%20GRATA%20Azerbaijan_.pdf (accessed: 06.12.2023).

About the authors:

Viktor P. Kirilenko, Head of the Chair of International and Humanitarian Law of North-West Institute of Management of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Jurisprudence), Professor, Honored Lawyer of Russian Federation;
e-mail: v.vvaas@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4445-1682

Dinara M. Guseinova, Master's Student of North-West Institute of Management of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation);
e-mail: dinara441@bk.ru

CC BY

DOI: 10.22394/2073-2929-2024-01-71-80

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ: 5.1.5

EDN: BUEAEY

Актуальные вопросы международно-правового регулирования сотрудничества ЕАЭС — Китай в транспортно-логистической сфере

Дроздова М. А.*, Покровская О. Д.
Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, Санкт-Петербург, Российская Федерация
* e-mail: drozdova@pgups.ru
ORCID: 0000-0001-9691-0575

РЕФЕРАТ

На современном этапе развития международных отношений, когда фрагментационные тенденции во внешней политике таких значимых мировых лидеров, как Европейский союз и США, лишь набирают обороты, для Российской Федерации, а также для ЕАЭС Китай стал главным стратегическим партнером. В связи с введением международных санкций как против КНР, так и РФ переориентация экономического сотрудничества, а значит, и транспортно-логистических маршрутов на Восток представляется наиболее правильной парадигмой развития. Однако на нынешнем уровне развития науки и техники требуются расширение и интенсификация формирования массива международно-правового законодательства для создания эффективной базы правового регулирования транспортно-логистической отрасли для роста синергетического эффекта от интеграционных процессов на евразийском пространстве.

Цель. Проанализировать различные аспекты международно-правового регулирования путей интеграции ЕАЭС и Китая в транспортно-логистической сфере для повышения уровня экономического взаимодействия стран-партнеров.

Задачи. Предлагается рассмотреть основные тренды формирования массива международно-правовых актов, направленных на создание базы для эффективного сотрудничества Китая и ЕАЭС в актуальных геополитических условиях с учетом необходимости разработки опережающего регулирования внедрения цифровых технологий, включая развитие логистических платформ, для создания условий для бесшовных грузоперевозок в Евразийском регионе.

Методология. При проведении исследования были использованы формально-юридический и сравнительно-правовой методы, дедукция, синтез, индукция, а также абстрагирование и системный метод.

Результаты. Обоснована необходимость разработки единых нормативных требований как в сфере технической эксплуатации различных видов транспорта, так и создания нормативной базы для развития сопряженной ЕАЭС — Китай транспортно-логистической цифровой инфраструктуры, обеспечивающей бесшовность мультимодальной перевозки для получения синергетического эффекта от экономической интеграции Евразийского региона.

Выводы. Предложенная авторами исследования комплексная диагностика эффективности международного сотрудничества ЕАЭС и КНР в транспортно-логистической сфере позволит скорректировать существующую стратегию взаимодействия между странами и повысить эффективность от интеграционных процессов в Евразийском регионе за счет реализации мероприятий, направленных на развитие бесшовной логистики. Представляется, что в среднесрочной перспективе создание единой цифровой евразийской транспортно-логистической экосистемы с глубокой интеграцией технологий Шестого технологического уклада станет ключевой задачей для получения максимального синергетического эффекта от создания единого евразийского экономического пространства.

Ключевые слова: Китай, ЕАЭС, конвергенция транспортно-логистических экосистем, евразийская транспортная система, международное транспортное право

Для цитирования: Дроздова М. А., Покровская О. Д. Актуальные вопросы международно-правового регулирования сотрудничества ЕАЭС — Китай в транспортно-логистической сфере // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 1. С. 71–80.
https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-01-71-80. EDN: BUEAEY

Current Challenges of International Legal Regulation of EAEU — China Partnership in Transport and Logistics

Maria A. Drozdova*, Oksana D. Pokrovskaya
Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University, Saint Petersburg, Russian Federation
* e-mail: drozdova@pgups.ru
ORCID: 0000-0001-9691-0575

ABSTRACT
At the current stage of development of international relations, when factional trends in the foreign policy of such significant world leaders as the European Union and the United States are only gaining momentum, China has become the main strategic partner for Russia likewise for the EAEU. Due to the introduction of international sanctions against both China and Russia, reorientation of economic cooperation and, therefore, transportation and logistics routes to the East seems to be the most correct development paradigm. However, at the current level of development of science and technology, it is necessary to expand and intensify the formation of the array of international legal legislation to create an effective basis for legal regulation of the transport and logistics industry for the growth of synergistic effect of integration processes in the Eurasian space.
Aim. To analyze various aspects of international legal regulation of the ways of integration of the EAEU and China in the transport and logistics sphere to increase the level of economic interaction between the partner countries.
Tasks. It is proposed to consider the main trends in the formation of an array of international legal acts aimed at creating a basis for effective cooperation between China and the EAEU in the current geopolitical conditions, taking into account the need to develop advanced regulation of the introduction of digital technologies, including the development of logistics platforms, to create conditions for seamless cargo transportation in the Eurasian region.
Methods. The study used formal-legal and comparative-legal methods, deduction, synthesis, induction, as well as abstraction and system method.
Results. The necessity to develop unified regulatory requirements both in the sphere of technical operation of different types of transport and the creation of a regulatory framework for the development of conjugate EAEU-China transport and logistics digital infrastructure, providing seamless multimodal transportation to obtain a synergistic effect from the economic integration of the Eurasian region was substantiated.
Conclusions. The comprehensive diagnosis of the effectiveness of international partnershop between the EAEU and China in transport and logistics proposed by the authors of the study will allow to adjust the existing strategy of interaction between the countries and increase the efficiency of Eurasian integration through the implementation of measures aimed at the development of seamless logistics.
Keywords: China, EAEU, convergence of transport and logistics ecosystems, Eurasian transportation system, international transportation law
For citing: Drozdova M. A., Pokrovskaya O. D. Current Challenges of International Legal Regulation of EAEU — China Partnership in Transport and Logistics // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 1. P. 71–80. (In Russ.)
https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-01-71-80. EDN: BUEAEY

Введение

В современных социально-экономических условиях, когда одним из центральных трендов развития международного сотрудничества стала фрагментация межгосударственных связей, развитие сотрудничества между ЕАЭС и Китаем вышло на новый уровень. Так, в настоящее время КНР является ключевым российским партнером. В 2022 г. товарооборот между странами составил около 190 млрд долл., превзойдя показатели предыдущего года на 30%. В 2023 г. экспорт из Китая вырос на 52,2%, что показывает изменение как международной политики России и стран ЕАЭС, так и направления движения товаропотока на Восток. Введенные в 2022 г. международные санкции против РФ произвели тектонические изменения в логистической парадигме нашей страны. Фактически произошла полная переориентация маршрутов грузоперевозок, с одной стороны, в сторону мультимодальной перевозки: автомобильный транспорт — железная дорога — автомобильный транспорт [1; 6; 7; 8; 9]; а с другой — произошедшая переориентация логистических маршрутов в азиатском направлении окончательно утвердила Китай в качестве главного политического и экономического партнера как России, так и ЕАЭС в целом.

Основные направления сотрудничества ЕАЭС и Китая в сфере транспорта и логистики

Международные санкции против России оказали значительное воздействие на структуру евразийских транспортных маршрутов. А введенные против Китая торговые ограничения со стороны ЕС и США создали условия для углубления российско-китайского сотрудничества. Развитие региональной связанности в Евразии является центральной задачей международного сотрудничества между ЕАЭС и Китаем в транспортно-логистической сфере.

В настоящее время евразийский маршрут является основной транспортно-логистической железнодорожной артерией для связи ЕС и Китая. Он обеспечивает транзит товаров через территорию ЕАЭС. Восточно-Сибирская, Дальневосточная, Забайкальская и Красноярская железные дороги обеспечивают работу трансъевразийских транспортных коридоров, связывая Дальний Восток, Монголию и Китай.

Совместное заявление о сотрудничестве в рамках проекта по сопряжению ЕАЭС и китайской стратегии экономического пояса Шелкового пути 2015 г. заложило основу, хотя и в формате «мягкого» права, для развития интеграционных процессов в Евразии[1]. В 2019 г. Президент России В. В. Путин представил концепцию конвергенции ЕАЭС и китайского проекта Инициативы «Пояса и пути», основанную на принципе партнерства[2].

С 2019 г. между ЕАЭС и Китаем действует соглашение о кооперации[3]. По смыслу документ не является соглашением о свободной торговле, поскольку не предусматривает снижения таможенных пошлин. Его значимым преимуществом является разработка парадигмы развития кооперационного сотрудничества между КНР и ЕАЭС, включающей создание «отраслевых диалогов», создающих фактически форум для взаимодействия представителей бизнеса стран-партнеров по отраслевым вопросам, а также реализацию совместных проектов.

Основным органом международного сотрудничества ЕАЭС — КНР является Совместная Комиссия на уровне отраслевых министерств. Следует отметить «мягкость» формулировок обсуждаемых Комиссией вопросов, что создает «опережающую» правовую основу для возможного рассмотрения практически любых новых вопросов и направлений сотрудничества.

---

[1] Совместное заявление РФ и КНР о сотрудничестве по сопряжению строительства ЕАЭС и ЭПШП [Электронный ресурс] // Президент России. 08.05.2015. URL: http://kremlin.ru/supplement/4971 (дата обращения: 24.03.2023).

[2] Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху [Электронный ресурс] // Президент России. 05.06.2019. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/5413 (дата обращения: 29.03.2023).

[3] Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/21b/Tekst-russkiy-_EAEU-alternate_-final.pdf (дата обращения: 14.11.2023).

Значимым шагом стало принятие КНР обязательства по транспарентности торгового регулирования, включающего публикацию принятых Китаем мер, связанных с торговлей, в сети Интернет, а также процедуру подачи запроса о предоставлении информации и обязательности ответа на него сторонами.

Положения соглашения инкорпорируют положения Соглашения ВТО по техническим барьерам в торговле, что обеспечивает прозрачность разработки и принятия стандартов и технических регламентов в рамках взаимодействия ЕАЭС — КНР. Для повышения уровня интеграции транспортно-логистических экосистем ЕАЭС — КНР именно различие в техническом регулировании часто становится препятствием для конвергенции информационных систем, а также новых цифровых технологий на транспорте. Важным шагом стало закрепление положения о предоставлении информации об аккредитованных органах в сфере сертификации и испытательных лабораториях, а также о технических консультациях по возникающим в сфере сертификации вопросам. В целом положения Соглашения способствуют повышению уровня транспарентности технического регулирования КНР для экспортеров из ЕАЭС.

Важным для повышения уровня логистических услуг является пункт об обязанности информировать импортера о причинах задержки груза на границе, что позволит быстро устранить возникшие препятствия.

В сфере развития безбумажного документооборота также заложена основа для «мягкого» регулирования применения электронного документооборота (ЭДО) между представителями бизнес-сообщества ЕАЭС и КНР. В соглашении содержится положение о разработке и внедрении системы «единого окна», что потребует взаимного признания электронных документов. Представляется, что «единым окном» должна стать цифровая транспортно-логистическая платформа ЕАЭС — КНР, которая объединит экосистему цифровых транспортных коридоров ЕАЭС с китайской платформой LOGINK. Однако в настоящее время создание цифровой экосистемы ЕАЭС не закончено. Основными документами, регламентирующими подходы к ее формированию, являются Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии (ЕАЭК) № 23[1] и Решение Совета ЕАЭК от 14 сентября 2021 г. № 87[2] (см. рис. 1).

В соглашении о торгово-экономическом сотрудничестве ЕАЭС — Китай также содержится регламентация доступа к информации о тендерах на рынке госзакупок КНР, что упростит доступ производителей из стран ЕАЭС.

Поскольку создание эффективно функционирующей транспортно-логистической экосистемы всегда сопряжено с развитием сопряженной инфраструктуры, то одной из форм реализации совместных проектов в указанной сфере может стать ГЧП (государственно-частное партнерство). При этом развитие положений о беспрепятственном доступе на рынки госзакупок стран ЕАЭС и КНР может значительно сократить сроки реализации таких проектов.

Соглашение предусматривает развитие отраслевого сотрудничества в сфере транспорта, однако с учетом актуальных трендов развития отрасли представляется необходимым создать, как предусматривает документ, «отраслевой диалог» для цифровой логистики и транспорта в формате подкомитета или рабочей группы, объединив представителей трех упомянутых сфер, ведь целью такого сотрудничества является развитие и модернизация транспортно-логистической инфраструктуры.

ЕАЭС и КНР согласовали реализацию и финансирование транспортных и инфраструктурных проектов, касающихся строительства и реконструкции дорог, создания транспортно-логистических центров и транспортных узлов. В 2019 г. стороны подписали соглашение о трансграничном информационном обмене о товарах и ТС, способствующему повышению уровня бесшовности логистики.

16 февраля 2023 г. была подписана Дорожная карта мероприятий в сфере торгово-экономического взаимодействия ЕАЭС и КНР, первый раздел которой посвящен реализации задачи по цифровизации транспортных коридоров, включающей создание единой системы электронного документооборота, упрощение таможенных процедур, цифровую систему обмена логистической информацией.

---

[1] Рекомендация Коллегии ЕАЭК от 7 июня 2022 г. № 23 «Об общих подходах к вопросам цифровой логистики в Евразийском экономическом союзе» [Электронный ресурс] // Альта-Софт. URL: https://www.alta.ru/tamdoc/22rk0023/?ysclid=loy8akynuk154472226 (дата обращения: 14.11.2023).

[2] Решение Совета ЕАЭК от 14 сентября 2021 г. № 87 «О реализации проекта «Создание информационно-коммуникационной «витрины» национальных сервисов экосистемы цифровых транспортных коридоров ЕАЭС»» [Электронный ресурс] // Албта-Софт. URL: https://www.alta.ru/tamdoc/21sr0087/?ysclid=loy8ypmctu590942308 (дата обращения: 14.11.2023).

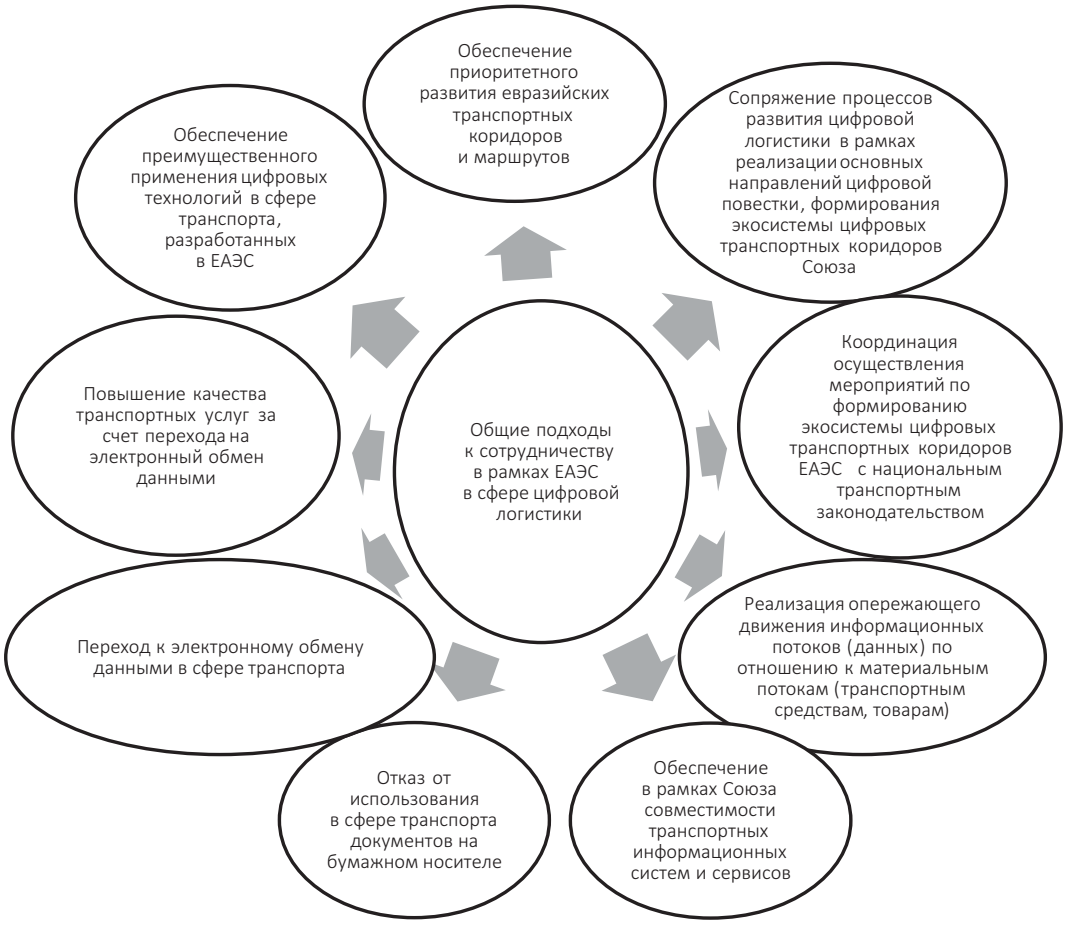

Рис. 1. Общие подходы к сотрудничеству в рамках ЕАЭС в сфере цифровой логистики

Fig. 1. General approaches to cooperation within the EAEU in the field of digital logistics

Источник: составлено авторами на основе Рекомендации Коллегии ЕАЭК от 7 июня 2022 г. № 23 «Об общих подходах к вопросам цифровой логистики в Евразийском экономическом союзе» [Электронный ресурс] // Альта-Софт. URL: https://www.alta.ru/tamdoc/22rk0023/?ysclid=loy8akynuk154472226 (дата обращения: 14.11.2023)

Другим перспективным направлением сотрудничества между ЕАЭС и китайским проектом «Один пояс — один путь» стала сфера цифровой экономики, включающая разработку и внедрение технологий ИИ (искусственный интеллект), Интернета вещей, трансграничных электронных платежей, цифровых платформ, обеспечения кибербезопасности.

В настоящее время в сфере транспорта ЕАЭС совместно с Китаем ведется работа по развитию новых логистических маршрутов контейнерных грузоперевозок между странами АТЭС и Европой, планируется развитие сети высокоскоростного железнодорожного сообщения, реализуются инфраструктурные проекты модернизации вокзальных комплексов, производства и ремонта подвижного состава железнодорожного транспорта и техники.

Анализ международно-правового законодательства, регламентирующего сотрудничество ЕАЭС и Китая, показывает, что на современном этапе развития международно-правового регулирования конвергенции транспортно-логистических экосистем большое значение получили документы «мягкого права» — декларации, резолюции, планы, программы действий и т. д. Несмотря на то что нормы, содержащиеся в нормативно-правовых актах такого характера, часто имеют декларативный и необязательный

для исполнения сторонами характер, они имеют тенденцию к развитию на их основе практики взаимодействия государств в отдельной сфере, которая впоследствии приводит к созданию обычных норм права.

Отметим, что механизмы «жесткого» международно-правового регулирования, включающие детальную регламентацию и конкретные меры ответственности за нарушение содержащихся в них норм, больше подходят для регламентации отношений между неравными субъектами. Так, говоря о международном сотрудничестве, которому свойственны изменчивость в силу нестабильности политической и экономической ситуации, а также порой соревновательность и разнонаправленность интересов партнеров, то международные договоры, предусматривающие детальную регламентацию и жесткое закрепление конкретных обязанностей сторон, редко имеют шанс на заключение по глобальным вопросам сотрудничества. При этом именно формат «мягкого» права позволяет участникам международно-правовых отношений эффективно взаимодействовать при наличии политической воли на развитие конкретной сферы сотрудничества, а отсутствие излишней детализации — гибко подходить к решению поставленных задач.

Одним из значимых недостатков международно-правового регулирования отношений России, а также ЕАЭС в целом и Китая является некоторая избыточность международных союзов, в которые входят страны, создающие дублирование, а порой и основу для дивергенции интересов участников.

Так, Китай и Россия взаимодействуют и в ШОС, и в рамках БРИКС, и в рамках АТЭС. В настоящее время Китай продвигает идею развития панъевразийской международной транспортной системы, для создания которой, вероятно, будет создана отдельная межгосударственная структура, руководящая реализацией проекта помимо существующего Фонда Шелкового Пути. Также множество одновременно действующих межгосударственных органов взаимодействия не способствуют созданию единой слаженной системы взаимоотношений по реализации задачи создания евразийской транспортно-логистической экосистемы.

Перспективы конвергенции транспортно-логистических экосистем ЕАЭС и Китая

В соответствии с действующей в настоящее время концепцией развития на 14-ю пятилетку (2020–2025 гг.) в КНР основной стратегией является стратегия «двойной циркуляции», основанная на принципе двух опор для развития: внутригосударственной и международной (внешней). Создание единой транспортно-логистической экосистемы является ключевым вопросом для реализации проекта единого евразийского экономического пространства, актуальность диагностики состояния международных связей в этой сфере вряд ли можно переоценить.

Цифровая трансформация транспортной отрасли идет активно [10]. Планы цифровизации актуализируются в соответствии с требованиями настоящего времени. Так, Стратегия цифровой трансформации железнодорожной отрасли претерпела изменения[1] (см. рис. 2). ОАО «РЖД» в настоящее время ориентируется на развитие платформенных решений, которые, представляется, могут быть в будущем интегрированы в единую цифровую транспортно-логистическую экосистему ЕАЭС — Китай.

Одной из важнейших задач для обеспечения внедрения цифровых технологий Индустрии 4.0 в транспортно-логистической сфере является обеспечение бесперебойного доступа к быстрому Интернету. Распространение технологии 5G представляет собой не просто модернизацию сетей 4G, а оно поможет совершить технологический скачок в отрасли, позволяющий развивать внедрение искусственного интеллекта, беспилотных технологий, облачных вычислений, умной инфраструктуры, что повлияет на эффективность развития логистики и внутренних и внешних цепочек поставки, обеспечит большую связанность регионов и повысит эффективность транспортной инфраструктуры. Именно глубокая интеграция цифровых технологий Индустрии 4.0, таких как облачные технологии, блокчейн, искусственный интеллект, с логистической отраслью позволит существенно повысить эффективность последней. Развитие

[1] Цифровой трансформации РЖД скорректировали подходы [Электронный ресурс]. URL: https://rzddigital.ru/regulation/tsifrovoy-transformatsii-rzhd-skorrektirovali-podkhody/?ysclid=loy9ycmkf3478075727 (дата обращения: 14.11.2023).

промышленного Интернета 5G на всей территории ЕАЭС и Китая должно стать одной из ключевых инициатив, обеспечивающих внедрение технологий Индустрии 4.0 и строительства современной транспортно-логистической инфраструктуры, которая станет основой для цифровизации отрасли и значимым фактором поддержки инноваций (см. рис. 3).

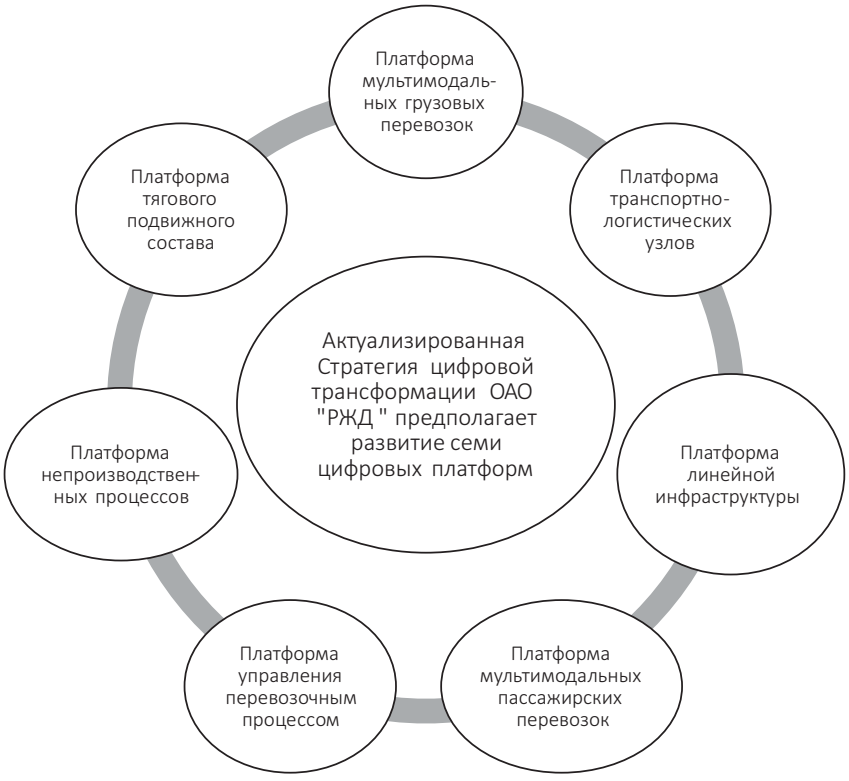

Рис. 2. Семь цифровых платформ — стратегических проектов развития ОАО «РЖД»

Fig. 2. Seven digital platforms — strategic development projects of the Open Joint Stock Company “Russian Railways”

Источник: составлено авторами на основе: Цифровой трансформации РЖД скорректировали подходы [Электронный ресурс]. URL: https://rzddigital.ru/regulation/tsifrovoy-transformatsii-rzhd-skorrektirovali-podkhody/?ysclid=loy9ycmkf3478075727 (дата обращения: 14.11.2023)

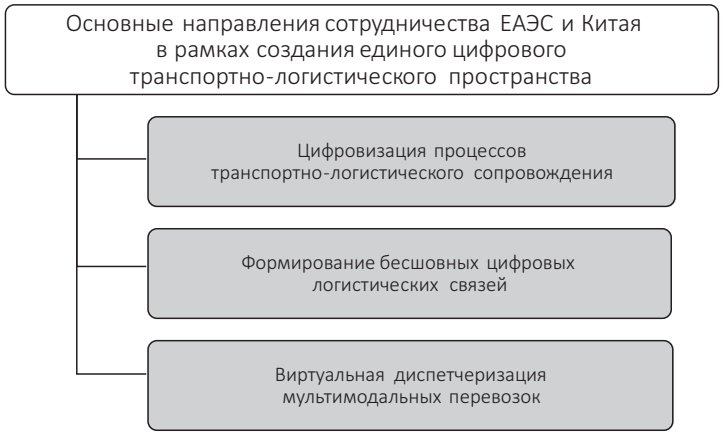

Рис. 3. Основные направления сотрудничества ЕАЭС и Китая в рамках создания единого цифрового транспортно-логистического пространства

Fig. 3. The main areas of cooperation between the EAEU and China within the framework of creating a single digital transport and logistics space

Источник: составлено авторами

Важными направлениями развития международно-правового регулирования сотрудничества ЕАЭС и Китая в сфере транспорта являются:

- гармонизация и унификация национальных Правил технической эксплуатации отдельных видов транспорта;
- унификация и распространение единых стандартов для транспортно-логистических услуг, включая технические регламенты и стандарты функционирования цифровых сервисов, процедуры взаимного признания сертификатов соответствия;
- создание правовой базы в рамках взаимодействия ЕАЭС — Китай для перехода на 5PL (Fifth Party Logistics Model) логистику, при которой существует экосистема, обеспечивающая возможность предоставления полного пакета транспортно-логистических услуг на основе цифровой логистической платформы.

Цифровая интеграция для обеспечения бесшовной логистики должна включать комплекс цифровых услуг.

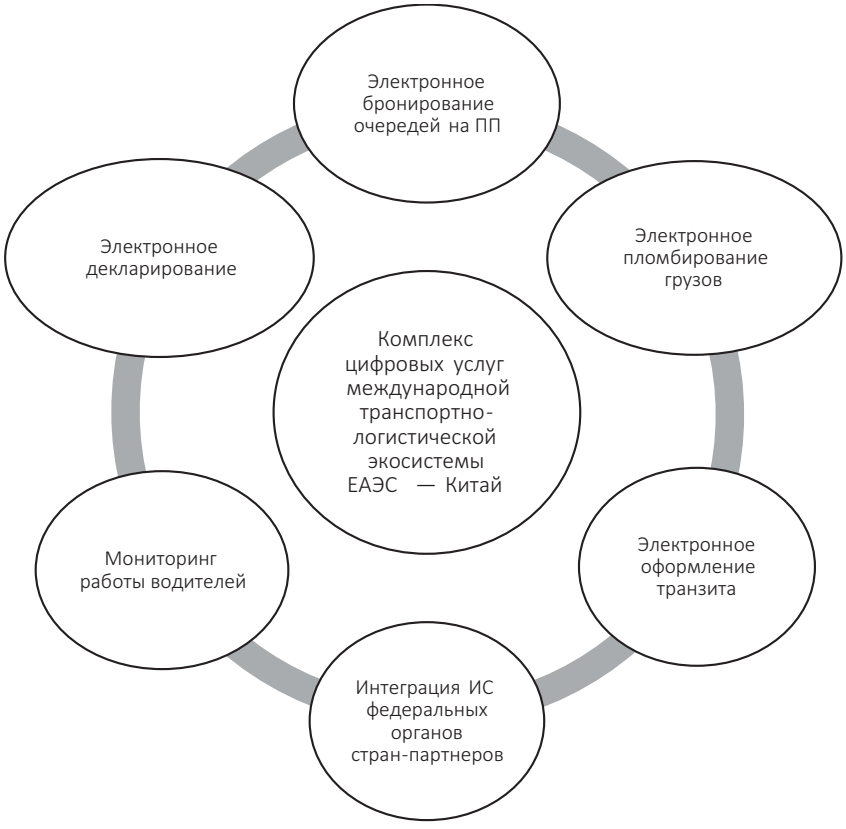

Рис. 4. Комплекс цифровых услуг международной транспортно-логистической экосистемы ЕАЭС — Китай

Fig. 4. Complex of digital services of the international transport and logistics ecosystem of the EAEU — China

Источник: составлено авторами

Представляется, что для реализации проекта по созданию эффективной цифровой транспортно-логистической экосистемы ЕАЭС — Китай необходимо формирование постоянно действующего исполнительного органа, обеспечивающего функции координатора сотрудничества стран-участников. Создание эффективной инфраструктуры в сфере транспорта и логистики (см. рис. 4) позволит преобразовать торгово-экономическую модель стран-партнеров, а также создать новый «каркас» трансъевразийской логистики.

Заключение

Интенсификация международного регионального сотрудничества ЕАЭС — Китай создает потребность в развитой сопряженной транспортно-логистической инфраструктуре, связывающей индустриальные зоны государств-партнеров, создающей условия для бесшовной грузовой логистики. Представляется, что в рамках указанного регионального сотрудничества России отводится роль центрального связующего звена [1; 3; 4; 5], активно участвующего в развитии международных транспортных коридоров и единой транспортно-логистической цифровой платформе, обеспечивающей безбумажный документооборот, включающий электронное декларирование, отслеживание груза, и создающей электронную среду для реализации мультимодальной перевозки различными видами транспорта. Центральными задачами актуальной парадигмы развития международного сотрудничества КНР и ЕАЭС должны стать вопросы обеспечения повышения качества экономического роста Евразийского региона в сложных геополитических условиях и устойчивости стран-партнеров перед внешними шоками. Эскалация международных конфликтов показывает, что и Китаю, и России, и Евразийскому региону в целом необходимо научиться эффективно управлять экономикой в условиях ухудшения внешней конъюнктуры и возросшей неопределенности. А риск введения против РФ и Китая дополнительных международных санкций заставляет оба государства развивать сотрудничество с исторически близкими странами.

Литература

1. *Баритко А. Л., Куренков П. В.* Организация и технология внешнеторговых перевозок // Железнодорожный транспорт. 1998. № 8. С. 59–63.
2. *Глазьев С. Ю.* Идеи и реалии современного евразийства // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. № 4 (38). С. 9–10. DOI: 10.22394/2073-2929-2021-04-9-10. EDN: LPPPKF
3. *Глазьев С. Ю.* Россия и страны Евразийского экономического союза // Здоровье — основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2021. Т. 16. № 1. С. 5–8. EDN: BPZZSR
4. *Ермишина К. Б., Кефели И. Ф., Комлева Н. А.* [и др.] Советская цивилизация и евразийская идея: две истории длиною в век (к 100-летию образования СССР и становления евразийства). СПб. : ПЕТРОПОЛИС, 2022. 532 с. EDN: APWULA
5. *Кириленко В. П., Лебедев А. С.* Торгово-экономическое сотрудничество России и Китая в Арктическом регионе // Россия в глобальном мире. 2019. № 14–15 (37–38). С. 19–25. EDN: NJILXE
6. *Куренков П. В., Левкин Г. Г., Мочалова С. В.* [и др.] Материальные потоки в макрологистических системах: систематизация и классификация // Транспорт: наука, техника, управление (Научный информационный сборник). 2019. № 7. С. 21–26. EDN: XDLDLO
7. *Куренков П. В.* Управление доставкой внешнеторговых грузов в смешанном сообщении : диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук. М. : ГУУ, 1999. 478 с. EDN: NLXIHH
8. *Куренков П. В., Чеботарева Е. А., Солоп И. А.* Полимодальная логистика перевозок нефтегрузов в цистернах по рельсам и по морю // Логистика — евразийский мост : материалы XVI Межд. науч.-прак. конф., Красноярск — Енисейск, 28 апреля — 01 мая 2021 г. Красноярск : КрасГАУ, 2021. С. 85–89. EDN: SKUYUJ
9. *Куренков П. В., Преображенский Д. А., Астафьев А. В.* [и др.] Перспективные направления развития политранспортной логистики // Железнодорожный транспорт. 2019. № 3. С. 30–35. EDN: YYTOEX
10. *Язынин В. С., Барановский А. М., Воробьев А. А., Романова И. Ю.* Использование искусственных нейронных сетей на Российских железных дорогах для контроля токоприемников поездов // International Journal of Advanced Studies: Transport and Information Technologies. 2023. Т. 13. № 1. С. 267–287. DOI: 10.12731/2227-930X-2023-13-1-267-287

Об авторах:

Дроздова Мария Александровна, доцент кафедры Истории, философии, политологии и социологии Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: drozdova@pgups.ru; ORCID: 0000-0001-9691-0575

Покровская Оксана Дмитриевна, профессор кафедры Управления эксплуатационной работой Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор технических наук, доцент;
e-mail: insight1986@inbox.ru; ORCID: 0000-0001-9793-0666

References

1. Baritko A. L., Kurenkov P. V. Organization and Technology of Foreign Trade Transportations // Railway Transport [Zheleznodorozhnyi transport]. 1998. No. 8. P. 59–63. (In Russ.)
2. Glazyev S. Y. Ideas and Realities of Contemporary Eurasianism // Eurasian integration: economics, law, politics [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2021. No. 4 (38). P. 9–10. (In Russ.) DOI: 10.22394/2073/2073-2929-2021-04-9-10. EDN: LPPPKF
3. Glazyev S. Y. Russia and the Countries of the Eurasian Economic Union // Health — the Basis of Human Potential: Problems and Ways of their Solution [Zdorov'e — osnova chelovecheskogo potentsiala: problemy i puti ikh resheniya]. 2021. Vol. 16. No. 1. P. 5–8. (In Russ.) EDN: BPZZSR
4. Ermishina K. B., Kefeli I. F., Komleva N. A. [et al.] Soviet Civilization and the Eurasian Idea: Two Centuries-long Stories (to the 100th Anniversary of the Formation of the USSR and the Becoming of Eurasianism). Saint Petersburg : PETROPOLIS, 2022. 532 p. (In Russ.) EDN: APWULA
5. Kirilenko V. P., Lebedev A. S. Trade and economic cooperation between Russia and China in the Arctic region // Russia in the Global World [Rossiya v global'nom mire]. 2019. No. 14–15 (37–38). P. 19–25. (In Russ.) EDN: NJILXE
6. Kurenkov P. V., Levkin G. G., Mochalova S. V. [et al.] Material Flows in Macro-Logistics Systems: Systematization and Classification // Transport: Science, Equipment, Management (Scientific Information Collection) [Transport: nauka, tekhnika, upravlenie (Nauchnyi informatsionnyi sbornik)]. 2019. No. 7. P. 21–26. (In Russ.) EDN: XDLDLO
7. Kurenkov P. V. Management of Delivery of Foreign Trade Cargoes in Mixed Communication : Dissertation for the Degree of Doctor of Economics. Moscow : The State University of Management, 1999. 478 p. (In Russ.) EDN: NLXIHH
8. Kurenkov P. V., Chebotareva E. A., Solop I. A. Polymodal Logistics of Oil Cargo Transportation in Tank on Rails and by Sea // Logistics — Eurasian bridge: Proceedings of the XVI Interd. scientific and practical conference, Krasnoyarsk — Yeniseysk, 28 Apr. — May 01, 2021. Krasnoyarsk : KrasSAU, 2021. P. 85–89. EDN: SKUYUJ
9. Kurenkov P. V., Preobrazhensky D. A., Astafiev A. V. [et al.] Synchromodal and CO-Modal Transportations, A-Modal Booking and Trimodal Terminals as Perspective Directions of Development of Transport Logistics // Railway Transport [Zheleznodorozhnyi transport]. 2019. No. 3. P. 30–35. (In Russ.) EDN: YYTOEX
10. Yazynin V. S., Baranovskiy A. M., Vorobyev A. A., Romanova I. Yu. The Use of Artificial Neural Networks on Russian Railways to Control Current Collectors of Trains // International Journal of Advanced Studies: Transport and Information Technologies. 2023. Vol. 13. No. 1. P. 267–287. (In Russ.) DOI: 10.12731/2227-930X-2023-13-1-267-287

About the authors:

Maria A. Drozdova, Assistant Professor at the Department of History, Philosophy, Political Science and Sociology, Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Jurisprudence;
e-mail: drozdova@pgups.ru; ORCID: 0000-0001-9691-0575

Oksana D. Pokrovskaya, Professor at the Department of Operations Management, Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Technical Science, Associate Professor;
e-mail: insight1986@inbox.ru; ORCID: 0000-0001-9793-0666

CC BY

DOI: 10.22394/2073-2929-2024-01-81-89

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ: 5.1.5

EDN: BVBDHW

Совершенствование правового регулирования косвенной судебной юрисдикции в Евразийском экономическом союзе

Шеповалова О. А.
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация
e-mail: lesya.a.p@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-5857-0116

РЕФЕРАТ

Свободное трансграничное движение судебных решений является необходимым условием успешной интеграции. Одним из основных препятствий, с которыми сталкиваются государства на пути создания правового регулирования в данной сфере, является проблема приемлемости иностранной судебной юрисдикции или, иными словами, косвенной судебной юрисдикции. В статье рассматриваются варианты решения данной проблемы.

Цель и **задачи**. Предложить варианты совершенствования правового регулирования косвенной судебной юрисдикции в Евразийском экономическом союзе.

Методы. В настоящей работе использованы как общенаучные методы познания: анализ и синтез, так и частнонаучные: формально-логический, формально-юридический, сравнительно-правовой, метод правового прогнозирования.

Результаты. Совершенствование правового регулирования косвенной судебной юрисдикции в Евразийском экономическом союзе возможно посредством заключения между государствами — членами Евразийского экономического союза международного договора, устанавливающего унифицированные критерии прямой судебной юрисдикции и обусловливающего приемлемость юрисдикции иностранного суда соблюдением этих критериев. В том случае, если компетенция иностранного суда не основана на юрисдикционных критериях, содержащихся в международном договоре, предлагается предусмотреть возможность признания иностранного судебного решения при соблюдении двух условий: первое — наличие тесной связи между судом и спором либо одобрение юрисдикции ответчиком; второе — соблюдение правил об исключительной судебной юрисдикции, установленных в национальном законодательстве государств — участников Евразийского экономического союза.

Автором предлагается также вариант совершенствования правового регулирования косвенной судебной юрисдикции на национальном уровне как в РФ, так и в других государствах — участниках Евразийского экономического союза. В частности, рассматривается вариант введения в национальное законодательство положений о косвенной судебной юрисдикции, обусловливающих приемлемость компетенции иностранного суда соблюдением критерия тесной связи между спором и судом, постановившим судебный акт, либо одобрением его юрисдикции ответчиком, и непротиворечием критериям исключительной судебной юрисдикции.

Выводы. Евразийский экономический союз нуждается в создании эффективного механизма признания иностранных судебных решений, что может быть обеспечено, прежде всего, посредством совершенствования правового регулирования косвенной судебной юрисдикции.

Ключевые слова: признание иностранных судебных решений, евразийская интеграция, Конвенция о судебных решениях 2019 г., Киевское соглашение 1992 г., Кишиневская конвенция 2002 г.

Для цитирования: Шеповалова О. А. Совершенствование правового регулирования косвенной судебной юрисдикции в Евразийском экономическом союзе // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 1. С. 81–89.
https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-01-81-89. EDN: BVBDHW

Improving the Legal Regulation of Indirect Judicial Jurisdiction in the Eurasian Economic Union

Olesia A. Shepovalova
Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation
e-mail: lesya.a.p@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-5857-0116

ABSTRACT
Free cross-border circulation of court decisions is a necessary condition for successful integration. One of the main obstacles that states face in creating legal regulation in this area is the problem of the admissibility of foreign judicial jurisdiction, or, in other words, indirect judicial jurisdiction. The article discusses options for solving this problem.
Aim and **tasks**. To propose options for improving the legal regulation of indirect judicial jurisdiction in the Eurasian Economic Union.
Methods. This work uses both general scientific methods of cognition: analysis and synthesis, and specific scientific ones: formal logical, formal legal, comparative legal, and the method of legal forecasting.
Results. Improving the legal regulation of indirect judicial jurisdiction in the Eurasian Economic Union is possible through the conclusion between the member states of the Eurasian Economic Union of an international treaty establishing unified criteria for direct judicial jurisdiction and conditioning the acceptability of the jurisdiction of a foreign court on compliance with these criteria. In the event that the competence of a foreign court is not based on the jurisdictional criteria contained in an international treaty, it is proposed to provide for the possibility of recognizing a foreign court decision if two conditions are met: first, there is a close connection between the court and the dispute or approval of the jurisdiction by the defendant; the second is compliance with the rules on exclusive judicial jurisdiction established in the national legislation of the member states of the Eurasian Economic Union.
The author also proposes an option for improving the legal regulation of indirect judicial jurisdiction at the national level, both in the Russian Federation and in other member states of the Eurasian Economic Union. In particular, the option of introducing provisions on indirect judicial jurisdiction into national legislation is being considered, which would condition the acceptability of the competence of a foreign court by observing the criterion of a close connection between the dispute and the court that issued the judicial act, or the approval of its jurisdiction by the defendant, and non-contradiction with the criteria of exclusive judicial jurisdiction.
Conclusions. The Eurasian Economic Union needs to create an effective mechanism for the recognition of foreign court decisions, which can be achieved, first of all, by improving the legal regulation of indirect judicial jurisdiction.
Keywords: recognition of foreign judgments, Eurasian integration, Judgments Convention 2019, Kiev Agreement 1992, Chisinau Convention 2002
For citing: Shepovalova O. A. Improving the Legal Regulation of Indirect Judicial Jurisdiction in the Eurasian Economic Union // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 1. P. 81–89. (In Russ.)
https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-01-81-89. EDN: BVBDHW

Введение

Создание любого экономического интеграционного объединения немыслимо без формирования внутри него скоординированной правовой системы, обеспечивающей функционирование этого объединения в качестве единого юридико-экономического пространства. Однако установление согласованной правовой базы предполагает не только выработку унифицированных материально-правовых регуляторов, но и установление режима свободного трансграничного движения судебных решений, принятых в государствах — членах этого объединения. Как отметила С. А. Акимбекова, ускорение интеграционных процессов вряд ли достижимо без тесного сотрудничества государств в сфере юстиции, одним из важнейших элементов которого является признание иностранных судебных актов[1].

При создании Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС)[2] у государств-членов не было необходимости разрабатывать специальное регулирование относительно трансграничного движения судебных решений, поскольку все они уже являлись участниками двух международных договоров, заключенных в рамках Содружества Независимых Государств (далее — СНГ), предусматривающих взаимное признание и приведение в исполнение иностранных судебных решений[3]. Речь идет о Соглашении о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, от 20 марта 1992 г. (далее — Киевское соглашение 1992 г.)[4] и Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. (далее — Минская конвенция 1993 г.). В настоящее время для всех государств — членов ЕАЭС вместо Минской конвенции 1993 г. действует Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 октября 2002 г. (далее — Кишиневская конвенция 2002 г.)[5].

Свободное трансграничное движение судебных решений государства пытаются установить не только на двустороннем и интеграционном, но и на универсальном уровне. Так, Гаагская конференция по международному частному праву (далее — ГКМЧП) в течение более 20 лет занималась разработкой проекта многостороннего международного договора, регулирующего признание иностранных судебных решений. Результат данной работы — Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским и торговым делам от 2 июля 2019 г. (далее — Конвенция о судебных решениях 2019 г.)[6]. Конвенция о судебных решениях 2019 г. открыта для присоединения любого государства, и предполагается, что со временем она приобретет статус универсального регулятора в обозначенной сфере.

Появление универсальной Конвенции с неизбежностью поставит вопрос о соотношении предлагаемого ГКМЧП правового регулирования с действующим на территории ЕАЭС, и в первую очередь в части косвенной судебной юрисдикции. Так, подчеркивая фундаментальность роли косвенных юрисдикционных критериев в Конвенции о судебных решениях 2019 г., американский профессор Р. А. Бранд предположил, что именно они будут иметь центральное значение для любого государства при решении вопроса о том, ратифицировать ли данную Конвенцию [9, с. 12].

---

1 *Акимбекова С. А.* Признание и приведение в исполнение решений иностранных судов в Республике Казахстан [Электронный ресурс] // Zakon.kz. 14.06.2013. URL: http://www.zakon.kz/4562001-priznanie-i-privedenie-v-ispolnenie.html (дата обращения: 11.11.2023).

2 В настоящее время членами Евразийского экономического союза являются следующие государства: Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Российская Федерация [Электронный ресурс]. URL: http://www.eaeunion.org/#about (дата обращения: 01.11.2023).

3 Далее — признание иностранных судебных решений.

4 Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, подписанное в г. Киеве 20 марта 1992 г., вступило, Армении — с 24.05.1994.

5 Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, подписанная в г. Кишиневе 7 октября 2002 г. [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант.РУ». URL: https://base.garant.ru/1156956/ (дата обращения: 18.01.2024). Конвенция применяется с 28 июня 2023 г. в отношениях между Россией, Арменией, Белоруссией, Казахстаном и Киргизией вместо Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, подписанной в г. Минске 22 января 1993 г., и Протокола к ней от 28 марта 1997 г. См.: О вступлении в силу Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, подписанной в г. Кишиневе 7 октября 2002 года [Электронный ресурс] // МИД РФ. 30.05.2023. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1873295/ (дата обращения: 25.09.2023).

6 Convention of 2 July 2019 on the Recognition and Enforcement of Foreign Judgments in Civil or Commercial Matters [Электронный ресурс]. URL: https://assets.hcch.net/docs/806e290e-bbd8-413d-b15e-8e3e1bf1496d.pdf (дата обращения: 25.09.2023). Конвенция о судебных решениях 2019 г. вступила в силу 1 сентября 2023 г. и действует для стран Европейского союза и Украины [Электронный ресурс] // Hague Conference on Private International Law (HCCH). URL: https://hcch.net/en/instruments/conventions/status-table/?cid=137 (дата обращения: 18.01.2024).

Действительно, проблема приемлемости иностранной юрисдикции является одной из основных, с которыми сталкиваются государства при признании иностранных судебных решений. Под «приемлемостью» мы понимаем согласие государства с юрисдикцией, реализованной иностранным судом при вынесении судебного решения, о признании которого ходатайствует одна из сторон спора.

При разработке Конвенции о судебных решениях 2019 г. ГКМЧП пришлось формировать особые правила, обеспечивающие движение судебных решений, которые представляют несомненный интерес. Во-первых, под углом зрения тех правовых решений, которые в ней реализованы. Как отмечает профессор С. В. Бахин, международно-договорная унификация во многих случаях способствует закреплению в правовых системах наиболее совершенных и современных правовых конструкций, что является одним из ее несомненных достоинств [1, с. 139]. Во-вторых, с точки зрения ратификации ее широким кругом государств, в т. ч. возможных перспектив присоединения к ней государств — членов ЕАЭС, и учитывая тот факт, что эти государства уже являются участниками двух вышеупомянутых договоров, предусматривающих признание иностранных судебных решений.

Правовое регулирование косвенной судебной юрисдикции в Киевском соглашении 1992 г. и Кишиневской конвенции 2002 г.

Способы определения приемлемости иностранной юрисдикции, т. е. косвенной судебной юрисдикции, в упомянутых Киевском соглашении 1992 г. и Кишиневской конвенции 2002 г. во многом схожи, однако назвать их одинаковыми вряд ли возможно.

С одной стороны, в обоих международных договорах реализован так называемый «брюссельский подход»[1]: как Киевское соглашение 1992 г., так и Кишиневская конвенция 2002 г. разграничивают судебную юрисдикцию и обусловливают признание иностранных судебных решений соблюдением установленных в них юрисдикционных критериев. Исходя из этого косвенная судебная юрисдикция определяется посредством обращения к нормам о прямой судебной юрисдикции. Нормы, разграничивающие судебную юрисдикцию между государствами, мы именуем также нормами о прямой судебной юрисдикции, отделяя их тем самым от норм о косвенной судебной юрисдикции.

Так, разграничение компетенции между судами договаривающихся государств закреплено в ст. 4 Киевского соглашения 1992 г., содержащей прямые юрисдикционные критерии, при этом п. «в» ст. 9 данного международного договора предусматривает отказ в признании иностранного судебного решения в случае, если спор разрешен «некомпетентным судом».

П. «д» ст. 59 Кишиневской конвенции 2002 г. также предусматривает отказ в признании иностранного судебного решения в случае, если, согласно положениям данной Конвенции, дело относится к исключительной компетенции учреждения юстиции государства, на территории которого решение суда должно быть исполнено. Исключительная компетенция государств определена в Кишиневской конвенции 2002 г. посредством закрепления прямых юрисдикционных критериев. В данном международном договоре термин «исключительная компетенция» имеет иное значение, нежели то, которое обычно придается данному понятию в российском законодательстве. В Кишиневской конвенции 2002 г. названный термин применяется по отношению к компетенции судов по рассмотрению трансграничных частноправовых споров, установленной ч. I–V раздела II, что следует из положения абз. 2 ч. 1 ст. 23 и отсутствия норм о разграничении компетенции между судами вне указанных частей раздела II, иными словами, ко всем положениям данного договора о разграничении компетенции.

Таким образом, унифицировав правила о прямой судебной юрисдикции, государства отчасти решили проблему косвенной судебной юрисдикции, поскольку юрисдикция иностранного государства будет признана приемлемой всегда, когда она основана на прямых юрисдикционных критериях.

---

[1] Словосочетание «брюссельский подход» используется в отношении заключенной 27 сентября 1968 г. между государствами — членами ЕЭС Брюссельской конвенции по вопросам юрисдикции и принудительного исполнения судебных решений в отношении гражданских и коммерческих споров. В ней объединены вопросы разграничения юрисдикции и вопросы признания иностранных судебных решений, в связи с чем договор получил название «двойная конвенция». См.: Brussels Convention on jurisdiction and the enforcement of judgments in civil and commercial matters. Consolidated version [Электронный ресурс] // Official Journal. L 299, 31.12.1972. P. 32–42. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:41968A0927(01) (дата обращения: 26.09.2023).

С другой стороны, вопрос о косвенной судебной юрисдикции в ситуации, когда прямыми юрисдикционными критериями, поименованными в договоре, не разрешается вопрос о компетенции иностранного суда, урегулирован в данных международных договорах по-разному.

Так, из ст. 59 Кишиневской конвенции 2002 г. следует, что косвенная судебная юрисдикция подлежит определению посредством применения как оснований исключительной компетенции, поименованных в данном договоре, так и оснований исключительной компетенции, содержащихся в национальном законодательстве. Такой подход использован во многих двухсторонних соглашениях, регулирующих признание иностранных судебных решений, заключенных РФ[1].

Применительно к Киевскому соглашению 1992 г. ответ на вопрос о том, применимы ли положения национального законодательства об исключительной компетенции при определении приемлемости юрисдикции иностранного суда, не так однозначен. Использованная при разработке данного международного договора юридическая техника была поставлена под сомнение специалистами [2, с. 119], т. к. породила неясность в вопросе о содержании понятия «компетентный суд», вследствие чего невозможно однозначно определить, следует ли полагать неприемлемой компетенцию иностранного суда, если она противоречит нормам об исключительной подсудности, содержащимся в национальном праве[2]. Неясность впоследствии была устранена судебной практикой, содержащей положительный ответ на данный вопрос[3].

Таким образом, в настоящее время правовое регулирование косвенной судебной юрисдикции на территории ЕАЭС осуществляется следующим образом: компетенция иностранного суда признается приемлемой всегда, когда она основана на прямых юрисдикционных критериях, содержащихся в международном договоре, а в непредусмотренных договором случаях — когда не противоречит основаниям исключительной судебной юрисдикции, установленным в национальном законодательстве.

Модель правовой регламентации, в которой косвенная судебная юрисдикция обусловлена унифицированными критериями прямой судебной юрисдикции, обеспечивает максимально свободное движение иностранных судебных решений. Однако реализовать данную модель затруднительно в связи с различиями в подходах государств к вопросу разграничения юрисдикции.

Поэтому такой способ регулирования, хотя и является максимально эффективным, однако реально возможен лишь в рамках узкой группы государств, национальное право которых в данном вопросе является схожим. Перспективным представляется его реализация в интеграционных образованиях, в т. ч. ЕАЭС. На универсальном уровне на современном этапе развития возможно применение иного способа регулирования, который позволит государствам продолжать разрешать трансграничные споры на основаниях, установленных в национальном праве, однако свяжет государства косвенными

---

[1] Например: ст. 56 Договора между Российской Федерацией и Латвийской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 3 февраля 1993 г.; ст. 56 Договора между Российской Федерацией и Литовской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 21 июля 1992 г.; ст. 56 Договора между Российской Федерацией и Республикой Молдова о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 25 февраля 1993 г.; ст. 35 Договора между Российской Федерацией и Монголией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам от 20 апреля 1999 г. с Протоколом от 12 сентября 2002 г.; ст. 53 Договора между Российской Федерацией и Республикой Польша о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам от 16 сентября 1996 г.; ст. 50 Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Куба о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам от 28 ноября 1984 г.

[2] По нашему мнению, ст. 9 Киевского соглашения 1992 г. предполагает отказ в признании иностранного судебного решения в случаях, когда спор разрешен с нарушением положений о компетенции, содержащихся исключительно в данном договоре, что следует из буквального прочтения п. «в» ст. 9, в котором имеется отсылка к положениям соглашения: «в приведении в исполнение решения может быть отказано.., только если... Сторона представит... доказательства того, что спор *в соответствии с настоящим Соглашением* разрешен некомпетентным судом» (курсив наш. — О. Ш.). Из определения понятия «компетентный суд», данного в ст. 3 Киевского соглашения 1992 г., следует, что компетентные суды — это суды, арбитражные (хозяйственные) суды, третейские суды и другие органы, к компетенции которых относится разрешение дел, указанных в ст. 1 названного Соглашения, отнесение к компетенции судов данных дел содержится в ст. 4 Соглашения, в которой нет каких-либо отсылок к национальному праву. Данная позиция косвенно подтверждается и Консультативным заключением № 01-1/3-10 Экономического Суда СНГ «О толковании статьи 9 Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, от 20 марта 1992 года», указавшим на отсутствие оснований отказа в признании иностранного судебного решения по причине противоречия его исполнения публичному порядку запрашиваемого государства. Такое основание отказа в признании иностранного судебного решения как нарушение норм национального законодательства об исключительной компетенции также не предусмотрено Киевским соглашением 1992 г.

[3] Например, Постановление ФАС Дальневосточного округа от 14 февраля 2006 г. по делу № Ф03-А59/05-1/4118; Постановление ФАС Северо-Западного округа от 29 октября 2008 г. по делу № А56-8186/2008; Определение Верховного Суда РФ от 18.04.2023 № 65-ПЭК23 по делу № А19-14701/2021.

юрисдикционными критериями. Описываемая модель реализована в Конвенции о судебных решениях 2019 г.

Правовое регулирование косвенной судебной юрисдикции в Конвенции о судебных решениях 2019 г.

В отличие от правового регулирования, содержащегося в Киевском соглашении 1992 г. и Кишиневской конвенции 2002 г., в Конвенции о судебных решениях 2019 г. косвенная судебная юрисдикция определяется посредством обращения не к прямым юрисдикционным критериям, а к косвенным, что означает, с одной стороны, сохранение за государствами права по своему усмотрению определять судебную юрисдикцию, а с другой — закрепляет некий минимальный стандарт, соблюдение которого гарантирует признание иностранного судебного решения. Необходимо учитывать, что использование данного способа регулирования косвенной судебной юрисдикции в международном договоре создает ситуацию диспаритета во взаимном признании иностранных судебных решений.

В частности, сравнительный анализ прямых юрисдикционных критериев, определяющих судебную юрисдикцию государства по рассмотрению трансграничных частноправовых споров, содержащихся в национальном законодательстве РФ, и косвенных юрисдикционных критериев в Конвенции о судебных решениях 2019 г. позволяет прийти к выводу о том, что первые уже последних[1]. А следовательно, присоединение к Конвенции о судебных решениях 2019 г. создаст для РФ обязанность признавать иностранные судебные решения государств, использующих более широкие основания собственной юрисдикции, при том что в аналогичной ситуации суды РФ не будут иметь компетенцию по рассмотрению дела, т. к. ее надлежит определять на основании более узких оснований юрисдикции, установленных в национальном законодательстве [5, с. 76].

Следует также учитывать и то, что в отличие от международно-правовой регламентации движения судебных актов в рамках СНГ (и, соответственно, ЕАЭС) Конвенция о судебных решениях 2019 г. не допускает возможности отказа в признании иностранного судебного решения в случае нарушения положений об исключительной юрисдикции, закрепленных в национальном законодательстве государств-участников, если при этом прямые юрисдикционные критерии соблюдены.

Правовое регулирование косвенной судебной юрисдикции в национальном законодательстве государств, входящих в ЕАЭС

Признание иностранных судебных решений регулируется также национальным процессуальным законодательством государств, на территории которых подлежит признанию судебный акт. При этом положения национального законодательства, как и положения международных договоров, в которых участвует соответствующее государство, как правило, содержат правовое регулирование одних и тех же вопросов, в том числе вопросов косвенной судебной юрисдикции. В частности, в Республике Казахстан, отмечают специалисты, нормы и положения международных документов о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов «инкорпорированы в гражданское процессуальное законодательство и суды рассматривают дела на основе норм и положений гражданского процессуального законодательства Республики Казахстан» [8, с. 4].

В национальном законодательстве всех государств, входящих в ЕАЭС, реализована модель косвенной судебной юрисдикции, согласно которой юрисдикция иностранного суда признается приемлемой всегда, когда не противоречит исключительной судебной юрисдикции государства, в котором запрашивается

[1] Например, п. 1 (i) Конвенции о судебных решениях 2019 г. предусматривает следующее основание косвенной судебной юрисдикции: судебное решение вынесено против ответчика в отношении договорного обязательства, обеспеченного вещным правом в отношении недвижимого имущества, находящегося в государстве происхождения, если договорное требование было предъявлено тому же ответчику вместе с требованием, касающимся такого вещного права. Вместе с тем ни ст. 247, ни ст. 248 АПК РФ к компетенции арбитражных судов РФ такие споры не относит, что подтверждается судебной практикой (см. Постановление Президиума ВАС РФ от 3 февраля 2009 г. № 10680/08 по делу № А19-2579/08-31-10 [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант.РУ». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1690269/ (дата обращения: 18.01.2024)).

признание иностранного судебного решения[1]. Например, в Республике Беларусь контроль иностранного судебного решения, касающийся его процессуальной стороны, включает проверку того, не нарушена ли исключительная компетенция суда Республики Беларусь; данное обстоятельство является условием признания иностранного судебного решения [3, с. 74].

Вместе с тем надо иметь в виду, что не всегда критериями исключительной судебной юрисдикции могут быть охвачены все возникающие на практике ситуации. Поэтому представляется целесообразным введение в национальное законодательство гибкого косвенного юрисдикционного критерия — тесной связи спора и суда, позволяющего достичь цели регулирования косвенной судебной юрисдикции, — обеспечения баланса между реализацией общепризнанного принципа права на судебную защиту и принципа защиты отечественного правопорядка.

Как следует из п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2017 г. № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающих из отношений, осложненных иностранным элементом»[2], принцип тесной связи спорного правоотношения с территорией РФ лежит в основе правил определения компетенции арбитражных судов РФ. Данный критерий, как указывает Л. В. Терентьева, позволяет учесть субъективные факторы (например, предвидение ответчиком возможности рассмотрения дела в государстве суда), объективные факторы (территориальная связь элементов правоотношения с государством суда) и правовые (место нахождения доказательств; рассмотрение дел, имеющих социальную направленность) [7, с. 70]. Такой подход способствует ограничению условий, при которых допускается отказ в осуществлении правосудия, в особенности если такой отказ мотивируется ссылкой на подсудность дела иностранному суду [6, с. 202].

Введение гибкого критерия тесной связи отвечает современным подходам к определению компетенции судов по рассмотрению дел с иностранным элементом и применительно к косвенной судебной юрисдикции позволяет предотвратить признание компетенции иностранного суда в ситуации отсутствия тесной связи между форумом и рассматриваемым делом, хотя бы и вне противоречия нормам об исключительной юрисдикции.

Заслуживает внимания несомненное достоинство Конвенции о судебных решениях 2019 г., заключающееся в реализации принципа эстоппель в п. (e) и (f) ст. 5, согласно которому юрисдикция иностранного суда полагается обоснованной всегда, когда ответчик ее одобрил. Молчаливое согласие сторон с юрисдикцией суда и вступление в связи с этим в действие принципа эстоппель соответствует общепринятой мировой судебной практике [4, с. 33]. Данный принцип нашел отражение в законодательстве РФ и практике российских судов[3]. Требования к соблюдению принципа тесной связи в связи с этим полагаем подлежащими элиминации при согласии ответчика с юрисдикцией суда.

Заключение

Подводя итог изложенному, заключим, что совершенствование правового регулирования косвенной судебной юрисдикции в ЕАЭС возможно посредством заключения между государствами — членами ЕАЭС международного договора, устанавливающего унифицированные критерии прямой судебной

[1] Ч. 1 ст. 354 Гражданского процессуального кодекса Республики Армения [Электронный ресурс]. URL: parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=6196&lang=rus#52a (дата обращения: 02.11.2023); ст. 5 Приложения 4 к Гражданскому процессуальному кодексу Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900238 (дата обращения: 02.11.2023); ст. 467 Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: online.zakon.kz/Document/?doc_id=34329053 (дата обращения: 02.11.2023), п. 30 Нормативного постановления Верховного суда Республики Казахстан от 11 июля 2003 г. № 5 «О судебном решении по гражданским делам» [Электронный ресурс]. URL: online.zakon.kz/Document/?doc_id=1043251&pos=4;-106 (дата обращения: 02.11.2023); ст. 432 Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=33430670#pos=4158;-44 (дата обращения: 02.11.2023).

[2] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2017 г. № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающих из отношений, осложненных иностранным элементом» [Электронный ресурс] // Справ.-правовая система «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_218824/ (дата обращения: 18.01.2024).

[3] См., напр.: определение ВАС РФ от 28 октября 2011 г. по делу № А60-7981/2010-С2 [Электронный ресурс] // Правовая навигационная система Кодексы и Законы. URL: https://www.zakonrf.info/suddoc/3a8b66bb6f93b3351b7d9a0bb5312a55/?ysclid=lrjak4scvd409239746 (дата обращения: 18.01.2024); постановление ФАС СЗО от 3 марта 2022 г. по делу № А21-9780/2021 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/tehNiMVQQPVJ/?ysclid=lrjb0rt6lr736136402 (дата обращения: 18.01.2024).

юрисдикции и обусловливающего приемлемость юрисдикции иностранного суда соблюдением этих критериев, а в случае если компетенция иностранного суда не основана на данных критериях, — посредством соблюдения двух условий: первое — наличие тесной связи между судом и спором либо одобрение юрисдикции ответчиком; второе — ненарушение правил об исключительной судебной юрисдикции, установленных в национальном законодательстве государств — участников ЕАЭС.

Совершенствование правового регулирования косвенной судебной юрисдикции на национальном уровне как в РФ, так и в других государствах — участниках ЕАЭС возможно посредством введения в национальное законодательство положений о косвенной судебной юрисдикции, обусловливающих приемлемость компетенции иностранного суда соблюдением критерия тесной связи спора и суда, постановившего судебный акт, либо одобрением его юрисдикции ответчиком и непротиворечием критериям исключительной судебной юрисдикции.

Литература

1. *Бахин С. В.* Правовые проблемы договорной унификации // Московский журнал международного права. 2002. № 1. С. 129–143. DOI: 10.24833/0869-0049-2002-1-129-143. EDN: HSIVQQ
2. *Елисеев Н. Г.* Международная подсудность исков о правах на недвижимость // Проблемные вопросы гражданского и арбитражного процессов / под ред. Л. Ф. Лесницкой, М. А. Рожковой. М. : Статут, 2008. С. 91–119. EDN: QQORUL
3. *Мороз В. П.* Признание и исполнение иностранных судебных решений в Республике Беларусь в свете современных тенденций правового регулирования // Судовы веснік. 2014. № 4. С. 70–77 [Электронный ресурс]. URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/119016/1/Мороз-статья%20о%20признании%20суд.pdf (дата обращения: 20.02.2024).
4. *Нешатаева Т. Н.* Общие принципы права и практика Суда Евразийского экономического союза // Журнал Конституционного правосудия. 2022. № 4. С. 27–38. DOI: 10.18572/2072-4144-2022-4-27-38. EDN: GSSWVP
5. *Павлова О. А.* «Судейская конвенция»: вопросы юрисдикции // Международное право. 2023. № 1. С. 70–82. DOI: 10.25136/2644-5514.2023.1.39778. EDN: BJKXHY
6. *Романова О. Н.* Некоторые вопросы международного гражданского процесса Республики Беларусь // Вестник гражданского процесса. 2012. № 2. С. 186–223. EDN: OXIZXV
7. *Терентьева Л. В.* Содержание принципа тесной связи при установлении судебной юрисдикции по трансграничным частноправовым спорам // Вестник арбитражной практики. 2021. № 3 (94). С. 65–75. EDN: AGAACF
8. *Akimbekova M., Akimbekova S., Moroz S.* Recognition and Enforcement of Decisions of Foreign Courts and Arbitrations in The Republic of Kazakhstan: Current Status and Problems // Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues. 2021. Vol. 24. No. SpecialIssue-1. P. 1–7. EDN: WORTDK
9. *Brand R. A.* The Circulation of Judgments Under the Draft Hague Judgments Convention // University of Pittsburgh School of Law Legal Studies Research Paper Series. 2019. 35 p. [Электронный ресурс]. URL: https://scholarship.law.pitt.edu/fac_articles/453 (дата обращения: 20.02.2024).

Об авторе:

Шеповалова Олеся Александровна, аспирант кафедры международного права Санкт-Петербургского государственного университета (Saint Petersburg State University), Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: lesya.a.p@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-5857-0116

References

1. Bakhin S. V. Legal Problems of Contractual Unification // Moscow Journal of International Law [Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava]. 2002. No. 1. P. 129–143. (In Russ.). DOI: 10.24833/0869-0049-2002-1-129-143 EDN: HSIVQQ

2. Eliseev N. G. International Jurisdiction of Claims on Real Estate Rights // Problematic Issues of Civil and Arbitration Processes / eds. by L. F. Lesnitskaya, M. A. Rozhkova. Moscow : Statute, 2008. P. 91–119. (In Russ.) EDN: QQORUL
3. Moroz V. P. Recognition and Enforcement of Foreign Court Decisions in the Republic of Belarus in the Light of Modern Trends in Legal Regulation // Judicial Bulletin [Sudovy vesnik]. 2014. No. 4. P. 70–77 [Electronic resource]. URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/119016/1/Мороз-статья%20о%20признании%20суд.pdf (accessed: 20.02.2024). (In Russ.)
4. Neshataeva T. N. General Principles of Law and Practice of the Court of the Eurasian Economic Union // Journal of Constitutional Justice [Zhurnal Konstitutsionnogo pravosudiya]. 2022. No. 4. P. 27–38. (In Russ.) DOI: 10.18572/2072-4144-2022-4-27-38 EDN: GSSWVP
5. Pavlova O. A. "Judicial Convention": Issues of Jurisdiction // International Law [Mezhdunarodnoe pravo]. 2023. No. 1. P. 70–82. (In Russ.) DOI: 10.25136/2644-5514.2023.1.39778 EDN: BJKXHY
6. Romanova O. N. Some Issues of International Civil Procedure of the Republic of Belarus // Herald of Civil Procedure [Vestnik grazhdanskogo protsessa]. 2012. No. 2. P. 186–223. (In Russ.) EDN: OXIZXV
7. Terentyeva L. V. The Content of the Principle of Close Connection in Determining Court Jurisdiction on Crossborder Private Law Disputes // Bulletin of Arbitration Practice [Vestnik arbitrazhnoi praktiki]. 2021. No. 3 (94). P. 65–75. (In Russ.) EDN: AGAACF
8. Akimbekova M., Akimbekova S., Moroz S. Recognition and Enforcement of Decisions of Foreign Courts and Arbitrations in The Republic of Kazakhstan: Current Status and Problems // Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues. 2021. Vol. 24. No. SpecialIssue-1. P. 1–7. EDN: WORTDK
9. Brand R. A. The Circulation of Judgments Under the Draft Hague Judgments Convention // University of Pittsburgh School of Law Legal Studies Research Paper Series. 2019. 35 p. [Electronic resource]. URL: https://scholarship.law.pitt.edu/fac_articles/453 (accessed: 20.02.2024).

About the author:

Olesia A. Shepovalova, Postgraduate student, Department of International Law of St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation);
e-mail: lesya.a.p@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-5857-0116

CC BY

DOI: 10.22394/2073-2929-2024-01-90-99

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ: 5.5.2, 5.5.4

EDN: BXVUBO

Транспарентность сведений о регионах ОДКБ в контексте информационного противоборства и когнитивной безопасности

Кочарян В. К.[1,] ***, Сторогин М. С.**[2]

[1] Парламентская Ассамблея ОДКБ, Санкт-Петербург, Российская Федерация

* e-mail: kvk69@yandex.ru; kvk@paodkb.org

[2] МГИМО МИД РФ, Москва, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Статья посвящена анализу и критике когнитивной роли информационно-аналитического потенциала ОДКБ[1] (далее — Организация) в условиях гибридного давления со стороны акторов «евразийской дуги нестабильности» [5, с. 62]. Объектом и предметом исследования рассмотрены, соответственно, информационное наполнение сайта Организации и опубликованные данные о регионах коллективной безопасности.

Цель. Обосновать востребованность поиска новых путей взаимодействия с широкой аудиторией, а также перехода от реактивного принципа кризисного реагирования к системе предупреждения и урегулирования кризисных ситуаций на основе научного подхода и передовых информационных технологий.

Задачи. Раскрыть значимость транспарентности актуальных данных о рубежах и регионах коллективной безопасности когнитивной безопасности ОДКБ в условиях эскалации и психологического давления извне. Предложить новое направление развития официальных сайтов Организации.

Методы. Исследование выполнено с позиций цивилизационного и исторического подхода, системного и критического анализа.

Результаты. Представлена оригинальная трактовка когнитивной роли и инклюзивности общедоступных данных, публикуемых на сайте международной организации в сфере безопасности.

Выводы. Многофакторный научный поиск достоверной информации и общедоступность сведений по проблематике регионов и рубежей ОДКБ приобретает все большее теоретическое и практическое значение. Ситуацию на рубежах и в регионах коллективной безопасности ОДКБ целесообразно рассматривать сквозь призму пространственно-географических, военно-политических и социально-экономических факторов. Активизация когнитивной роли, транспарентности и инклюзивности публикуемых открытых сведений о деятельности ОДКБ — перспективные пути наращивания потенциала Организации в условиях гибридной войны.

Ключевые слова: регионы коллективной безопасности, гибридная война, когнитивная безопасность, сайт организации, достоверность сообщений

Для цитирования: Кочарян В. К., Сторогин М. С. Транспарентность сведений о регионах ОДКБ в контексте информационного противоборства и когнитивной безопасности // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 1. С. 90–99.
https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-01-90-99. EDN: BXVUBO

[1] Организация Договора о коллективной безопасности.

Transparency of Information about the CSTO Collective Security Regions in the Context of Hybrid Warfare and Cognitive Security

Vyacheslav K. Kocharian[a], *, **Maksim S. Storogin**[b]
[a] CSTO Parliamentary Assembly, Sankt Petersburg, Russian Federation
* e-mail: kvk69@yandex.ru; kvk@paodkb.org
[b] Moscow State Institute of International Relations (university) of the Ministry of the Foreign Affairs of the Russian Federation

ABSTRACT
The article is devoted to the analysis and criticism of the cognitive role of the information and analytical potential of the CSTO in the conditions of hybrid pressure from the actors of the Eurasian arc of instability [5, p. 62]. The object and subject of the study considered, respectively, the information content of the Organization's website and published data on collective security regions.
Aim. To substantiate the need for finding new ways to interact with the target audience, as well as the transition from the reactive principle of crisis response to a system for preventing and resolving crisis situations based on a scientific approach and advanced information technologies.
Tasks. To reveal the importance of transparency of current data on the boundaries and regions of collective security of the CSTO cognitive security in conditions of escalation and psychological pressure from the outside. Propose a new direction for the development of the official websites of the Organization.
Methods. The study was carried out from the perspective of a civilizational and historical approach, systemic and critical analysis.
Results. An original interpretation of the cognitive role and inclusiveness of publicly available data published on the website of an international security organization is presented.
Conclusions. The multifactorial scientific search for reliable information and the public availability of information on the issues of the regions and borders of the CSTO is acquiring increasing theoretical and practical importance. It is advisable to consider the situation on the borders and in the regions of collective security of the CSTO through the prism of spatial-geographical, military-political and socio-economic factors. Activating the cognitive role, transparency and inclusiveness of published open information about the activities of the CSTO are promising ways to build up the Organization's potential in a hybrid war.
Keywords: CSTO regions and borders, hybrid warfare, cognitive security, organization's website, reliability of messages
For citing: Kocharian V. K., Storogin M. S. Transparency of Information about the CSTO Collective Security Regions in the Context of Hybrid Warfare and Cognitive Security // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 1. P. 90–99. (In Russ.)
https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-01-90-99. EDN: BXVUBO

Лучше всего победить не сражаясь.
Сунь-Цзы [10]

Введение

Глобальное информационное противоборство продолжает набирать обороты. Как и в любом сражении, победа будет за более оснащенной, мотивированной и сплоченной стороной, обладающей источниками внутренней силы — духовностью, культурой, традициями, взаимоуважением, пониманием обстановки и исторической правды. Вооружить такими знаниями — значит объединить государства

в союзы, а население страны — в народ, чья соборность способна разбить любого врага и преодолеть самое трудное препятствие, вплоть до «столкновения цивилизаций» [4, с. 59].

Участие в этой ответственной задаче — априори компетенция региональных организаций и интеграционных структур, претендующих на роль авторитетных акторов международной политики.

Евразийская дуга нестабильности и когнитивный аспект информационного противоборства

Эскалация, наблюдаемая повсеместно на пространстве Евразии, активирует прежние и новые вызовы и угрозы международной безопасности в непосредственной близости от рубежей ОДКБ, СНГ и ШОС. Острие вектора прозападного конфликтного потенциала нацеливается на границы России, Беларуси, Ирана, Китая, Сербии, Сирии и других независимых государств, как когда-то — стран СЭВ и Варшавского договора[1], а далее — Советского Союза и Югославии.

В очередной раз набирают обороты попытки оказать массированное военное и психологическое давление на руководство и население, внедрить ожидания цветной революции, спонсировать коррупцию и саботаж, обнулить культурный код народов, переписать историю и заместить традиции по чуждым шаблонам, чтобы разрушить неподконтрольные интеграционные процессы [8, с. 54].

Гибридное давление коллективного Запада все более приобретает силовой акцент, что выражается в наращивании группировок НАТО, дальнейшем продвижении альянса на восток, ускоренной милитаризации ЕС, США и ряда европейских стран. Между тем суверенитет и развитие России и ее союзников гарантируются многосторонними и двусторонними договорами о совместной обороне, применении группировок войск, ядерных и обычных вооружений [9, с. 121].

В формате ОДКБ ключевую роль в устойчивости оборонной структуры играют регионы коллективной безопасности – Восточноевропейский, Кавказский и Центральноазиатский[2], рубежи которых многие годы находятся под давлением агрессивных факторов евразийской дуги нестабильности.

В этой связи вопрос обывателя, политика или специалиста: «А что же такое регион коллективной безопасности и в чем проблематика внешних рубежей ОДКБ?» — закономерен и актуален, как и задача отображения исчерпывающих сведений на сайте Организации[3]. В свою очередь, полноценный ответ невозможен без многофакторного анализа, учета цивилизационного развития и хода истории [2, с. 44 / p. 10].

По сути, геополитика сегодня отражает последовательность исторических закономерностей и поворотных моментов[4] на излете предыдущего столетия. Часть из них продолжает позитивно влиять на ситуацию, как, например, создание ОДКБ в 2002 г., ШОС и ЕврАзЭс[5] в 2001 г. и СНГ — в 1991 г.

Напротив, такие факторы, как дипломатические войны, санкционное давление, территориальные претензии, незавершенность делимитации и демаркации границ или же ратификации пограничных договоров[6], содержат деструктивное начало. Среди примеров — инициативы ЕС, Латвии, Литвы, Польши, Украины, Финляндии и Эстонии по снижению уровня дипломатических сношений, блокированию границы с Россией и Беларусью, провокационному насыщению приграничья воинскими формированиями, наступательной военной инфраструктурой[7] и все новыми огневыми позициями.

---

1 Экономический и военный форматы социалистических стран в XX в.

2 Далее в тексте — регион ОДКБ или ВЕРКБ, КРКБ и ЦАРКБ, соответственно, а также РКБ, регион.

3 По мнению автора, информация подобного рода существенно усилит когнитивную роль сайтов ОДКБ.

4 В том числе согласно тезису И. Валлерштайна о поворотных моментах «миросистемы» под воздействием переплетения политики, экономики социума и культуры [2].

5 Предшественник ЕАЭС, образованного в 2015 г.

6 Например, в контексте ситуации вокруг вопроса оказания военной помощи Армении со стороны ОДКБ по защите границы с Азербайджаном в 2021–2023 гг. См.: В Ереване пояснили, почему попросили снять с повестки ОДКБ документ об оказании помощи [Электронный ресурс] // Sputnik Армения. 21.11.2023. URL: https://ru.armeniasputnik.am/20231121/v-erevane-poyasnili-pochemu-poprosili-snyat-s-povestki-odkb-dokument-ob-okazanii-pomoschi-68914528.html (дата обращения: 17.01.2024).

7 В том числе, согласно заявлению Президента РБ А. Г. Лукашенко от 30 июля 2021 г. о наращивании инфраструктуры НАТО у границ Беларуси: Вдоль границ Беларуси наращивается наступательная военная инфраструктура НАТО — Лукашенко [Электронный ресурс] // БЕЛТА — Новости Беларуси. 30.07.2021. URL: https://www.belta.by/president/view/vdol-granits-belarusi-naraschivaetsja-nastupatelnaja-voennaja-infrastruktura-nato-lukashenko-452920-2021/?nw=1627722993000 (дата обращения: 17.01.2024).

Как правило, предлогом для милитаризации и запретов служат двойные стандарты Запада в области защиты демократии и прав человека, мнимая военная угроза, санкции и пресечение потоков нелегальной миграции, обеспечение свободы мореплавания и т. п.

В результате объем трафика в Европу на торговых, энергетических и пассажирских маршрутах Восток — Запад, Юг — Север и Северный морской путь все более сводится к нулю. Срыв деловых, частных и туристических контактов приводит к нарушению добрососедских отношений, провоцирует дефицит доверия, снижение экономических показателей и рост социальной напряженности по обе стороны границы. Побудительные причины этих моментов вполне соотносятся с целью и арсеналом гибридного давления, отчетливо указывают на его подлинный источник.

К этому же ряду относится спонтанная напряженность на границах Польши и Украины, а также между странами ЕС, обусловленная расхождением взглядов сторон на движение стратегических ресурсов. К проявлениям межгосударственных споров следует добавить блокирование или ограничение трафика группами граждан, например фермерами или водителями, для защиты своих прав и давления на регулирующие органы, что в современных реалиях вполне может считаться вызовом нового типа, инструментом народной дипломатии и общественного влияния на собственное правительство и соседнюю страну.

Проблемы пограничного урегулирования и добрососедства в Азии представляются не менее сложными и многогранными явлениями. Исторический аспект их возникновения также связан с особенностями цивилизационного развития тех или иных геополитических регионов и государств в неблагоприятных внешних условиях [7, с. 185].

В текущем столетии особую опасность вызывают различные радикально-экстремистские и террористические идеологии, в том числе о халифате от Средиземного моря до Урала или о непризнании существующих границ современного Афганистана [1, с. 60]. Все чаще транслируют заявления о готовности к силовому варианту разрешения споров вокруг морских границ в Юго-Восточной Азии…

Еще одним распространенным поводом к вооруженному конфликту и полномасштабной войне являются стремления сопредельной стороны вести политическую и экономическую деятельность на оспариваемых территориях до момента делимитации и демаркации границ.

Игра третьих сил на противоречиях подобного толка — очевидный признак попыток ослабить или устранить неугодные страны, подтолкнуть соседние народы к вооруженному конфликту, нарушить региональную стабильность. По этой причине выявление и анализ взаимосвязи перечисленных категорий — априори актуальная научно-практическая задача, имеющая экзистенциальное значение для вооруженной защиты государственного суверенитета, развития экономики, укрепления моральных устоев общества, сбережения исторической правды и воспитания молодежи.

Владение знаниями такого рода позволяет и обывателю, и специалисту отчетливо понимать прошлое и уверенно заглядывать вперед — за горизонт событий, преодолевать завесу откровенной лжи, фейков и дезинформации, чуждых стандартов и фальшивых ценностей.

Объективный научный подход крайне важен для принятия взвешенных решений в международной политике и государственном управлении, для защиты национальных интересов, достижения победы в гибридной войне и на иных полях сражений. Соответственно, когнитивный фактор противодействия внешнему давлению учитывается в целом ряде прикладных направлений деятельности государственных и общественных структур.

В широком смысле речь идет в том числе о технологическом прорыве в информационно-аналитической деятельности международных организаций, активном внедрении искусственного интеллекта, квантовых и других передовых достижений в процесс принятия решений[1], просветительскую работу с гражданским обществом, патриотическое воспитание и защиту электорального суверенитета.

По всем перечисленным причинам задача научного поиска достоверной информации, формирования лаконичных общедоступных открытых сведений о зонах ответственности, регионах и рубежах ОДКБ, равно как и других международных организаций, приобретает все большее теоретическое

[1] В развитие систем поддержки принятия решений.

и практическое значение в современной истории и политике, включая поиск «новых решений»[1] по проблематике ОДКБ.

В полном объеме это касается задачи информационного противоборства на страницах сайтов ОДКБ, а также перехода от механизма кризисного реагирования, построенного на реактивном принципе, к системе предупреждения, реагирования и урегулирования, что, по мнению автора, является сутью модернизации информационно-аналитического потенциала Организации.

Научный подход в изучении регионов и ситуации на рубежах ОДКБ

Стремление коллективного Запада устранить нового политического конкурента в лице полицентрического мироустройства обнажает глобальное противоречие современности и создает спектр геополитических проблем, включая опасность новой мировой и ядерной войны, экологических, техногенных, климатических и гуманитарных катастроф.

Исторически колониальная идеология культурного, технологического или расового превосходства лицемерно применяется для оправдания экспансии прозападного типа и в XXI в. Из той же когорты — появление евразийской дуги нестабильности в контексте Фултонской речи[2] и доктрины Трумэна[3], использование совокупности горячих точек, тлеющих конфликтов, очагов международного терроризма и других проявлений транснациональной преступности в качестве инструмента внешнего давления и вмешательства в дела государств, вставших на путь независимости[4].

Решительным ответом на политические деструкции выступают СНГ, ОДКБ, ЕАЭС, ШОС, БРИКС и другие политико-дипломатические форматы, отстаивающие суверенное право всех стран и народов на устойчивое мирное развитие в русле центральной координирующей роли и стратегий ООН.

Тем не менее на геополитической карте Евразии сохраняется опасность пограничного конфликта между Украиной и Беларусью, Молдовой и Приднестровьем, Грузией, Абхазией и Южной Осетией, Азербайджаном и Арменией, Киргизией и Таджикистаном. На оспариваемых территориях вблизи отдельных участков рубежей ОДКБ нередки эпизоды боевых действий и провокации при участии силовых структур и населения государств-членов. Нарастает давление со стороны НАТО, Финляндии, прибалтийских государств, Польши, Румынии, Афганистана... Над миром нависла реальная угроза вооруженного столкновения с применением наиболее разрушительного оружия.

И вновь в качестве casus belli (лат. — случай (для) войны) может быть использовано некое нарушение красных линий — мнимый или реальный инцидент, ответная или упреждающая реакция на который предусмотрена основополагающими документами НАТО, ОДКБ, СНГ, двусторонних союзов и отдельных государств согласно Уставу ООН[5].

Следует подчеркнуть, исходя из практики и эволюции стратегий Североатлантического альянса по вопросу экстерриториального применения военной силы, горизонты интересов ведущих государств-членов выходят беспрецедентно далеко за суверенные пределы на политической карте мира. Поэтому при решении уставных задач и широкого общественного одобрения деятельности в формате ОДКБ, а равно СНГ и ШОС, совершенно недостаточно полагаться на краткие данные о рубежах и регионах зоны ответственности, упоминаемые на интервале более чем в двадцать лет.

Свою негативную толику в эту проблему вносит и человеческий фактор, в том числе естественная смена поколений управленцев, некачественный подбор и некомпетентность, последствия которых «внезапно» проявляются в ходе многофакторных событий и стремительных кризисов.

---

[1] В том числе: в выступлении Президента РБ А. Г. Лукашенко в ходе СКБ ОДКБ 23 ноября 2023 г.; в выступлении Председателя ПА ОДКБ, Председателя ГД ФС РФ В. В. Володина на Совете ПА ОДКБ 19 декабря 2023 г.

[2] У. Черчилль, речь в Вестминстерском колледже в Фултоне, штат Миссури, США, 5 марта 1946 г.

[3] Президент США Г. Трумэн, послание Конгрессу, 12 марта 1947 г.

[4] В том числе в контексте заявления директора СВР С. Нарышкина на заседании руководителей органов безопасности и спецслужб стран СНГ 12 октября 2023 г.

[5] Ст. 51 Устава ООН о неотъемлемом праве на индивидуальную или коллективную самооборону [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/chapter-7 (дата обращения: 19.02.9024).

В любом случае желательно иметь под рукой и размещать на сайте объективный материал о сложившихся и прогнозных показателях международно-правовых, административно-географических, геофизических, природно-климатических, инфраструктурных, военно-политических, экономических, социальных и других условий на границах и вблизи внешних рубежей. Особенно важно анализировать и отображать культурно-исторический аспект и настроения по видению границ, доминирующие на официально-декларативном или популистском уровнях[1].

Последние зачастую имеют под собой отнюдь не общепринятую правовую базу, но устойчивые во времени цивилизационные, экономические и иные экзистенциальные мотивы. История подтверждает, что именно националистические или религиозно-радикальные сентенции особенно востребованы для обоснования и оправдания идеологии экстремизма, военной экспансии и колонизации территорий.

Собственно, описание рубежей и регионов ОДКБ имеет характер самостоятельной научной задачи, выходящей за рамки данной публикации. Здесь же автор стремится привлечь внимание к проблеме эффективного использования официальных сайтов в контексте когнитивной безопасности.

Предлагаемая далее аналитика базируется на нормативно-правовой базе ОДКБ, ДКБ и СНГ, а критика изложена в свете национальных приоритетов государств — членов ОДКБ[2] по развитию информационно-аналитического потенциала Организации.

В данном случае научная новизна может заключаться в обосновании предложений по использованию больших данных и искусственного интеллекта для мониторинга обстановки и аргументированного противодействия нападкам в медийной и информационно-аналитической среде.

Объектом исследований выступают сведения на официальных сайтах ОДКБ, предметом — открытые сведения о рубежах и регионах[3] Организации.

Совокупность результатов исследования формируется с позиций исторического, цивилизационного и системного подходов, критического анализа и сопоставительного метода.

По мнению автора, сочетание научного видения при поиске новых путей решения рассматриваемых проблем и политической воли по их реализации предоставляет наибольшие возможности как в рамках ОДКБ, так и диалога о безопасности, мире и доверии в Большой Евразии.

Когнитивный аспект сайтов ОДКБ и инклюзивного описания регионов коллективной безопасности

Ученые пишут книги не друг для друга, а для широкого читателя. Поэтому необходима строгая аргументация, подробное изложение событий истории и четкое обобщение, дабы читатель не утонул в калейдоскопе дат, фактов и экзотических названий. Как это совместить?

Л. Н. Гумилев [3]

В современных геополитических условиях задача анализа зоны ответственности ОДКБ и отображения открытых данных на сайтах Организации приобретает все большую актуальность как в целом, так и по каждому региону[4]. Причины очевидны:

- продвижение идеи и принципов пояса добрососедства невозможно без взаимного признания границ и нормализации политико-дипломатических отношений между странами;

[1] Например, неких идей о польских территориях от моря до моря, а также терминах «пантюркизм», «айренатирутюн» и т. п.
[2] В том числе приоритеты Республики Армения на 2022 г. и Республики Беларусь в 2023 г.
[3] Далее в тексте — регион ОДКБ или ВЕРКБ, КРКБ и ЦАРКБ, соответственно.
[4] Далее по тексту — РКБ, регион ОДКБ, регион.

- отсутствие консенсуса в международном признании границ может служить мотивом и поводом враждебных действий на транзитных, транспортных, миграционных, информационно-коммуникационных и энергетических маршрутах, что зачастую становится детонатором полномасштабного вооруженного конфликта[1];
- территориальные, экономические и межэтнические споры всегда попадают на прицел внешних сил, спонсирующих конфликты на постсоветском пространстве, в сетевых ресурсах и «на земле».

События нашего времени подтверждают: наличие информационного вакуума и правовых лакун позволяет создавать почву для политических инсинуаций, подрыва доверия, единства и союзнических отношений, особенно в период экономический и военной эскалации. Ибо, согласно законам Сунь-Цзы, война — путь обмана [10, с. 24], что позволяет победить и до сражения.

Кроме того, неразрешенные территориальные споры между странами препятствуют развитию культурных связей, торговли, совместных энергетических проектов и транспортной логистики, предельно обостряют тематику нелегальной миграции, наркотрафика, контрабанды ресурсов и прочих проявлений трансграничной преступности.

Очевидно, что в экспертной среде назрел вопрос об использовании научного подхода и передовых технологий для заблаговременного выявления кризисных ситуаций, прогнозирования и предупреждения их последствий, что мотивировало заинтересованность на уровне национальных приоритетов.

По мнению автора, официальные сайты уставных органов ОДКБ более всего подходят на роль механизмов популяризации Организации и инклюзивных источников о регионах коллективной безопасности.

Исходя из охвата и встречной вовлеченности в информационное противоборство, подобный открытый материал может представлять интерес для самой широкой аудитории — общественности, экспертов, журналистов, содействует развитию кругозора профессионалов — сотрудников международных организаций.

Действительно, сайт какой-либо официальной структуры при отсутствии актуальных данных исподволь вызывает недоумение и недоверие, заслуживает критику как «вещь сама по себе»[2]. Причина вполне может скрываться в системных недостатках, пренебрежении механизмом обратной связи, некомпетентности персонала, саботаже...[3] Вероятно, поэтому в сети практически невозможно найти однозначное, детализированное, документально подтвержденное и хоть сколько-нибудь подробное описание РКБ и актуальных особенностей их рубежей. Речь идет как об отправной нормативно-правовой точке — Договоре о коллективной безопасности 1992 г., так и последующих многочисленных основополагающих документах, включая Устав, Стратегию коллективной безопасности ОДКБ[4], а также соглашения, в которых упоминания о регионах представлены лишь названиями и кратким упоминанием рубежей[5].

Более того, налицо расхождение в терминологии, в том числе на сайтах Секретариата и Объединенного штаба ОДКБ. Пример — наличие вариации в наименованиях частей зоны ответственности Организации, как то: «Восточноевропейский регион»[6], «Восточноевропейский регион коллективной безопасности»[7] или «Восточно-Европейский регион коллективной безопасности»[8].

---

[1] Современный пример — ситуация вокруг признания независимости и границ Палестины на фоне боевых действий Израиля в Газе, а также предупреждений Египта и Иордании о неприятии насильственного перемещения палестинских беженцев из Газы.

[2] Большая российская энциклопедия.

[3] Более качественным доступом к нормативно-правовой базе и полнотой открытой справочной информации отличаются, соответственно, сайты Исполкома СНГ и МИД РФ.

[4] Стратегия коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года. Утверждена Решением Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности от 14 октября 2016 года.

[5] Одно из первых упоминаний термина «Центральноазиатский регион» в документах, размещенных на сайте ОДКБ, а именно в Решении Совета коллективной безопасности ДКБ от 25 мая 2001 года «О Коллективных силах быстрого развертывания Центральноазиатского региона коллективной безопасности».

[6] В тексте слайда «Структура ОДКБ» на сайте Организации [Электронный ресурс]. URL: https://odkb-csto.org/structure/ (дата обращения: 01.11.2023).

[7] Там же. В тексте слайда «От Договора к Организации».

[8] В тексте слайда «Силы и средства системы коллективной безопасности ОДКБ» на сайте Объединенного Штаба ОДКБ [Электронный ресурс]. URL: https://www.jscsto.org/security/forces-and-means/ (дата обращения: 01.11.2023).

Закономерно, что когнитивный характер проблемы создает дополнительный мотив для изучения характеристик зоны ответственности международных организаций, включая установление названий регионов и описание их границ с учетом административно-географических и иных открытых данных, а также научно обоснованных прогнозов.

Концептуальный взгляд на анализ и транспарентность регионов коллективной безопасности и рубежей ОДКБ

По мнению автора, отсутствие на сайте международной организации открытых, лаконичных, многофакторных аналитических справок о предмете исследования — характеристиках регионов — является одновременно и недостатком, и одним из направлений модернизации информационно-аналитических возможностей Организации.

Современные технологии уравнивают когнитивную значимость видео и текстового ряда, способны обеспечить художественный[1], интерактивный и онлайн-режим доступа к информации, превращают поиск данных, обучение и просвещение в увлекательный процесс, не требующий существенных временных затрат.

Перспектива развития и внедрения цифровых технологий, нейросетей, больших данных, искусственного интеллекта и блок-чейна позволяет внедрять художественную визуализацию и дополненную реальность, чтобы преодолеть морально устаревшую монополию перекрестных ссылок, закладок, оглавлений, слайдов и других офисных «фишек» тридцатилетней давности.

В свете когнитивной безопасности и информационного противоборства мало предложить сайт с логотипом, набором документов, перепечатанных новостей и малоинформативных справок. Важно предоставить пользователю информационно-аналитическую платформу и виртуальную среду, выгодно конкурирующую с прочими сайтами по части достоверности, инклюзивности и красочности. Именно такой прагматичный подход создаст условия для отображения событий и аналитики в реальном времени, привлечет широкий интерес и обеспечит прирост международного авторитета.

Безусловно, для пользы дела важно заранее определить направленность той или иной страницы сайта и стандартизировать структуру данных. В этой связи предлагается данные о регионах и рубежах Организации рассматривать сквозь призму пространственно-географических, военно-политических и социально-экономических факторов, а публикацию открытых выводов и прогнозов по развитию обстановки сделать обязательным.

Заключение

В любом случае перспектива усиления инклюзивности и когнитивной значимости публикуемых данных неизбежна для развития международных организаций в сфере безопасности при прочих равных условиях, но особенно — в период эскалации.

По мнению автора, предлагаемый подход в наибольшей степени соответствует духу времени и уровню развития цифровых технологий, удовлетворяет задаче поиска новых путей реализации национальных приоритетов по развитию информационно-аналитического потенциала, а также продвижения интересов ОДКБ, СГБР, ЕАЭС, СНГ и иных региональных организаций в условиях гибридной войны [6], навязываемой сторонниками однополярного мироустройства.

---

[1] О влиянии художественных приемов на мировоззрение индивидуума и общественное сознание. С учетом тезисов выступления Президента РФ В. В. Путина 17 ноября 2023 года в ходе IX Санкт-Петербургского международного культурного форума — форума объединенных культур, о роли художественных произведений в описании или искажении исторических периодов и о том, что подлинное искусство и шедевры мировой литературы мешают попыткам фальсифицировать историю и обманывать людей. См.: Пленарное заседание Форума объединённых культур [Электронный ресурс] // Президент России (сайт). 17.11.2023. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/72757 (дата обращения: 05.01.2024).

Литература

1. *Белокреницкий В. Я., Сикоев Р. Р.* Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана / Институт востоковедения РАН. М. : Издательство МБА, 2014. 218 с.
2. *Валлерстайн И.* Миросистемый анализ: введение / пер. Н. Тюкиной. М.: Территория будущего, 2006. Серия. Социология. Политология. 248 с. EDN: QOGBGV
3. *Гумилев Л. Н.* Из истории Евразии. М.: Искусство, 1993 г., 78 с. ISBN: 5-210-02258-7. URL: https://libcat.ru/knigi/nauka-i-obrazovanie/istoriya/276985-8-lev-gumilev-iz-istorii-evrazii.html#text (дата обращения: 17.01.2024).
4. *Дугин А. Г.* Иллиберализм в международных отношениях // Международная жизнь. 2023. № 12. С. 52–59. URL: https://interaffairs.ru/virtualread/ia_rus/122023/files/assets/downloads/publication.pdf . EDN: RZVEJJ
5. *Колотов В. Н.* История формирования и анализ современных процессов дестабилизации Евразии // Проблемы национальной стратегии. 2023. № 4. С. 62–81. DOI: 10.52311/2079-3359_2023_4_62. EDN: BIIEOI
6. *Колотов В. Н., Маслов А. А.* Евразийская дуга нестабильности и новые вызовы для России // Международная жизнь. 2021. № 2. С. 136–141. URL: https://interaffairs.ru/virtualread/ia_rus/22021/files/assets/downloads/publication.pdf. EDN: KHAESQ
7. *Марьясов А. Г.* Геополитические интересы Ирана на Ближнем Востоке. Заметки дипломата // Труды Института востоковедения РАН. 2017. № 5. С. 184–187. EDN: UTPGYY
8. Пролегомены когнитивной безопасности: коллект. монография / ред. И. Ф. Кефели. СПб.: Петрополис, 2023. 487 с. EDN: MRECBE
9. Россия и мир: 2022. Экономика и внешняя политика: Ежегодный прогноз / рук. проекта А. А. Дынкин, В. Г. Барановский. М.: ИМЭМО РАН, 2021. 136 с. DOI: 10.20542/978-5-9535-0600-7. EDN: YINXJL
10. *Хо Ши Мин*. Законы войны Сунь-цзы. 1945–1946 / отв. ред. В. С. Мясников, сост. и пер. с вьет. В. Н. Колотова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2022. 224 с. EDN: SUOJED

Об авторах:

Кочарян Вячеслав Карленович, советник экспертно-аналитического отдела Секретариата Парламентской Ассамблеи ОДКБ (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат технических наук;
e-mail: kvk69@yandex.ru; kvk@paodkb.org

Сторогин Максим Сергеевич, магистрант программы «Государственные и корпоративные стратегии» по направлению подготовки «Политология» кафедры политической теории факультета управления и политики МГИМО МИД РФ (Москва, Российская Федерация);
e-mail: storogin4242@mail.ru

References

1. Belokrenitsky V. Ya., Sikoev R. R. The Taliban Movement and the Prospects of Afghanistan and Pakistan / Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Moscow : IBA Publishing House, 2014. 218 p. (In Russ.)
2. Wallerstein I. World-systems Analysis: An Introduction. Durham, North Carolina : Duke University Press, 2004. 110 p. URL: https://edisciplinas.usp.br/pluginfile.php/4102148/mod_resource/content/0/Livro_%20World-Systems%20Analysis_%20An%20Introduction%20%202004%20%281%29.pdf (accessed: 17.01.2024). DOI: 10.1215/9780822399018
3. Gumilev L. N. From the History of Eurasia. Moscow : Art, 1993. 78 p. URL: https://libcat.ru/knigi/nauka-i-obrazovanie/istoriya/276985-8-lev-gumilev-iz-istorii-evrazii.html#text (accessed: 17.01.2024). (In Russ.)
4. Dugin A. G. Illiberalism in International Relations // International Affairs [Mezhdunarodnaya zhizn']. 2023. No. 12. P. 52–59. (In Russ.) EDN: RZVEJJ
https://interaffairs.ru/virtualread/ia_rus/122023/files/assets/downloads/publication.pdf

5. Kolotov V. N. Analyzing the History of Development and the Current State of Efforts to Destabilize Eurasia // National Strategy Issues [Problemy natsional'noi strategii]. 2023. No. 4. P. 62–81. (In Russ.) DOI: 10.52311/2079-3359_2023_4_62. EDN: BIIEOI
6. Kolotov V. N., Maslov A. A. The Eurasian Arc of Instability and New Challenges to Russia // International Affairs [Mezhdunarodnaya zhizn']. 2021. No. 2. P. 23–25. URL: https://en.interaffairs.ru/media/pdf/contents67_2.pdf. (In Russ.) EDN: KHAESQ
7. Maryasov A. G. Iran's Geopolitical Interests in the Middle East. Notes of a diplomat // Papers of the Institute of Oriental Studies of RAS [Trudy Instituta vostokovedeniya RAN]. 2017. No. 5. P. 184–187. (In Russ.) EDN: UTPGYY
8. Prolegomenon of Cognitive Security : collective monograph / ed. by I. F. Kefeli. St. Petersburg : Petropolis, 2023. 487 p. (In Russ.) EDN: MRECBE
9. Russia and the World: 2022. Economics and Foreign Policy : Annual Forecast / hand. project A. A. Dynkin, V. G. Baranovsky. Moscow : National Research Institute of World Economy and International Relations of Russian Academy of Sciences, 2021. 136 p. (In Russ.) DOI: 10.20542/978-5-9535-0600-7. EDN: YINXJL
10. Ho Chi Minh. Sun Tzu's Laws of War. 1945–1946 / trans. from Vietnamese, comp. and comment. V. N. Kolotov. Saint Petersburg : Publishing House of St. Petersburg University, 2022. 224 p. (In Russ.) EDN: SUOJED

About the authors:

Vyacheslav K. Kocharian, Advisor to the Expert and Analytical Department of the Secretariat of the CSTO Parliamentary Assembly (Sankt Petersburg, Russian Federation), PhD in Technical Science;
e-mail: kvk69@yandex.ru; kvk@paodkb.org

Maksim S. Storogin, Master's student in the program "Public and Corporate Strategies" (Political Science) of the School of Governance and Politics of the Moscow State Institute of International Relations (university) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation);
e-mail: storogin4242@mail.ru

CC BY

DOI: 10.22394/2073-2929-2024-01-100-108

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ: 5.5.2

EDN: CALCXS

Информационный суверенитет Республики Беларусь и Российской Федерации: направления обеспечения и пути их совершенствования

Иванцов А. В.
Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Республика Беларусь
e-mail: aliaksei.ivantsou@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются основные направления обеспечения информационного суверенитета в Республике Беларусь и Российской Федерации, а также пути их совершенствования. На сегодняшний день выявлены некоторые проблемы, которые касаются безопасности информационной сферы Российской Федерации и Республики Беларусь, что и дало возможность создать конкретные меры по их разрешению.

Цель. В информационной сфере таких стран, как Республика Беларусь и Российская Федерация, проводились различные исследования комплексного плана разными учеными, политиками, а также военными. Благодаря данным исследованиям сегодня имеется теоретическая база по улучшению всего механизма по защите информационного суверенитета двух стран. Однако из-за того что сегодня существует нестабильная ситуация в геополитике и из-за развития глобализации, необходимо постоянно проводить практические исследования в информационной среде.

Задачи. Выявление и обоснование приоритетных направлений совершенствования обеспечения информационного суверенитета Республики Беларусь и Российской Федерации как основы информационной составляющей.

Методология. При проведении исследования были использованы стандартные научные методы анализа и синтеза, экспертно-аналитический, структурно-логический, компаративный и структурно-функциональный методы, а также метод прогнозирования.

Результаты. Исследование показало, что информационный суверенитет Республики Беларусь и Российской Федерации обеспечивает их политическую, экономическую, социальную стабильность и устойчивое поступательное развитие, так как в условиях глобализации информационного пространства и ключевых сфер общественной жизни появляется необходимость дополнительной проработки современных подходов изучения информационной сферы, а также усиливается значимость информационных технологий в работе частного и государственного секторов для каждого государства.

Выводы. Целесообразно закрепить равноценное значение понятия информационного суверенитета в Республике Беларусь и Российской Федерации в конституционно-правовом статусе. Стоит отметить, что использование исключительно контрольно-надзорных, регуляторных и ограничительных процедур в информационной среде является недостаточным для поддержания информационного суверенитета.

Ключевые слова: информационная безопасность, суверенитет, концепция, доктрина, гибридные войны

Для цитирования: Иванцов А. В. Информационный суверенитет Республики Беларусь и Российской Федерации: направления обеспечения и пути их совершенствования // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 1. С. 100–108.
https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-01-100-108. EDN: CALCXS

Information Sovereignty of the Republic of Belarus and the Russian Federation: Directions for Ensuring and Ways to Improve them

Aleksei V. Ivantsov
The Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus
e-mail: aliaksei.ivantsou@yandex.ru

ABSTRACT
The article discusses the main directions of ensuring information sovereignty in the Republic of Belarus and the Russian Federation, as well as ways to improve them. To date, some problems have been identified that relate to the security of the information sphere of the Russian Federation and the Republic of Belarus, which made it possible to create specific measures to resolve them.
Aim. In the information sphere of countries such as the Republic of Belarus and the Russian Federation, various studies of a comprehensive plan were conducted by various scientists, politicians, as well as the military. Thanks to these studies, today there is a theoretical basis for improving the entire mechanism for protecting the information sovereignty of the two countries. However, due to the dynamism of the integration plan processes, changes in globalization, as well as due to the situation in geopolitics, it becomes necessary to conduct more and more analytical studies regarding the application of practical experience in ensuring national security in the information sphere.
Tasks. Identification and justification of priority areas for improving the provision of information sovereignty of the Republic of Belarus and the Russian Federation as the basis of the information component.
Methods. During the study, standard scientific methods of analysis and synthesis, expert-analytical, structural-logical, comparative and structural-functional methods, as well as a forecasting method were used.
Results. The study showed that the information sovereignty of the Republic of Belarus and the Russian Federation ensures their political, economic, social stability and sustainable progressive development, since in the context of the globalization of the information space and key areas of public life, the influence on the information field increases and the importance of information security at the national levels increases for each state.
Conclusions. It is expedient to consolidate the equal importance in the composition of the structural mechanisms for ensuring the information sovereignty of the Republic of Belarus and the Russian Federation, their constitutional and legal status and equivalent nature. The use of exclusively control and supervisory, regulatory and restrictive procedures in the information environment is not sufficient to maintain information sovereignty.
Keywords: information security, sovereignty, concept, doctrine, hybrid wars
For citing: Ivantsov A. V. Information Sovereignty of the Republic of Belarus and the Russian Federation: Directions for Ensuring and Ways to Improve them // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 1. P. 100–108. (In Russ.)
https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-01-100-108. EDN: CALCXS

Введение

Большое количество политических событий, которые происходили со странами постсоветского пространства на протяжении последних десяти лет, обусловливают актуальность проблемы, связанной с обеспечением национальной безопасности в информационном пространстве Беларуси и России как единого Союзного государства.

Интеграция двух союзных стран, а именно России и Беларуси, необходима для того, чтобы реализовать идею создания на постсоветском пространстве нового государства, имеющего конкретную идеологию, экономику и политику. При единстве обеих стран имеется возможность создать целостную будущую цивилизацию, и поэтому необходимо еще больше развивать интеграцию обеих стран для достижения совместных целей [9].

Буквально тридцать лет назад, когда данный вопрос о национальной безопасности информационной сферы обеих стран не был настолько актуальным, Россия и Беларусь могли ограничиваться только некоторыми правоустанавливающими законами. Но вследствие глобализации и развития процессов информатизации вся национальная безопасность информационной среды основывается на комплексе целостной системы правовых актов, имеющих различные дополнения и новые изменения: Конституция Республики Беларусь и Конституция Российской Федерации; Концепция информационной безопасности Республики Беларусь; Законы Республики Беларусь № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации», № 170-З «О государственных секретах» и др; Доктрина информационной безопасности Российской Федерации; Стратегия национальной безопасности и Федеральные законы Российской Федерации № 149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», № 126 «О связи», № 390 «О безопасности» и др.

Информационная сфера как основа национальной безопасности

Создание общего информационного пространства и поддержание в Беларуси и России информационного суверенитета — одна из приоритетных задач реализации и достижения главных целей в информационной сфере, в том числе и в рамках Союзного государства.

Стоит начать с понятия «суверенитет государств», которое упоминается, например, в Декларации о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета, которая была принята в 1965 г. Также этот вопрос рассматривается в Декларации о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, которая была принята еще в 1981 г. [6].

Исследователь и государственный деятель Ж. Боден считал, что суверенитет является прямой ассоциацией верховной власти. Все это позволяет утверждать, что суверенитет — это основной признак каждого государства, без которого невозможно существовать [4].

Если обращаться к истории, то суверенитет всегда играл важную роль во всей системе международных отношений[1].

Информационный суверенитет современного государства является новым вызовом не только для информационно развитых стран, но и для стран, имеющих пробелы в технологическом плане.

Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко считает, что особой частью суверенитета каждого государства является именно информационный суверенитет, который заключается в праве государства проводить собственную политику в информационном плане, а также создавать национальную информационную инфраструктуру для обеспечения собственной безопасности в информационной среде государства[2].

В Республике Беларусь понятие суверенитета устанавливается на законодательном уровне. Необходимо отметить и тот факт, что, согласно стратегии информатизации в республике, государство настроено на то, чтобы постоянно содействовать национальному суверенитету в информационной среде [5]. Однако в данной стратегии отсутствует понятие информационного суверенитета, а это значит, что необходима дополнительная проработка и закрепление данного понятия на законодательном уровне.

В. М. Гессен утверждал, что исследование в области понятия суверенитета всегда будет напоминать некоторый лабиринт, который невозможно никак пройти до тех пор, пока в этой сфере не будет установлен точный базис. И с этим суждением невозможно не согласиться [7].

---

[1] Большая советская энциклопедия. Т. 25. М. : Большая советская энциклопедия, 1976. 600 с.

[2] Об информационном суверенитете, вызовах и честном разговоре с людьми — Лукашенко высказался о работе госСМИ [Электронный ресурс] // Речицкий районный исполнительный комитет. URL: https://rechitsa.by/republ/10456-ob-informacionnom-suverenitete-vyzovah-i-chestnom-razgovore-s-lyudmi-lukashenko-vyskazalsya-o-rabote-gossmi.html (дата обращения: 10.07.2023).

Российский ученый Д. С. Артамонов утверждает, что информационный суверенитет представляет собой совокупность контроля государства над всей информационной средой и защитой государства информации от различных угроз. Угрозы информационной среде могут быть различными, например, это имеющиеся на сегодняшний день информационные войны или кибератаки [2]. Здесь можно увидеть основу информационной политики государства в разрезе различных событий и факторов, создающих опасность всей информационной безопасности.

Российский государственный деятель А. А. Баранов считал, что информационный суверенитет является правом государства проводить различную информационную политику согласно законодательствам стран и конституции в целом [3, с. 76]. Подобное определение дает также и Д. В. Абдрахманов, который считает, что информационный суверенитет может представлять собой право государства определять внутренние и геополитические интересы в цифровой сфере в целом [1]. Исходя из этих определений возможно проследить некоторую логику в информационной сфере государства.

Подобного мнения придерживаются И. Ф. Кефели и С. А. Мальмберг, которые считают, что информационный суверенитет заключается в том, что государство способно проводить политику информационного плана [10].

Поэтому можно сказать, что информационный суверенитет позволяет государству совершать свою политику в информационной среде, базируясь на юридическом праве международных структур и органов: Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, Министерства связи и информатизации Республики Беларусь, Комитета государственного контроля, Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, Совета безопасности России, Федеральной службы по техническому и экспортному контролю.

Государство как актор мировой политики вынуждено адаптироваться к кардинально меняющимся в технологическом аспекте условиям внешней среды, оперативно реагировать на новые риски, вызовы и угрозы в информационной сфере для сохранения возможностей эффективного управления ключевыми сферами жизнедеятельности, к которым относится в первую очередь политическая, экономическая, социальная, информационная, научно-техническая, демографическая, экологическая и военная сферы. Очевидно, что утрата суверенитета в одной из указанных сфер является критичной для всей системы государственного управления.

Исходя из Доктрины информационной безопасности РФ[1], можно говорить о том, что угрозы информационной безопасности возможно разделить на виды, такие как:

- направленные на конституционные свободы и права гражданина, действующие в информационной сфере;
- напрямую влияющие на государственную политику РФ;
- направленные на информационную отечественную индустрию (сюда также относится и сфера телекоммуникаций, а также отечественные информационные ресурсы);
- направленные на безопасность телекоммуникационных средств и различных систем на территории РФ.

В Республике Беларусь можно исследовать немного другие угрозы. Так, например, в проекте Концепции национальной безопасности имеются угрозы, которые расположены в следующей последовательности: риск, вызов, угроза. Риск определяется как конкретная опасность всем национальным интересам, вызов — как объективная опасность, а угроза уже считается точной опасностью всему государству и его интересам[2].

Активно развивающееся информационное общество оказывает влияние на информационную среду государства, которая в последующем влияет на информатизацию всей политики. Вследствие этого процесса политика государства начинает использовать информационные и коммуникационные технологии

[1] Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 [Электронный ресурс] // Президент России (офиц. сайт). URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460 (дата обращения: 10.07.2023).

[2] *Гамова С.* Белорусы обсуждают новую концепцию безопасности, молдаване готовят заявление против России... [Электронный ресурс] // Независимая газета (сайт). 26.02.2023. URL: https://www.ng.ru/week/2023-02-26/8_8667_week5.html#:~:text (дата обращения: 10.07.2023).

не только для того, чтобы достигнуть целей политического плана, но и чтобы проводить конкретные мероприятия: законами Беларуси и России предусматривается обязанность операторов связи хранить на территории каждого государства информацию, которая может быть использована в оперативно-розыскных целях; в соответствии со ст. 14–17 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» и законом Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» субъект персональных данных имеет право на получение информации, касающейся обработки его персональных данных (в том числе в части подтверждения факта обработки персональных данных, оснований и целей их обработки), право требовать прекращения обработки его персональных данных, право на обжалование действий субъектов, осуществляющих обработку персональных данных. Данные мероприятия направлены на нейтрализацию информационно-психологического воздействия, которое также часто направлено на подрыв исторических основ и патриотических традиций, связанных с защитой Отечества. Можно сказать, что вся политическая жизнь начала резко меняться[1] после 2020 г. и институционально, и политически в сторону консервации.

К наиболее деструктивным факторам, которые могут сильно повлиять на информационную безопасность, можно отнести то, что зарубежные страны постоянно наращивают информационное воздействие на инфраструктуру, чтобы достигнуть поставленных целей.

В рассматриваемых странах имеется ряд особенностей механизмов обеспечения информационного суверенитета, связанных с особыми условиями развития различных информационных технологий.

Именно поэтому государства-союзники большое внимание придают значению информационной безопасности страны для защиты информационного суверенитета в целом. Российская Федерация и Республика Беларусь ведут постоянную борьбу с киберпреступлениями, а также активно сотрудничают в информационной сфере. Начало сотрудничеству между Россией и Беларусью было положено в 2010-х годах, результатом его стало подписание двустороннего межправительственного Соглашения в области обеспечения международной информационной безопасности в 2013 г.[2] Заключение двустороннего соглашения в области международной информационной безопасности дало новый импульс для проведения регулярных консультаций уполномоченных представителей сторон в области информационной политики двух государств.

Помимо этого, в государствах приняты законодательства, которые регулируют работу с интернет-соединением, а также обеспечивают контроль за информационной средой. Все это необходимо, чтобы защищать национальные интересы государства, а также информационную безопасность населения.

Механизмы обеспечения информационного суверенитета Республики Беларусь определяются в Конституции Республики Беларусь, Концепции Информационной безопасности Республики Беларусь[3], законе Республики Беларусь № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации»[4], Законе Республики Беларусь № 144-З «О переписи населения»[5], Законе Республики Беларусь № 113-З «Об электронном документе и электронной цифровой подписи»[6] и указах Президента Республики Беларусь.

Механизмом, обеспечивающим внутреннее единство, способность функционирования государства, являются организационные гарантии государственного (конституционного) строя и государственного су-

---

[1] *Кучерявый М. М.* Государственная политика информационного суверенитета России в условиях современного глобального мира // Управленческое консультирование. 2014. № 9 (69). С. 7–14. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-informatsionnogo-suvereniteta-rossii-v-usloviyah-sovremennogo-globalnogo-mira-1 (дата обращения: 10.07.2023). EDN: SYDYLT

[2] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. 25.10.2013. URL: http://docs.cntd.ru/document/499074140 (дата обращения: 10.07.2023).

[3] О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь Pravo.by. URL: https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=P219s0001 (дата обращения: 10.07.2023).

[4] Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь Pravo.by. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10800455 (дата обращения: 10.07.2023).

[5] О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О переписи населения». Закон Республики Беларусь от 13 июня 2016 г. № 375-З [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь Pravo.by. URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H11600375 (дата обращения: 10.07.2023).

[6] Об электронном документе и электронной цифровой подписи. Закон Республики Беларусь от 28 декабря 2009 г. № 113-З [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=H10900113 (дата обращения: 10.07.2023).

веренитета в информационной сфере. Как отмечает Д. М. Демичев, организационные гарантии включают в себя: «…создание и эффективное функционирование системы органов государства, целью которых является обеспечение суверенитета и охрана территориальной целостности государства, незыблемости его границ, водного и воздушного пространства. Эту задачу выполняют пограничные войска, таможенные органы, органы МВД, органы государственной безопасности… национальные Вооруженные силы» [8]. Все эти структуры необходимо относить к гарантиям по обеспечению государственной, национальной, общественной безопасности. Определенно, организационные гарантии не ограничиваются вышеупомянутыми органами, которые составляют лишь отдельный силовой блок в общей системе. Они также охватывают и включают формы и методы госуправления, последовательно реализуя цели и задачи по укреплению информационного суверенитета государства.

Вопрос об информационной безопасности и сохранении информационного суверенитета уже не раз поднимался как на международной арене, так и внутри Республики Беларусь. Принятые на данный момент механизмы имеют некоторые пробелы в техническом и в правовом аспектах обеспечения безопасности информации, однако эти недочеты позволяют точечно сфокусироваться на более эффективной работе по их устранению. Наряду с техническим и правовым полем до конца не урегулированными остаются вопросы этики, социальных гарантий, защиты личной информации. Здесь требуется постоянное совершенствование технического обеспечения, правовой регламентации и поиск оптимального решения, компромисса, позволяющего обеспечить информационный суверенитет Республики Беларусь и сохранить права и свободу граждан.

Таким образом, Республика Беларусь использует ряд механизмов для обеспечения информационного суверенитета, включая законодательные и технические меры. Это может включать в себя усиление государственного контроля за Интернетом и средствами массовой информации, установление ограничений на использование иностранных сервисов и технологий, а также развитие национальных альтернатив для обмена информацией и коммуникации.

В Российской Федерации также существует четкое регулирование информационных ресурсов, в том числе контроль за содержанием и распространением информации в Интернете, законы об информационной безопасности, а также проведение дезинформационных операций.

Механизмы обеспечения информационного суверенитета Российской Федерации определены в Конституции Российской Федерации, Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, Стратегии национальной безопасности Российской Федерации и федеральных законах, которые регулируют отношения в информационной сфере («О безопасности»[1], «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[2], «О средствах массовой информации»[3], «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»[4] и др.).

Координирующими органами по обеспечению информационного суверенитета в Российской Федерации являются: Межведомственная комиссия по защите государственной тайны, Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации, Правительство Российской Федерации, Совет Безопасности Российской Федерации.

Механизмы обеспечения информационного суверенитета Республики Беларусь схожи с механизмами Российской Федерации, в основе реализации которых лежат регулирование, надзор и соблюдение национального законодательства в информационной сфере.

---

[1] Федеральный закон «О безопасности» от 28.12.2010 № 390-ФЗ [Электронный ресурс] // Справочная правовая система КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (дата обращения: 10.07.2023).

[2] Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ [Электронный ресурс] // Справочная правовая система КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 10.07.2023).

[3] Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 13.06.2023) «О средствах массовой информации» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/ (дата обращения: 10.07.2023).

[4] Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 26.07.2017 № 187-ФЗ [Электронный ресурс] // Справочная правовая система КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220885/ (дата обращения: 10.07.2023).

Различия механизмов обеспечения информационного суверенитета в Республике Беларусь и Российской Федерации варьируются в зависимости от приоритетов и политики каждого государства, а также от уровня развития информационных технологий и инфраструктуры. Одним из возможных различий является уровень контроля и регулирования доступа к информации и контенту в Интернете, в том числе степень свободы СМИ. Здесь стоит сделать оговорку, что это не отражает официальную позицию или политику каждого государства.

Что касается совершенствования информационного суверенитета в Республике Беларусь и Российской Федерации, то здесь приоритетными видятся следующие шаги.

1. Совершенствовать механизмы права на источники информации в социальном пространстве на точечном уровне.

2. Необходимо защищать личность граждан от применения манипуляционных технологий.

3. Обеспечить информационную безопасность с помощью применения инновационных индивидуальных и психологических методик для того, чтобы повысить культуру безопасности в сфере информационного плана.

4. Необходимо увеличить уровень информационной культуры в российском и белорусском обществе для регулирования безопасности в социальной сфере.

Республика Беларусь и Российская Федерация стремятся сформировать единую нормативную правовую базу, а также гармонизированные информационные рынки, которые усилят взаимодействие в информационной среде всех участников интеграционного объединения Союзного государства.

На уровне национальных правовых систем вопрос необходимо регулировать с помощью конституционного и правового закрепления государственного суверенитета в сети Интернет. Так, влияние информационных технологий на современный конституционализм, по мнению М. А. Федотова, заключается в том, что «пока Конституция не обретет своего интернет-измерения, всякие попытки правового регулирования деятельности в киберпространстве методами национального законодателя обречены на неудачу» [11, с. 168].

Важно, чтобы государство могло гарантировать одновременную защиту информационного суверенитета, национальных интересов, ценностей и приоритетов в условиях глобальной информатизации экономики и общества с помощью выработанных механизмов для дальнейшего укрепления доверия и развития межгосударственного и международного сотрудничества в информационной сфере.

Заключение

На сегодняшний день интеграция двух Союзных государств, России и Беларуси, необходима для того, чтобы полноценно реализовать идею создания на постсоветском пространстве интеграционного объединения, имеющего конкретную идеологию, экономику и политику. Необходимо вырабатывать дополнительные механизмы, чтобы обеспечить информационный суверенитет Российской Федерации и Республики Беларусь, в том числе в рамках Союзного государства.

Использование исключительно контрольно-надзорных, регуляторных и ограничительных процедур в информационной среде является недостаточным для поддержания информационного суверенитета двух государств. В свою очередь, активное обеспечение собственного цифрового многообразия в технологическом аспекте является критичным фактором, влияющим на способности и возможности современного государства содержательно и функционально претендовать на статус суверенного. Белорусские и российские механизмы обеспечения информационной безопасности недостаточно ориентированы на создание региональной системы информационной безопасности на основе принципа неприкосновенности их национального суверенитета с учетом внутренних и внешних угроз. Россия и Беларусь стремятся к обособленности информационного суверенитета, когда речь идет о создании Союзного государства, и, несмотря на наиболее глубокую степень интеграции по сравнению с СНГ и ЕАЭС, показывают образцовый и эффективный уровень сотрудничества.

Оценивая перспективы углубления взаимодействия, следует отметить важность расширения формы практического сотрудничества. На подготовительном этапе необходимо активизировать подготовку

совместных научно-исследовательских проектов, а в перспективе выйти на реализацию общих образовательных программ в сфере международной информационной безопасности. При этом с учетом существующего геополитического ландшафта России и Беларуси очень важно при разработке новых курсов обращать внимание на политико-идеологический аспект информационной безопасности. Также необходимо уделять особое внимание активному проведению мероприятий по защите белорусско-российского населения от негативного информационно-психологического воздействия со стороны третьих стран и деструктивных организаций.

Принимая во внимание намерение России и Беларуси, необходимо запустить единый IT-ландшафт Союзного государства, для чего разрабатываются предложения по изменению законодательства двух государств, связанные с нестандартными решениями вопроса сохранения суверенитета каждого из государств, сообща обеспечивающих информационную безопасность единого надгосударственного социально-политического и экономического интеграционного объединения, развивающегося в глобальном информационном пространстве.

Литература

1. *Абдрахманов Д. В.* Государственный суверенитет и информационное общество: взаимосвязь и взаимозависимость // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2016. № 4. С. 66–72. DOI: 10.14529/law160411. EDN: XDYEYL
2. *Артамонов Д. С.* Информационный суверенитет: теоретический аспект // Международный и национальный механизмы обеспечения суверенитета : сб. материалов VIII Международного Конституционного Форума. Саратов : Саратовский источник, 2017. С. 16–20. EDN: ZAWIMR
3. *Баранов А. А.* Информационный суверенитет или информационная безопасность? // Национальная безопасность и оборона. 2001. № 1. С. 76.
4. *Боден Ж.* Метод легкого познания истории / отв. ред. М. С. Бобкова. М. : Наука, 2000. 411 с. ISBN: 5-02-008714-9
5. *Бондаренко А., Маршалко Г., Шишкин В.* ГОСТ Р 34.12-2015: чего ожидать от нового стандарта? [Электронный ресурс] // Information Security — Информационная безопасность. 2015. № 4. С. 48–50. URL: https://lib.itsec.ru/articles2/crypto/gost-r-chego-ozhidat-ot-novogo-standarta (дата обращения: 15.02.2024).
6. *Бурла В.* Цифровизация — фактор трансформации государственного суверенитета как международно-правовой категории в документах ООН и ценности в конституциях государств — членов СНГ // Вестник университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 12 (76). С. 224–232. DOI: 10.17803/2311-5998.2020.76.12.224-232. EDN: TMEGVX
7. *Гессен В. М.* Общее учение о государстве: Лекции, читанные в С.[анкт]-Петербургском политехническом институте. СПб. : Типолит. И. Трофимова, 1912. 190 с. [Электронный ресурс]. URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/22557-gessen-v-m-obschee-uchenie-o-gosudarstve-lektsii-chitannye-v-s-ankt-peterburgskom-politehnicheskom-institute-spb-1912#mode/inspect/page/194/zoom/4 (дата обращения: 15.02.2024).
8. *Демичев Д. М.* Конституционное право : учебник. Минск : Адукацыя і выхаванне, 2012. 416 с. ISBN: 978-985-471-467-7. EDN: TAVTCB
9. *Иванцов А. В.* Основные направления развития механизмов сопряжения в условиях реализации национальных (региональных) интересов Российской Федерации и Республики Беларусь в рамках Союзного государства // Журнал Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2019. № 1 (29). С. 95–102. DOI: 10.25688/2078-9238.2019.29.1.13. EDN: KANZIF
10. *Кефели И. Ф., Мальмберг С. А.* Информационный потенциал государства как основа информационного суверенитета // Управленческое консультирование. 2019. № 1 (121). С. 29–39. DOI: 10.22394/1726-1139-2019-1-29-39. EDN: VVGQUJ
11. *Федотов М. А.* Конституционные ответы на вызовы киберпространства // Lex russica. 2016. № 3 (112). С. 164–182. DOI: 10.17803/1729-5920.2016.112.3.164-182. EDN: VWARAT

Об авторе:

Иванцов Алексей Васильевич, соискатель ученой степени кандидата политических наук, Академия управления при Президенте Республики Беларусь (Минск, Республика Беларусь);
e-mail: aliaksei.ivantsou@yandex.ru

References

1. Abdrakhmanov D. V. State Sovereignty and Information Society: Interconnection and Interdependence // Bulletin of South Ural State University. Ser. “Law” [Vestnik Yuzhno-Ural’skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo]. 2016. No. 4. P. 66–72. (In Russ.) DOI: 10.14529/law160411. EDN: XDYEYL
2. Artamonov D. S. Information Sovereignty: A Theoretical Aspect // International and National Mechanisms for Ensuring Sovereignty : collection of materials from the VIII International Constitutional Forum. Saratov : Saratov Source, 2017. P. 16–20. (In Russ.) EDN: ZAWIMR
3. Baranov A. A. Information Sovereignty or Information Security? // National security and Defense [Natsional’naya bezopasnost’ i oborona]. 2001. No. 1. P. 76. (In Russ.)
4. Boden J. Method of Easy Knowledge of History / ed. by M. S. Bobkova. Moscow : Nauka Publ., 2000. 411 p. ISBN: 5-02-008714-9. (In Russ.)
5. Bondarenko A., Marshalko G., Shishkin V. GOST R 34.12-2015: What to Expect from the New Standard? [Electronic resource] // Information Security [Informacionnaja bezopasnost’]. 2015. No. 4. P. 48–50. URL: https://lib.itsec.ru/articles2/crypto/gost-r-chego-ozhidat-ot-novogo-standarta (accessed: 15.02.2024). (In Russ.)
6. Burla V. Digitalization — a Factor of Transformation of State Sovereignty as an International Legal Category in un Documents and a Value in the Constitutions of the CIS Member States // Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL) [Vestnik universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA)]. 2020. No. 12 (76). P. 224–232. (In Russ.) DOI: 10.17803/2311-5998.2020.76.12.224-232. EDN: TMEGVX
7. Gessen V. M. The General Doctrine of the State: Lectures delivered at the Saint Petersburg Polytechnic Institute. Saint Petersburg : I. Trofimova Typolite, 1912. 190 p. [Electronic resource]. URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/22557-gessen-v-m-obschee-uchenie-o-gosudarstve-lektsii-chitannye-v-s-ankt-peterburgskom-politehnicheskom-institute-spb-1912#mode/inspect/page/194/zoom/4 (accessed: 15.02.2024). (In Russ.)
8. Demichev D. M. Constitutional Law : textbook. Minsk : Education and Upbringing, 2012. 416 p. ISBN: 978-985-471-467-7 (In Russ.). EDN: TAVTCB
9. Ivantsov A. V. The Main Directions of Development of Mechanisms Pairing in the Context of the Implementation of National (Regional) Interests of the Russian Federation and the Republic of Belarus within the Framework of the Union State // MCU Journal of Philosophical Sciences [Zhurnal Vestnik MGPU. Seriya: Filosofskie nauki]. 2019. No. 1 (29). P. 95–102. (In Russ.) DOI: 10.25688/2078-9238.2019.29.1.13. EDN: KANZIF
10. Kefeli I. F., Malmberg S. A. State Information Capacity as Information Sovereignty Basis // Administrative Consulting [Upravlencheskoe konsul’tirovanie]. 2019. No. 1 (121). P. 29–39. (In Russ.) DOI: 10.22394/1726-1139-2019-1-29-39. EDN: VVGQUJ
11. Fedotov M. A. Constitutional Answers for the Challenges of Cyberspace // Lex russica. 2016. No. 3 (112). P. 164–182. (In Russ.) DOI: 10.17803/1729-5920.2016.112.3.164-182. EDN: VWARAT

About the author:

Aleksei V. Ivantsov, Applicant for the PhD in Political Science, The Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus (Minsk, Republic of Belarus);
e-mail: aliaksei.ivantsou@yandex.ru

CC BY

DOI: 10.22394/2073-2929-2024-01-109-117

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ: 5.5.4

EDN: CCWJHO

Актуальные подходы к совершенствованию консенсусных механизмов принятия решений в международных региональных организациях

Голуб К. Ю.

Секретариат Организации Договора о коллективной безопасности, Москва, Российская Федерация[1]

e-mail: kirillgoloub@mail.ru

РЕФЕРАТ

Настоящее исследование направлено на изучение ключевого элемента деятельности любой международной организации — проблемы консенсусного принятия решений и соответствующей практики ее решения как в интеграционных объединениях (Евразийский экономический союз, Европейский союз), так и в межгосударственных организациях, лишенных наднационального компонента (Шанхайская организация сотрудничества, Организация Североатлантического договора, Организация Договора о коллективной безопасности).

Цель. Выявить актуальные подходы к совершенствованию применения правила консенсуса в межгосударственных (межправительственных) структурах и их органах.

Задачи. Изучить практику формирования консенсуса при принятии решений международными региональными организациями, на основе обобщения опыта реализации консенсусных механизмов принятия решений выделить пути повышения их эффективности и оперативности.

Методология. В исследовании использована общенаучная методология. Для сопоставления существующих практик принятия решений используется метод сравнительного анализа. С помощью анализа, синтеза, обобщения, а также формально-логического метода формулируются выводы работы.

Результаты. Принятие коллективных решений на основе консенсуса вытекает из международно-правового принципа суверенного равенства государств, подчеркивает равноправие всех участников международного объединения и исключает наложение на государство обязательств, в одобрении которых оно не участвовало. С этой точки зрения консенсус является способом укрепления единства и достижения организационной стабильности. Одновременно практика использования этой формы в различных международных организациях дает основания говорить о недостаточной эффективности или низкой оперативности при принятии решений. Достижение консенсуса требует интенсивных усилий по координации позиций сторон, при этом не исключается возникновение ситуаций «вето в один голос». Возможный путь повышения эффективности принятия решений в рамках интеграционных объединений (ЕС, ЕАЭС) лежит через развитие наднациональных механизмов.

Выводы. Из анализа практики функционирования международных региональных организаций (ШОС, НАТО, ОДКБ) вытекают два подхода, направленных на преодоление негативных черт консенсусного принятия решений. Первый предполагает перерастание международной организации с формальными обязательствами членов в сообщество, связанное с утверждением в его участниках набора разделяемых ценностей. Второй путь проявляется как создание механизмов, позволяющих заинтересованным государствам использовать институты такой структуры для принятия коллективных решений без государства, не участвующего в консенсусе. Оба подхода проявляются, не исключая, а дополняя друг друга.

Ключевые слова: региональные организации, ОДКБ, НАТО, ШОС, консенсус, принятие решений

[1] Статья отражает личное мнение автора и не является официальной позицией Организации Договора о коллективной безопасности или ее органов.

Для цитирования: Голуб К. Ю. Актуальные подходы к совершенствованию консенсусных механизмов принятия решений в международных региональных организациях // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 1. С. 109–117.
https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-01-109-117. EDN: CCWJHO

Current Approaches to Improving Consensus Decision-Making Mechanisms in International Regional Organizations

Kirill Yu. Golub
CSTO Secretariat, Moscow, Russian Federation
e-mail: kirillgoloub@mail.ru

ABSTRACT
This study is aimed to study a key element of the activity of any international organization — the problem of consensus decision-making and the corresponding practice of solving it both in integration bodies (Eurasian Economic Union, European Union) and in interstate organizations devoid of a supranational component (Shanghai Cooperation Organization, North Atlantic Treaty Organization treaty, Collective Security Treaty Organization).
Aim. Identify current approaches to improving the application of the rule of consensus in interstate (intergovernmental) structures and their bodies.
Tasks. Investigate and generalize the practice of consensus decision-making within the international regional organizations, highlight actual ways to increase the efficiency of their decision-making mechanisms.
Methods. The study used general scientific methodology. The comparative analysis method is used to compare existing decision-making practices. Analysis, synthesis, generalization, as well as the formal logical method were used to formulate the conclusions of the work.
Results. The collective decision-making based on consensus follows from the international legal principle *par in parem non habet imperium*. It emphasizes the equality of all participants in an international organization and excludes the imposition of obligations non-approved by a sovereign state. From this point of view, consensus is a way to strengthen unity and achieve organizational stability. Simultaneously the practice of using this form in various international organizations gives evidence to its low efficiency in decision-making. Achieving consensus requires intensive efforts to coordinate the positions of the parties, and the emergence of "one-vote veto" situations cannot be ruled out. A possible way to increase the efficiency of decision-making within the framework of integration processes (EU, EAEU) lies through the development of supranational mechanisms.
Conclusions. Analysis of the practice of functioning of international regional organizations (SCO, NATO, CSTO) allows to identify two approaches aimed at overcoming the negative features of consensus decision-making. The first involves the development of an international organization with formal obligations of members into a community associated with the establishment of a set of shared values among its participants. The second presumes the creation of mechanisms that allow interested states to use the institutions of such a structure to make collective decisions without a not-participating state. Both approaches do not exclude but complement each other.
Keywords: Regional organizations, CSTO, NATO, SCO, decision-making, consensus
For citing: Golub K. Yu. Current Approaches to Improving Consensus Decision-Making Mechanisms in International Regional Organizations // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 1. P. 109–117. (In Russ.)
https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-01-109-117. EDN: CCWJHO

Введение

Количественный рост международных межправительственных организаций (далее — ММПО или международные организации), начавшийся во второй половине XX в.[1], свидетельствует о неуклонном возрастании их роли в решении мировых проблем. При этом одним из критериев оценки общей эффективности ММПО в значительной степени может выступать оперативность принятия решений их руководящими органами. Механизмы функционирования указанных структур, как правило, основываются на принципе суверенного равенства государства и вытекающем из него принципе консенсуса, которые закрепляются в учредительных договорах при создании той или иной организации. Вместе с тем достижение консенсуса является длительным и непростым процессом с негарантированным результатом. Сложности, возникающие при принятии отдельных, но весьма важных решений, с которыми сталкиваются в том числе и влиятельные международные организации (НАТО, ШОС, ОДКБ, ЕАЭС, ЕС и др.) свидетельствуют о своевременности настоящей статьи.

В связи с изложенным цель настоящей работы заключается в выявлении актуальных подходов к совершенствованию консенсусных механизмов принятия решений в международных региональных организациях. Для этого предполагается рассмотреть сложившиеся формы принятия решений в подобных структурах, изучить практику достижения консенсуса в отдельных региональных организациях, отразить возможные пути повышения эффективности принятия коллективных решений в современных условиях. В работе использована общенаучная методология (методы системного и сравнительного анализа, диалектический, формально-логический). Таким образом, на основе обобщения практики реализации консенсусных механизмов принятия решений предпринята попытка выделить актуальные подходы к повышению их эффективности и оперативности.

Обзор литературы

Проблематика деятельности региональных организаций интенсивно рассматривается и в публицистической, и научной литературе. В условиях динамично изменяющейся международной обстановки неизменно значительное внимание уделяется вопросам принятия решений в многосторонних форматах.

Содержание и использование правила консенсуса изучается политологами, юристами, представителями других наук. Для целей настоящего исследования использовались работы профессоров М. М. Бирюкова [2], Д. А. Дегтерева [5], Ю. В. Дубинина [6].

Для решения задач настоящей работы в региональном разрезе рассматривались публикации, посвященные функционированию Шанхайской организации сотрудничества (Р. Алимов, Цзян И, Вэнь Лунцзе), Организации Североатлантического договора (И. Истомин и др.), Организации Договора о коллективной безопасности (Ю. Никитина, С. Мартыненко).

При этом представляется, что практика совершенствования консенсусных механизмов принятия решений в международных региональных организациях требует обобщения и концептуализации, что предполагается в известной мере восполнить настоящей статьей.

От консенсуса к наднациональности

В рамках международных организаций установлены различные формы принятия решений, которые обобщенно сводятся в две основные группы: не связанные с подсчетом голосов и количественные (мажоритарные). К первым следует отнести применение принципов единогласия, консенсуса, вето. Вторые включают в себя принципы простого и квалифицированного большинства. При рассмотрении организационных, процедурных или протокольных вопросов, не связанных с принятием решения по существу, как правило, используется принцип простого большинства (50% + 1 голос), тогда как для принятия

[1] См. например: *Eilstrup-Sangiovanni M.* Death of International Organizations. The Organizational Ecology of Intergovernmental Organizations, 1815–2015 // Rev Int Organ. 2020. Vol. 15. P. 339–370. DOI: 10.1007/s11558-018-9340-5

обязывающих государства положений обычно требуется сформировать так называемое квалифицированное большинство, включающее значительно большую долю голосов (2/3 или 3/4) [5, с. 89].

М. М. Бирюков подчеркивает, что полномочие международной организации принимать обязательные для ее государств-членов решения большинством (абсолютным, относительным, взвешенным) голосов, т. е. на основе количественных принципов принятия решения, является одним из признаков наднациональности. Применительно к международной организации наднациональность определяется как приоритет ее компетенции по отношению к соответствующей компетенции ее государств-членов. Она характерна для международных экономических интеграционных организаций, выступавших основным движителем процесса глобализации [2, с. 154–155].

Вместе с тем практика функционирования региональных интеграционных объединений свидетельствует о сохранении консенсуса в качестве ведущей формы принятия решений их органами, понимаемой как отсутствие какого бы то ни было возражения, которое могло представлять препятствие для принятия решения по рассматриваемому вопросу. Для того чтобы быть принятым, решение должно найти поддержку всех или в крайнем случае не вызвать возражений со стороны кого бы то ни было из участников [6, с. 153].

Учредительными договорами Европейского союза установлен разветвленный институциональный механизм, предусматривающий различные формы принятия решений. При этом в соответствии со ст. 31 Договора о Европейском союзе решения по вопросам общей внешней политики и политики безопасности принимаются единогласно; одновременно государства имеют право воздержаться при голосовании и не применять принятое решение. В практическом плане использование механизма, требующего консенсуса для принятия решений, приводило к ослаблению и откладыванию Европейским союзом своих действий во внешней политике. В частности, одиночная позиция Венгрии в течение значительного времени затрудняла процесс принятия пакетов санкций в отношении России, Болгария ветировала решение о старте переговоров с Северной Македонией о вступлении в Евросоюз, а Франция применила вето в отношении либерализации визового режима с Косово [7, с. 79].

По мнению главы федерального правительства Германии О. Шольца, именно право вето, имеющееся у национальных правительств, мешает Европейскому союзу оперативно реагировать на меняющуюся международную обстановку. Бывший глава МИД ФРГ Х. Маас еще ранее подробно аргументировал данный тезис, подчеркнув, что на пути объединения 27 государств не могут и не должны стоять одиночные оппоненты: «Мы больше не можем быть заложниками тех, кто своими решениями парализует европейскую внешнюю политику. Поэтому я говорю совершенно открыто: право вето должно быть снято, даже если это означает, что мы в каких-то моментах тоже можем оставаться в меньшинстве». По его словам, «они (несогласные страны. — *авт.*), блокируя общие политические решения сообщества, играют со сплоченностью Европы. Евросоюз должен стать более дееспособным, и Европа больше не должна становиться заложницей отщепенцев» [12, с. 145].

Договор о Евразийском экономическом союзе устанавливает в качестве основы для принятия решений его органами правило консенсуса (ст. 13, 17, 18)[1]. Однако этот механизм оценивается в качестве одного из факторов риска дальнейшей евразийской интеграции. Нестабильность текущей геополитической ситуации ставит достижение консенсуса в зависимость от непредсказуемых разворотов на международной арене [3, с. 15]. Прогнозируется усложнение согласования позиций государств-членов по мере роста числа стран, участвующих в процессе принятия решений, в контексте реализации формата ЕАЭС+, а также планов по формированию Большого Евразийского партнерства [Там же, с. 31].

Т. Д. Валовая, будучи членом Коллегии (министром) Евразийской экономической комиссии, подчеркивала безальтернативность принципа консенсуса и в целях ускорения принятия решений в формате ЕАЭС возможность добровольной передачи части полномочий интегрирующихся государств в пользу наднационального механизма [10, с. 27]. В его рамках на основании международных договоров суверенные государства могут формировать наднациональные, независимые в своей деятельности от стран-чле-

[1] Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года [Электронный ресурс] // Правовой портал Евразийского экономического союза. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0013611/itia_05062014_doc.pdf (дата обращения: 21.02.2024).

нов органы интеграционной организации и наделить их компетенцией на принятие решений от имени стран-членов.

Сложности консенсуса: сноски, коалиции, ограниченный формат

Если говорить о классических межправительственных организациях, мандаты которых направлены на решение конкретных международных задач и лишены интеграционной направленности и наднациональных институтов, то фактическим стандартом их работы остается принятие решений на основе консенсуса их членов, гарантирующего соблюдение принципа суверенного равенства государств.

С одной стороны, такая форма принятия решений подчеркивает исключительное равноправие всех участников объединения вне зависимости от потенциала и возможностей и исключает наложение на государство обязательств, в одобрении которых оно не участвовало [1, с. 8–9]. С этой точки зрения консенсус является способом укрепления единства и достижения организационной стабильности за счет совместного участия, а также является практикой реализации концепции демократизации международных отношений.

С другой стороны, практика использования такой модели в различных международных организациях дает основания говорить о недостаточной эффективности или низкой оперативности при принятии решений. Достижение консенсуса требует более интенсивных усилий по координации позиций сторон, которые при этом не исключают возникновения ситуаций «вето в один голос», которые характерны для реальной работы многих международных организаций, вне зависимости от их региона или специализации [11, с. 10].

Генеральный секретарь ШОС Р. Алимов (2016–2018), в целом подчеркивая значимую роль консенсуса для построения регионализма, признает, что «консенсусный принцип может приводить к блокированию меньшинством согласованных большинством участников решений, своего рода право вето» [1, с. 9].

В отношении процесса принятия решений в рамках Организации Североатлантического договора принято считать, что все решения НАТО принимаются на основе консенсуса, после обсуждения и консультаций между ее государствами-членами. Несмотря на то, что принцип консенсуса используется с момента создания организации в 1949 г., с юридической точки зрения Североатлантический договор не регламентирует формы принятия решений в рамках НАТО и указывает на консультативный характер блока. Только в ст. 10 говорится о необходимости общего согласия для приглашения третьих стран к присоединению к договору[1].

Тем не менее консенсус при принятии решения интерпретируется как его приемлемость для всех участников договора. Предполагается, что «резолюция» альянса отражает общую волю всех его государств-членов. В рамках НАТО консенсусное принятие решений означает, что в организации не проводится голосование. Разноуровневые консультации продолжаются до тех пор, пока не вырабатывается приемлемое для всех сторон решение, что неизбежно предполагает возможность одного государства заблокировать процесс его принятия. Характерными примерами таких действий может стать политика Исландии в период «тресковых войн» (1952–1976 гг.) и Дании в 1980-х годах. Последний случай стал известен как «период сносок» (footnote period). В это время Копенгаген выступал против отдельных положений ядерной политики НАТО, подходов к ядерным силам средней дальности, а также концепции «звездных войн», что повлекло навешивание на Данию ярлыка «деструктивного союзника» [4, с. 9–10].

Несмотря на консолидацию в рамках НАТО после 2014 г., в 2019 г. на фоне наметившегося тогда кризиса в альянсе по инициативе Германии экспертной группой, в которую вошли высокопоставленные в прошлом политики из стран альянса, разрабатывался доклад «НАТО-2030», представленный руководству организации. В нем высказывались предложения об отступлении от консенсусного принципа принятия решений в альянсе, ограничении права вето и возможности формирования «коалиций желающих». Однако, например, в министерстве обороны ФРГ звучали опасения, что отход от единогласного принципа

[1] Североатлантический договор от 4 апреля 1949 года [Электронный ресурс] // North Atlantic Treaty Organization. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_17120.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 11.01.2024).

поставит под угрозу основы НАТО как военного блока, а «коалиции желающих», с немецкой точки зрения, могут отрицательно сказаться на боеспособности альянса[1].

Предлагаемые преобразования могли подорвать единство блока, ставящего перед собой задачи максимального распространения своего влияния, причем не только посредством включения новых государств в свою орбиту, но и путем применения широкого инструментария разного рода программ сотрудничества. Не являясь антагонистом НАТО, Организация Договора о коллективной безопасности ставит перед собой лишь задачи обеспечения региональной безопасности, а также, как показывает практика, не стремится к применению своей юрисдикции за пределами зоны своей территориальной ответственности [9, с. 61].

Устав Организации Договора о коллективной безопасности прямо закрепляет консенсус в качестве правила принятия решений органами ОДКБ. Правилами процедуры органов ОДКБ консенсус определен как отсутствие официального возражения со стороны государств-членов, которое могло бы представлять препятствие для принятия решения по рассматриваемому вопросу.

Несмотря на порой длительное согласование позиций государств-членов, в отдельных случаях ОДКБ не могла принять консенсусных решений. В частности, во взаимодействии с афганской стороной в 2006–2007 гг. вырабатывался перечень коллективных мер по активизации усилий государств — членов ОДКБ в вопросах постконфликтного обустройства Афганистана[2], но в 2007–2011 гг. его принятию препятствовал Узбекистан, который фактически в тот период заблокировал формирование единой линии ОДКБ в отношении Афганистана[3].

В 2009 г. Минск воздержался от участия в сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ, рассчитывая достичь договоренностей с Москвой в отношении запретов на ввоз в Россию белорусской молочной продукции, и присоединился к Соглашению о Коллективных силах оперативного реагирования ОДКБ спустя четыре месяца[4].

В 2010 г. государствами — членами ОДКБ было утверждено правило о том, что решения могут приниматься в ограниченном формате при условии, что ни одно из государств-членов не возражает против такого порядка принятия решения. При этом решение в ограниченном формате может быть принято, если ни одно из государств-членов не возразит против такого решения. Не присоединившееся к решению государство вправе сделать это в дальнейшем[5]. На протяжении более десяти лет в рамках ОДКБ механизм ограниченного формата носил «спящий» характер, но был применен в 2023 г. Арменией, которая выразила намерение не присоединяться к ряду коллективных решений, при этом не препятствуя их принятию оставшимися пятью государствами[6].

Заключение

Таким образом, применение консенсуса международными организациями может препятствовать принятию ими срочных решений, требуя продолжительных дипломатических усилий вовлеченных сторон, что неизбежно негативно сказывается как на возможности оперативного реагирования на складывающуюся международную обстановку, так и на имидже соответствующих структур.

---

1 *Gebauer M., Hoffmann C.* Es gibt ein Leben nach dem “Hirntod” [Электронный ресурс] // Spiegel. 27.11.2020. URL: https://www.spiegel.de/politik/deutschland/nato-reformvorschlaege-wie-weiter-nach-macrons-hirntod-diagnose-a-a653971d-4f50-4736-bb7e-067f9e219978 (дата обращения: 11.01.2024).

2 *Плугатарев И.* Новое вхождение в Афганистан [Электронный ресурс] // Независимая газета. 15.05.2007. URL: https://www.ng.ru/politics/2007-05-15/1_afganistan.html (дата обращения: 11.01.2024).

3 *Никитина Ю. А.* Второй шанс ОДКБ [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. 15.05.2012. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vtoroy-shans-odkb/ (дата обращения: 25.12.2023).

4 Белоруссия готова подписать документы об участии в КСОР ОДКБ [Электронный ресурс] // РИА Новости. 02.10.2009. URL: https://ria.ru/20091002/187247920.html (дата обращения: 11.01.2024).

5 Устав Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 года в редакции Протокола о внесении изменений в Устав Организации Договора о коллективной безопасности от 10 декабря 2010 года // Документы по вопросам формирования и функционирования системы коллективной безопасности государств — членов Организации Договора о коллективной безопасности. Вып. 11. М., 2011. С. 193.

6 Генсек ОДКБ после саммита посетит Ереван и передаст подписанные документы [Электронный ресурс] // РИА Новости. 23.11.2023. URL: https://ria.ru/20231123/odkb-1911299101.html (дата обращения: 12.01.2024).

Возможный путь повышения эффективности принятия решений в рамках интеграционных процессов лежит через формирование наднациональных механизмов, которые в соответствующих юридических рамках в переданных сферах компетенции получают возможность независимо от государств-участников принимать решения от имени интеграционного объединения.

Поскольку региональные структуры, не имеющие интеграционного мандата, лишены такой возможности, преодоление негативных черт консенсусного принятия решений в их деятельности может осуществляться двумя путями, которые можно условно обозначить как «идеологический» и «институциональный».

Первый предполагает перерастание международной организации с формальными обязательствами членов в сообщество, связанное с утверждением в его участниках набора разделяемых ценностей. Например, НАТО позиционирует себя не только как традиционный межгосударственный союз, но и как сообщество безопасности, в рамках которого достигнуто состояние «стабильного мира». Оно предполагает не просто отказ от применения силы, но исключения даже угрозы ее использования в качестве легитимного инструмента в спорах между участниками такого сообщества [8, с. 27], что не отменяет глобальных силовых устремлений альянса. Таким образом, нарратив нахождения государств внутри идеологически солидарного (гомогенного) регионального сообщества под лидерством США существенно облегчает задачу политической легитимации международных военных операций.

Второй путь проявляется как создание механизмов, облегчающих как достижение консенсуса, так и смягчение последствий его недостижения. Несмотря на различные наименования («коалиция желающих», «ограниченный формат», «продвинутое сотрудничество» и т. п.), к таким механизмам относятся различного рода формы принятия международными организациями коллективных решений без государства, не участвующего в консенсусе. Их суть заключается в том, что заинтересованные государства, чей круг у́же всех государств-членов той или иной международной организации, используя институты такой структуры, могут принимать коллективные решения, не затрагивающие неучаствующие государства.

В текущем функционировании международных организаций два рассмотренных подхода проявляются не исключая, а дополняя друг друга. Более того, стремительное развитие международной обстановки будет диктовать необходимость дальнейшего поиска способов повышения эффективности принятия многосторонних решений в рамках международных организаций.

Литература

1. *Алимов Р.* Хартия Шанхайской организации сотрудничества — компас организации // Обозреватель. 2017. № 6 (329). С. 5–13. EDN: YPMPSP
2. *Бирюков М. М.* Европейская интеграция: международно-правовой подход. М. : Научная книга, 2004. 206 с. ISBN: 5-94935-043-X
3. *Галушко Д. В., Глазатова М. К., Зуев В. Н.* [и др.]. Механизмы принятия наднациональных решений в ЕАЭС: вклад в стратегическое планирование и антикризисное управление : экспертный доклад к XXIV Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. Москва : Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2023. 234 с. ISBN: 978-5-7598-2784-9. EDN: MPELWQ
4. *Григорян А. В.* Процесс принятия решений в НАТО и дипломатия малых стран // Мировая политика. 2017. № 3. С. 1–11. DOI: 10.25136/2409-8671.2017.3.23275 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=23275. EDN: ZIGHWB
5. *Дегтерев Д. А.* Механизмы принятия решений в международных организациях и коллективных наднациональных органах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2014. № 1. С. 88–96. EDN: SAFCLN
6. *Дубинин Ю. В.* Несколько слов о консенсусе // Международная жизнь. 2008. № 10. С. 153–159. EDN: JVQQLV
7. *Ибрагимов А. М.* Кризис выработки решений ЕС в области общей внешней политики и политики безопасности как предпосылка его распада // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2023. Т. 46. № 2 (66). С. 78–82. DOI: 10.21779/2224-0241-2023-46-2-78-82. EDN: JYWBGS

8. *Истомин И., Болгова И., Сушенцов А., Ребро О.* Логика эволюции НАТО: достижения и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 1. С. 26–34. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-1-26-34. EDN: SBSDMK
9. *Мартыненко С. Е.* ЕАЭС, ОДКБ и ШОС — три опоры российского «евразийства» // Инновации и инвестиции. 2020. № 8. С. 60–64. EDN: CKPIWL
10. Правовые вопросы евразийской экономической интеграции. Материалы парламентских слушаний и «круглого стола». М. : Издание Государственной Думы, 2018. 112 с. [Электронный ресурс]. URL: http://duma.gov.ru/media/files/bZnkFRAhd9zeC5ImMtmrdyJfkTmAuAln.pdf (дата обращения: 04.03.2024).
11. *Цзян И, Вэнь Лунцзе*. Шанхайская организация сотрудничества: построение регионализма на основе консенсуса (часть 2) // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 3 (13). С. 5–26. DOI: 10.20323/2658-7866-2022-3-13-5-26. EDN: GKFHMH
12. *Шарапо А. В.* Право вето как инструмент европейской политики ФРГ в начале XXI в. // Беларусь в современном мире: материалы XXI Международной научной конференции, посвященной 101-й годовщине образования Белорусского государственного университета, Минск, 27 окт. 2022 г. Минск : БГУ, 2022. С. 143–148. [Электронный ресурс]. URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/289664/1/143-148.pdf (дата обращения: 04.03.2024).

Об авторе:

Голуб Кирилл Юрьевич, начальник правового отдела Секретариата Организации Договора о коллективной безопасности (Москва, Российская Федерация), кандидат юридических наук
e-mail: kirillgoloub@mail.ru

References

1. Alimov R. The Charter SCO — Compass of the Organization // Observer [Obozrevatel']. 2017. No. 6 (329). P. 5–13. (In Russ.) EDN: YPMPSP
2. Biryukov M. M. European Integration: International Legal Approach. Moscow : Scientific book, 2004. 206 p. (In Russ.) ISBN: 5-94935-043-X
3. Galushko D. V., Glazatova M. K., Zuev V. N. [et al.]. Mechanisms for Making Supranational Decisions in the EAEU: Contribution to Strategic Planning and Crisis Management : expert report for the XXIV Yasinsky (April) international scientific conference on problems of economic and social development. Moscow : National Research University "Higher School of Economics", 2023. 234 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-7598-2784-9. EDN: MPELWQ
4. Grigoryan A. V. NATO's Decision-making Process and Small Countries' Diplomacy // World Politics [Mirovaya politika]. 2017. No. 3. P. 1–11. (In Russ.) DOI: 10.25136/2409-8671.2017.3.23275. URL: https://en.nbpublish.com/library_read_article.php?id=23275 (In Russ.) EDN: ZIGHWB
5. Degterev D. A. Decision-making Mechanisms in International Organizations and Collective Supranational Bodies // Vestnik of Saint Petersburg University. Law [Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo]. 2014. No. 1. P. 88–96. (In Russ.) EDN: SAFCLN
6. Dubinin Yu. V. A Few Words about Consensus // International Affairs [Mezhdunarodnaya zhizn']. 2008. No. 10. P. 153–159 (In Russ.) EDN: JVQQLV
7. Ibragimov A. M. Crisis in EU Decision-making in the Field of Common Foreign and Security Policy as a Prerequisite for Its Collapse // Law Herald of DSU [Yuridicheskii vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta]. 2023. Vol. 46. No. 2 (66). P. 78–82. (In Russ.) DOI: 10.21779/2224-0241-2023-46-2-78-82. EDN: JYWBGS
8. Istomin I., Bolgova I. V., Sushentsov A. A., Rebro O. I. Patterns of NATO Evolution: Achievements and Prospects // World Economy and International Relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]. 2020. Vol. 64. No. 1. P. 26–34. (In Russ.) DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-1-26-34. EDN: SBSDMK

9. Martynenko S. E. EAEU, CSTO and SCO — three Pillars of the Russian “Eurasianism” // Innovation and Investment [Innovatsii i investitsii]. 2020. No. 8. P. 60–64. (In Russ.) EDN: CKPIWL
10. Legal Issues of Eurasian Economic Integration. Materials of parliamentary hearings and round table. Moscow : Publications of the State Duma, 2018. 112 p. [Electronic resource]. URL: http://duma.gov.ru/media/files/bZnkFRAhd9zeC5ImMtmrdyJfkTmAuAIn.pdf (accessed: 04.03.2024). (In Russ.)
11. Jiang Yi, Wen Longjie. Shanghai Cooperation Organization: Building Regionalism through Consensus (part 2) // World of Russian-Speaking Countries [Mir russkogovoryashchikh stran]. 2022. No. 3 (13). P. 5–26. (In Russ.) DOI: 10.20323/2658-7866-2022-3-13-5-26. EDN: GKFHMH
12. Sharapo A. V. The Right of Veto as a Tool of the European Policy of Germany in the Beginning of the XXI Century // Belarus in the Modern World : materials of the XXI International Scientific Conference dedicated to the 101st anniversary of the founding of the Belarusian State University, Minsk, October 27. 2022. Minsk : BSU, 2022. P. 143–148 [Electronic resource]. URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/289664/1/143-148.pdf (accessed: 04.03.2024). (In Russ.)

About the author:

Kirill Yu. Golub, Head of Legal Department, Collective Security Treaty Organization Secretariat (Moscow, Russian Federation), PhD in Jurisprudence;
e-mail: kirillgoloub@mail.ru

CC BY

DOI: 10.22394/2073-2929-2024-01-118-129

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ: 5.5.4

EDN: CGDUYA

К вопросу о методологии оценивания эффективности интеграционных объединений на примере АСЕАН и ЕАЭС

Мартынова Е. С.
Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП), Москва, Российская Федерация
e-mail: nefriema@list.ru
ORCID: 0000-0002-7355-4544

РЕФЕРАТ

Настоящее исследование направлено на изучение эффективности ЕАЭС и АСЕАН с учетом динамики их развития, а также на выявление особенностей методологических подходов, применяемых для оценивания эффективности интеграционных объединений.

Цель. Сравнительный анализ АСЕАН и ЕАЭС с точки зрения эффективности данных объединений, а также анализ существующих методологических подходов для оценивания эффективности региональных интеграционных структур.

Задачи. Провести мониторинг существующих методов оценивания эффектов от международной экономической интеграции и подходов к оценке эффективности интеграционных объединений в целом. Выявить «слабые места» применяемых методологических подходов и сформулировать практические рекомендации для объективного и комплексного оценивания эффективности международных интеграционных объединений.

Методология. В статье применяется метод сравнительного анализа, а также используются методы SWOT-анализа, гравитационный метод, система индикаторов евразийской интеграции.

Результаты. Приходится констатировать, что по-прежнему отсутствует методология, позволяющая предельно точно сравнить эффективность различных интеграционных блоков. Поэтому оценивать интеграционные объединения целесообразно только комплексно, учитывая не только экономические показатели, но и политические факторы.

Выводы. В настоящий момент отсутствует исчерпывающая методология, которая позволила бы сравнить эффективность различных интеграционных структур и межправительственных организаций с точки зрения четко прописанных количественных и качественных показателей. Исследование выявило, что все применяемые методики имеют ряд погрешностей, которые затрудняют объективную оценку. Отсутствие релевантных данных и статистики по целому ряду ключевых параметров, сложности учета и анализа нематериальных факторов производства и кооперации, игнорирование возможных негативных эффектов от интеграции и ряд других проблем обусловливают невозможность построения исчерпывающей методологии для оценки эффективности региональной интеграции.

Ключевые слова: интеграция, интеграционные эффекты, проблемы методологии, экономическая эффективность, АСЕАН, ЕАЭС

Для цитирования: Мартынова Е. С. К вопросу о методологии оценивания эффективности интеграционных объединений на примере АСЕАН и ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 1. С. 118–129.
https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-01-118-129. EDN: CGDUYA

To the Question of the Methodology for Evaluating the Effectiveness of Integration Associations on the Example of ASEAN and EAEU

Elena S. Martynova
Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs, Moscow, Russian Federation
e-mail: nefriema@list.ru
ORCID: 0000-0002-7355-4544

ABSTRACT
This study is aimed to investigate the effectiveness of the EAEU and ASEAN taking into account the dynamics of their development as well as identify the features of methodological approaches using for assessing the effectiveness of integration associations.
Aim. A comparative analysis of ASEAN and EAEU in terms of the effectiveness of these associations, as well as an analysis of existing methodological approaches for assessing the effectiveness of regional integration structures.
Tasks. Carry out monitoring of existing methods of assessing the effects of international economic integration and approaches of assessing the effectiveness of integration associations in general. To identify the "weaknesses" of the applied methodological approaches and to formulate practical recommendations for an objective and comprehensive assessment of the effectiveness of international integration associations.
Methods. The article uses the comparative analysis method, SWOT analysis method, the gravity method and a system of indicators of Eurasian integration.
Results. We have to admit that there is still no methodology that allows to compare the effectiveness of various integration blocks correctly. Therefore, it is advisable to evaluate integration associations only comprehensively taking into account not only economic indicators but also political factors.
Conclusion. At the moment there is no comprehensive methodology that would allow to compare the effectiveness of various integration structures and intergovernmental organizations in terms of clearly defined quantitative and qualitative indicators. The study revealed that all applied methods have a number of errors that complicate an objective assessment. The lack of relevant data and statistics on a number of key parameters, the complexity of accounting and analysis of intangible factors of production and cooperation, ignoring possible negative effects from integration and a number of other problems make it impossible to build a comprehensive methodology for assessing the effectiveness of regional integration.
Keywords: integration, integration effects, methodology problems, economic efficiency, ASEAN, EAEU
For citing: Martynova E. S. To the Question of the Methodology for Evaluating the Effectiveness of Integration Associations on the Example of ASEAN and EAEU // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 1. P. 118–129. (In Russ.)
https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-01-118-129. EDN: CGDUYA

Введение

В условиях нарастающей турбулентности в мировой политике и экономике особую актуальность приобретает анализ эффективных интеграционных объединений с точки зрения выявления лучших практик кооперации. В данной статье предпринята попытка оценить эффективность ЕАЭС и АСЕАН с учетом динамики их развития. Наличие большого количества общих черт, проблем и схожей повестки у ЕАЭС и АСЕАН делает сравнительный анализ этих двух организаций актуальным и своевременным.

Основные социально-экономические показатели и уровень интеграции в АСЕАН и ЕАЭС

Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (далее — АСЕАН, Ассоциация) — региональная межправительственная организация, созданная 8 августа 1967 г. Первоначально в ее состав вошли пять государств — Сингапур, Таиланд, Филиппины, Индонезия и Малайзия. Сейчас Ассоциация объединяет десять государств Юго-Восточной Азии (ЮВА): Бруней, Вьетнам, Индонезию, Камбоджу, Лаос, Малайзию, Мьянму, Сингапур, Таиланд и Филиппины. В настоящее время численность населения АСЕАН оценивается в 665 млн чел., а совокупный ВВП — в 3,5 трлн долл.

Евразийский экономический союз (далее — ЕАЭС, Союз) — международное интеграционное экономическое объединение, участниками которого сейчас являются пять стран: Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Россия. ЕАЭС начал работу 1 января 2015 г. и фактически стал преемником Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), действовавшего в 2000–2014 гг. В ЕАЭС проживает почти 184 млн чел., а совокупный ВВП по итогам 2022 г. составил 2 трлн долл.

Можно отметить много общих черт у развития ЕАЭС и АСЕАН. Это и постепенное углубление экономической интеграции, и расширение числа участников, и проведение ежегодных масштабных форумов, и разветвленная сеть соглашений с третьими странами и международными организациями. Оба объединения включают в себя территориально близкие страны со схожими социально-экономическими проблемами, но при этом значительно различающиеся по размеру и структуре экономики. К примеру, наблюдаются значительные диспропорции в торговле в рамках АСЕАН, где старые члены Ассоциации имеют больший объем товарооборота друг с другом, нежели с новыми членами. Аналогичная ситуация сложилась и в ЕАЭС, где активнее развивается торговля между Россией, Белоруссией и Казахстаном.

Важный фактор для успешной интеграции — однородность государств-членов по уровню экономического развития и ключевым показателям экономики в целом. Это необходимо, прежде всего, для выработки коллективной позиции по широкому кругу вопросов повестки дня. Кроме того, необходима страна-драйвер, готовая нести основное бремя издержек по развитию интеграции [4, с. 54–56]. Для АСЕАН такой страной-драйвером является Индонезия, для ЕАЭС, безусловно, Россия.

Согласно справке, подготовленной ЕЭК, можно сравнить индикаторы интеграции в ЕАЭС и АСЕАН по данным на 2020 г. Индикаторы интеграции показывают глубину интеграции между странами — членами интеграционных объединений в определенный период. Эксперты Евразийской экономической комиссии рассчитывают степень интеграции по таким показателям, как институциональная интеграция, интеграция в ключевых секторах экономики, на основных рынках и макроэкономическая конвергенция[1]. По мнению представителей ЕЭК, наибольших успехов ЕАЭС добился в институциональной интеграции и макроэкономической конвергенции. Другие показатели свидетельствуют о недостаточно эффективной трансформации институциональных мер в конструктивное взаимодействие в реальном секторе экономики. Специфика реализации интеграционных процессов в ЕАЭС заключается в том, что она идет «сверху вниз» и осуществляется на основе решений правительств государств-участников. В АСЕАН, напротив, интеграционные процессы происходят при активном участии бизнеса, т. е. «снизу вверх» [6, с. 461–462]. Таким образом, в АСЕАН уровень формальной институционализации ниже, чем в ЕАЭС, но лучше развита кооперация в экономике.

По итогам 2021 г. объем внешней торговли товарами Евразийского экономического союза (со странами вне ЕАЭС) составил 844,2 млрд долл. По сравнению с 2020 г. объем внешнеторгового оборота стран ЕАЭС увеличился на 35,5%, или на 221,8 млрд. долл. Объем взаимной торговли товарами Евразийского экономического союза в 2021 г. составил 72,6 млрд долл., т. е. доля взаимной торговли в общем объеме внешней торговли ЕАЭС в 2021 г. составила 14,6%[2]. Объемы внешней торговли стран АСЕАН с третьими странами в 2021 г. превысили 2,6 трлн долл. По сравнению с 2020 г. объем

[1] Индикаторы интеграции в рамках ЕАЭС, ЕС, АСЕАН, МЕРКОСУР и ЮАТС [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/1d9/Spravka-_-rezultaty-obnovleniya-2021-v2.pdf?ysclid=lel5ie8b77670536290 (дата обращения: 23.03.2023).

[2] О взаимной торговле товарами Евразийского экономического союза. Аналитический обзор. 21.02.2022. [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/iblock/bd3/Analytics_I_202112.pdf?ysclid=lt4d59vrkm371006381 (дата обращения: 26.10.2023).

внешнеторгового оборота АСЕАН увеличился на 20,2%, или на 526,6 млрд долл. В 2021 г. на долю внутрирегиональной торговли АСЕАН пришлось 21,3% от общего объема торговли товарами[1].

Удельный вес государств-членов во внешней торговле и в АСЕАН, и в ЕАЭС распределен крайне неравномерно. 85,1% всего внешнеторгового оборота ЕАЭС приходится на Россию. Удельный вес других стран — членов ЕАЭС во внешнеторговом обороте распределяется следующим образом: 8,9% — Казахстан, 4,8% — Беларусь, по 0,6% у Армении и Казахстана[2]. Свыше 90% торговли АСЕАН с внешними партнерами приходится на пять стран: Сингапур, Вьетнам, Таиланд, Малайзию и Индонезию. Доля Филиппин составляет около 5%, Камбоджи — около 1%, около 1% в совокупности приходится на Мьянму, Бруней и Лаос[3].

Объем внутрирегиональной торговли в АСЕАН больше, чем аналогичный показатель в ЕАЭС. Но ЕАЭС был создан недавно, в то время как АСЕАН имеет длительную историю. Кроме того, нужно учитывать тот факт, что численность населения АСЕАН в настоящее время составляет 665 млн чел., в то время как в ЕАЭС проживает всего 184 млн чел. Темпы роста взаимной торговли в ЕАЭС в последние годы выше, чем в АСЕАН. Так, по данным ЕЭК, в 2021 г. средние темпы прироста ВВП в странах Ассоциации составляли 2,9%, а в государствах ЕАЭС этот показатель достиг 5,4%[4]. Но с учетом разного периода существования двух организаций эти показатели также не позволяют корректно сравнить эффективность ЕАЭС и АСЕАН. При оценке эффективности интеграции важно учитывать так называемый «эффект базы», то есть уровень кооперации, существовавший между странами до оформления интеграционного объединения. Страны ЕАЭС долгое время существовали в рамках одного государства — СССР, то есть имели развитые хозяйственные связи, в то время как экономическое взаимодействие между странами АСЕАН к моменту создания Ассоциации было минимальным. Этим объясняется различный результат за одинаковые временные промежутки.

Большинство интеграционных экономических инициатив АСЕАН были направлены на привлечение иностранных инвестиций и повышение конкурентоспособности местных производителей на внешних рынках. В рамках ЕАЭС, во многом с учетом текущей внешнеполитической обстановки, особый акцент сделан на импортозамещении, модернизации промышленности и достижении технологического суверенитета в критически важных отраслях.

В настоящее время экономическую безопасность рассматривают как важную часть национальной безопасности. Это справедливо и для отдельного государства, и для интеграционного объединения. При этом ключевым фактором экономической устойчивости объединения является формирование конвергенции промышленности стран-членов на основе наднационального регулирования [9, с. 494–495].

Но прогресс в построении успешного с экономической точки зрения объединения является не единственным критерием эффективной работы интеграционной группировки. В качестве важных критериев для оценки успешности проекта региональной интеграции некоторые исследователи также выделяют способность противостоять внешнему давлению и кризисам, повышение экономической связанности стран-членов, а также повышение международной конкурентоспособности стран объединения [7, с. 37–38].

При анализе эффективности интеграционных структур необходимо учитывать как действующие, так и потенциальные политические проблемы, которые способны существенно осложнить процессы экономической кооперации и достижение декларируемых целей. Если у стран — членов объединения намечаются серьезные политические противоречия, то это сразу сказывается на привлекательности

---

[1] ASEAN Key Figures 2022 [Электронный ресурс]. URL: https://www.aseanstats.org/wp-content/uploads/2022/12/AKF_2022.pdf (дата обращения: 26.03.2023).

[2] О внешней торговле товарами Евразийского экономического союза со странами вне ЕАЭС [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/2021/Analytics_E_202112_180.pdf (дата обращения: 03.04.2023).

[3] ASEAN Statistical Yearbook 2022 [Электронный ресурс]. URL: https://www.aseanstats.org/wp-content/uploads/2022/12/ASYB_2022.pdf (дата обращения: 04.04.2023).

[4] О макроэкономической ситуации в государствах — членах Евразийского экономического союза и предложениях по обеспечению устойчивого экономического развития. Аналитический доклад. Москва, 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://docs.eaeunion.org/pd/ru-ru/0113362/pdf_ (дата обращения: 15.05.2023).

этого объединения, к примеру, для иностранных инвестиций. Реализация капиталоемких совместных проектов также требует стабильности и «уверенности в завтрашнем дне». Поэтому рассматривать принимаемые и реализуемые экономические меры без учета политической обстановки и перспектив развития ситуации представляется нецелесообразным и недальновидным. Кроме того, серьезные политические риски могут вообще поставить под вопрос само существование интеграционной структуры.

Можно говорить о том, что глобальная конкурентоспособность и устойчивость интеграционных объединений определяется не только экономической эффективностью, но также политической, культурной и идеологической составляющими [1, с. 45]. С. К. Песцов указывает на важность таких показателей, как устойчивость и потенциал роста. Устойчивость — это продолжительность активной деятельности организации. А потенциал роста — способность к расширению членского состава и круга проблем и вопросов, которые рассматриваются на повестке дня [10, с. 18–19]. В связи с этим логично провести краткий SWOT-анализ сильных и слабых сторон ЕАЭС и АСЕАН, чрезмерно не вдаваясь в экономические подробности (табл. 1).

Сравнительный анализ эволюции и деятельности АСЕАН и ЕАЭС показывает, что эти объединения имеют много общего, несмотря на то что создавались, исходя из различных целей и задач. Главным императивом создания АСЕАН являлись политические причины и необходимость поддержания стабильности в регионе, и лишь со временем стала развиваться экономическая интеграция и кооперация, в то время как ЕАЭС изначально ориентирован исключительно на экономическое сотрудничество и повышение конкурентоспособности национальных экономик стран Союза. Уровень институциональной интеграции в ЕАЭС выше, чем в АСЕАН, несмотря на то что евразийское интеграционное объединение было создано намного позже. АСЕАН остается простой суммой своих стран-участниц без «добавленной стоимости» в виде развитого транснационального компонента, будь то институты или нормативная база [12, с. 76]. АСЕАН можно классифицировать как ЗСТ, в то время как ЕАЭС — полноценный таможенный союз (табл. 2).

Таблица 1

SWOT-анализ деятельности ЕАЭС

Table 1. SWOT analysis of the EAEU activities

Сильные стороны	**Слабые стороны**
– Единый объемный потребительский рынок; – взаимное укрепление экономики, кооперация в развитии малого бизнеса; – огромная географическая территория и выгодное геополитическое положение; – значительные природные ресурсы; – наличие устойчивых хозяйственных связей между странами-членами	– Сырьевая направленность экономик стран-членов; – сильная зависимость от экспорта энергоресурсов и рыночных цен на них; – ограниченность взаимопомощи и коллективных финансовых ресурсов; – неравномерность экономического развития стран-членов; – высокий уровень коррупции и бюрократии
Возможности	**Угрозы**
– Повышение эффективности наднациональных органов управления; – использование транзитного потенциала — создание международных транспортных коридоров (МТК) и развитие инфраструктуры; – развитие промышленной кооперации; – модернизация экономики и развитие наукоемких отраслей	– Бюрократизация работы; – политизация объединения; – потенциальная возможность политических конфликтов между некоторыми членами и соседними государствами вне блока ЕАЭС; – давление и санкции США и стран коллективного Запада

Источник: составлено автором

Таблица 2

SWOT-анализ деятельности АСЕАН

Table 2. SWOT analysis of ASEAN activities

Сильные стороны	**Слабые стороны**
– Общее историческое прошлое; – значительный демографический потенциал; – большой опыт выработки консолидирующей повестки на международной арене; – «метод АСЕАН» — поиск общей основы, общей позиции, которую будут разделять все участники организации	– Различные политические идеологии; – сильный разрыв в уровнях экономического развития; – однородность ресурсов стран-участниц и однотипность структуры их экономик, совпадение структуры экспорта в третьи страны; – высокий уровень коррупции; – зависимость от иностранных капиталов и технологий
Возможности	**Угрозы**
– Диверсификация торгово-инвестиционных связей за счет расширения сотрудничества с третьими странами; – создание устойчивых цепочек добавленной стоимости в странах АСЕАН; – развитие собственной энергетики; – цифровизация экономики	– Соперничество США и Китая за влияние на страны АСЕАН; – фактическая утрата «центральной роли» в многосторонних структурах АТР; – усиление напряженности на пространстве АТР (альянсы Quad и AUKUS); – угроза вытеснения с международных рынков в ряде секторов Индией и Китаем

Источник: составлено автором

Можно сделать вывод о том, что интеграционные процессы и в АСЕАН, и в ЕАЭС носят преимущественно инерционный характер, то есть какие-либо нововведения, как правило, внедряются в качестве ответа на внешние вызовы. Ни для АСЕАН, ни для ЕАЭС усиление внутрирегиональной интеграции не является главной целью. Приоритетная задача для этих интеграционных блоков — содействие экономическому развитию стран-членов. Поэтому оценивать прогресс интеграционных процессов с точки зрения степени развития наднациональных органов или количественных показателей внутри блоков не всегда представляется релевантным.

Как оценить эффекты от региональной интеграции?

В современной науке предпринимаются попытки систематизировать существующие методические подходы, применяемые для оценки интеграционных эффектов. Так, К. Ю. Подкина и Е. Л. Андреева в своей статье выделяют прогнозно-оценочные методы (гравитационный метод, метод частичного равновесия), социально-экономические методы (геоэкономический подход, компаративный анализ) и институциональные методы и индексы (в частности, системы индикаторов для ЕАЭС и Секретариата АСЕАН) [11, с. 599].

В. Л. Гурский в своей работе описал основные экономические эффекты от международной интеграции. Он выделяет следующие эффекты и их результаты:

- эффект масштаба (разделение труда, укрупнение компаний, снижение издержек, усиление конкуренции);
- эффект конкуренции (повышение эффективности использования ресурсов и качества продукции);
- эффект переориентации и отклонения торговли (изменение товарной и географической структуры торговых потоков);
- перераспределение производственных ресурсов (рациональное использование совокупных ресурсов в соответствии со сравнительными преимуществами);
- синергетический эффект (появление новых сравнительных преимуществ) [5, с. 115].

Данная классификация представляется полезной, так как охватывает основные эффекты от интеграционного сотрудничества. Но, по мнению автора, все предложенные эффекты интеграции довольно сложно оценить в количественных показателях. Это также подтверждает тезис о том, что сравнение различных интеграционных объединений как с точки зрения кумулятивного эффекта на блоки в целом, так и по влиянию на экономики отдельных стран-членов представляется весьма затруднительным. Поэтому исследователям приходится ориентироваться на показатели, которые напрямую могут быть не связаны с участием в интеграционных процессах — рост ВВП, рост взаимной торговли, увеличение накопленных ПИИ и т. д.

Объективно оценивать эффективность интеграционных процессов сложно по следующим причинам:

- сложно учесть и детально проанализировать все выгоды и издержки для отдельно взятой страны от участия в интеграционном объединении;
- достаточно сложно идентифицировать и, как следствие, измерить многие эффекты от региональной интеграции;
- целый ряд эффектов нельзя интерпретировать однозначно.

В целом участие в интеграционных группировках, как правило, оказывает положительный эффект на экономики стран-участниц. Интеграционное объединение, характеризующееся крупным рынком, повышает ожидаемую выгоду от инвестиций и снижает риски, связанные с рынком сбыта, что позволяет снижать издержки за счет роста потенциальных потребителей. А усиление конкуренции стимулирует развитие более эффективных отраслей, что способствует грамотному распределению ресурсов [8, с. 22–23]. Основные противоречия интеграции зачастую связаны с различиями в скорости реализации интеграционных процессов в разных странах [3, с. 1666].

Интеграционные эффекты весьма сложно охарактеризовать и еще сложнее измерить. Большинство экспертов анализируют именно статические эффекты от интеграции (к примеру, эффекты создания и отклонения торговли), но существуют также и динамические эффекты, которые могут быть связаны с ростом инвестиционной привлекательности, усилением конкуренции, углублением специализации и кооперации, передачей передовых технологий, миграцией населения. Все это многообразие причин, посредством которых региональное интеграционное объединение оказывает влияние на экономику стран-участниц, сложно оценить, используя только какую-либо одну модель[1].

Можно ли объективно оценить эффективность того или иного регионального интеграционного объединения и какие показатели следует принимать во внимание? Наличие наднациональных органов управления, объем внутрирегиональной торговли и динамику ее роста, ВВП стран-участниц? Вследствие различий в организационной структуре, разных приоритетных задачах, а также сложности количественного оценивания возникающих эффектов от интеграции исчерпывающий анализ, по мнению автора, представляется затруднительным.

Увеличение объемов взаимного товарооборота и конвергенция экономик стран-участниц по ключевым макроэкономическим показателям являются важнейшими индикаторами эффективности интеграционного объединения. Но эти данные не учитывают такие важные составляющие, как повышение технологического суверенитета, энергетической и продовольственной безопасности, эффективное импортозамещение в критически важных отраслях, которые являются неотъемлемыми компонентами устойчивости интеграционного объединения перед внешними вызовами.

Существует еще целый ряд особенностей, которые значительно затрудняют оценку эффективности интеграционных объединений. Перечислим лишь некоторые из них. Многие исследователи отмечают, что эффект от введения в действие новой правовой базы в рамках интеграционного объединения, направленной на устранение взаимных барьеров, с течением времени будет постепенно нивелироваться[2].

---

[1] Количественный анализ экономической интеграции Европейского союза и Евразийского экономического союза: методологические подходы. ЦИИ ЕАБР. Доклад № 23. 2014 [Электронный ресурс] // Евразийский банк развития. URL: https://eabr.org/upload/iblock/e5a/doklad_23_ru_preview_web1.pdf (дата обращения: 23.03.2023).

[2] Оценка интеграционных процессов ЕАЭС в сфере торговли: 2021. Международный доклад Международный доклад НИУ ВШЭ. Москва, 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: https://conf.hse.ru/mirror/pubs/share/464951674.pdf?ysclid=lewsggld7y580200119 (дата обращения: 28.03.2023).

Это также усложняет качественный анализ эффективности принимаемых мер и самого блока в целом, особенно на длительных временных отрезках. Кроме того, многие показатели торговли (объем, структура товарооборота) сильно зависят от конъюнктуры на мировых рынках и часто не могут быть однозначно интерпретированы применительно к участию в интеграционной структуре.

Различается и методология оценивания интеграции, применяемая в двух организациях. В АСЕАН основной акцент делается на оценке достижения плановых показателей, зафиксированных в программных документах. В ЕАЭС предпочитают анализировать эффект, оказываемый на экономику объединения в целом.

АСЕАН осуществляет анализ показателей интеграции в рамках системы мониторинга AEC 2025 Monitoring and Evaluation (M&E) Framework[1], которая оценивает прогресс в реализации стратегического документа — Программы Экономического сообщества АСЕАН (ASEAN Economic Community Blueprint 2025)[2]. Фактически этот анализ фиксирует достижения отдельных государств-членов, которые могут быть связаны с выполнением национальных программ развития, без учета планов Ассоциации.

Евразийский банк развития проводит мониторинг и оценку региональных интеграционных процессов при помощи Системы индикаторов евразийской интеграции (СИЕИ) ЕАБР. Эта методика оценивает различные области взаимодействия стран — от макроэкономической политики до академической мобильности[3]. Согласно расчетам ЕЭК, членство в ЕАЭС внесло различный вклад в экономический рост государств-членов, но этот вклад можно оценить как положительный для каждого из участников объединения. А для ЕАЭС в целом ежегодный дополнительный вклад в экономический рост (ВВП в постоянных ценах) оценивается в 0,12%[4].

При сравнительном анализе динамики развития интеграционных объединений неизбежно встает вопрос об оценке интеграционного эффекта и их эффективности в целом. Здесь важно отметить, что в настоящее время по-прежнему отсутствует какая-либо единая методология, позволяющая точно оценить все эффекты от интеграции. Кроме того, участие в том или ином объединении может совершенно по-разному отражаться на различных странах-участницах одного и того же блока. Широко распространено мнение, что максимальный выигрыш получают небольшие страны за счет доступа к емким рынкам и высоким технологиям стран-партнеров. Также необходимо подчеркнуть, что для разных стран, входящих в объединение, эффект от участия в интеграционных процессах будет различаться. При этом взаимосвязь между глубиной интеграции и экономическими выгодами до сих пор не доказана. Более того, частичное снижение таможенных тарифов с большей вероятностью повысит благосостояние участников интеграционного объединения, чем полная отмена импортных пошлин [13, с. 168–169].

Объем взаимной торговли часто используется как важный показатель развития интеграции. Для измерения и прогнозирования этого показателя обычно применяется гравитационная модель, которая не является совершенной. Гравитационная модель описывает торговые потоки между странами на основе ньютоновского закона гравитации в физике. В экономике она была впервые применена Яном Тинбергеном в 1962 г. Она основана на предположении, что торговля между двумя странами зависит от размера рынка и расстояния между странами-партнерами. Данная модель учитывает не только масштабы экономик и расстояние, но и различные социально-культурные факторы. Так, общая граница, общий язык и наличие соглашения о ЗСТ повышают прогноз увеличения взаимного товарооборота.

Но в традиционных уравнениях не принимаются во внимание такие существенные факторы, как нетарифное регулирование в отдельных отраслях, особенности транспортной логистики, распространенность

[1] Towards ASEAN Economic Community 2025: Monitoring ASEAN Economic Integration [Электронный ресурс]. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2012/05/Towards-AEC-2025-Monitoring-ASEAN-Economic-Integration.pdf (дата обращения: 22.04.2023).

[2] ASEAN Economic Community Blueprint 2025 [Электронный ресурс]. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2021/08/AECBP_2025r_FINAL.pdf (дата обращения: 14.04.2023).

[3] Система индикаторов интеграции как инструмент анализа функционирования региональных интеграционных объединений [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия, 2019. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/b81/Indikatory-integratsii-2019.pdf?ysclid=leo6meuyxu750785392 (дата обращения: 28.04.2023).

[4] Оценки влияния ЕАЭС на ВВП и торговлю государств-членов [Электронный ресурс]. URL: https://eaeu.economy.gov.ru/economic_effects?ysclid=leo4kcwsnh796557079 (дата обращения: 05.05.2023).

и доступность информации о потенциальных торговых партнерах в третьих странах, а также политическая составляющая предпочтительности наращивания торговли с теми или иными странами. Показатели, применяемые в классической гравитационной модели, не всегда могут спрогнозировать те или иные процессы. К примеру, анализируемые в гравитационной модели факторы не могут дать ответ на вопрос, почему в последние годы резко вырос товарооборот между Россией и Мьянмой. Географическая удаленность, сложность транспортировки и отсутствие развитых двусторонних связей должны были бы помешать интенсивному развитию взаимной торговли. Но в Мьянме в 2021 г. произошел военный переворот, который осложнил отношения страны даже с ближайшими партнерами по АСЕАН. А Россия с начала СВО на Украине 24 февраля 2022 г. находится под санкциями стран «коллективного Запада», что привело к разрыву сложившихся цепочек поставок. Возникшая в связи с этим потребность в переориентировании торговых потоков привела к расширению сотрудничества между странами. Именно политические процессы являются причиной стремительного роста взаимной торговли России и Мьянмы, несмотря на «сдерживающие» факторы с точки зрения гравитационной модели. Это подтверждает тезис о том, что анализировать экономические процессы необходимо с учетом политической ситуации и возможного развития событий в будущем.

Для целого ряда интеграционных эффектов нельзя рассчитать четкие количественные показатели. К примеру, как оценить развитие внутрирегиональной промышленной кооперации? Рост взаимной торговли внутри объединения не является прямым свидетельством углубления кооперации в производстве и усиления разделения труда. Еще один важный момент: крайне трудно количественно оценить уровень взаимодействия малых и средних предприятий стран — участниц интеграционных объединений. Во многом это обусловлено сложностью получения и учета подобной статистики. Но именно этот показатель позволил бы оценить реальный уровень интеграции «снизу».

В современной экономике наряду с традиционными ограничениями активно применяются методы нетарифного регулирования. Важной особенностью нетарифных мер является их эшелонированность — влияние на цену товара на протяжении всей цепочки поставок, от его производства до конечной реализации. Воздействие одной и той же нетарифной меры на различных экспортеров может различаться, так как ее выполнение может требовать от них разного объема ресурсов. К тому же многие нетарифные меры не имеют количественного выражения, что также затрудняет их анализ.

Кроме того, страны-участницы существенно различаются по макроэкономическим параметрам, что обусловливает различные интересы и ожидания от интеграции. Национальные интересы зачастую преобладают над интеграционными, так как страны стремятся использовать в полной мере выгодные для себя нововведения и максимально уклониться от исполнения невыгодных для них правил [2, с. 15]. Это обстоятельство также затрудняет оценку эффектов интеграции.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод о том, что в настоящее время отсутствуют методологические подходы, позволяющие комплексно оценить эффективность интеграционных объединений с точки зрения качественных и количественных показателей. Исследование выявило, что все применяемые методики имеют ряд погрешностей, которые затрудняют объективную оценку.

Отсутствие релевантных данных и статистики по целому ряду ключевых параметров (индекс кооперационности, выявление роста сравнительного преимущества продукции, в том числе технологически сложной, недостаток сведений о влиянии этих показателей на рынок труда и повышение конкурентоспособности экономик в целом), сложности учета и анализа нематериальных факторов производства и кооперации, игнорирование возможных негативных эффектов от интеграции, затруднение выделения влияния страновых и коллективных решений объединения на количественные показатели, применяемые в качестве характеристики развития интеграционной группировки, обусловливают невозможность построения исчерпывающей методологии для оценки эффективности интеграции. В связи с этим экспертный анализ деятельности организаций, исходя из их основных задач и приоритетов, а также с учетом изменяющейся политической обстановки, представляется наиболее оптимальным научным методом.

Заключение

В последние годы мировая экономика претерпела колоссальные изменения. Происходит кардинальная перестройка устоявшихся производственных цепочек, переформатирование мировых рынков, национализация техстандартов, локализация производства критически важных товаров в своей стране или на территории дружественных государств. Технологический суверенитет становится гарантией национальной безопасности. Компании под угрозой дальнейшего обострения торговых войн начинают строить цепочки поставок внутри собственной страны или в пределах близлежащего региона для минимизации транспортных, валютных и иных рисков. На смену глобализации и либерализации торговли пришли «новый протекционизм» и френдшоринг. Френдшоринг (friend-shoring) — стратегия, ограничивающая внешнеэкономическую деятельность взаимодействием с дружественными странами и союзниками, которые разделяют схожие ценности и с которыми риск конфликтов минимален. Фактически это означает разделение мировой экономики на блоки на основе общих ценностей, а не исходя из экономической целесообразности. Вместо глобальных производственных цепочек, основанных на экономической эффективности, все чаще будут возникать цепочки добавленной стоимости, в которых преобладают геополитические факторы. И эти тенденции априори делают несостоятельными попытки оценить эффективность интеграционных объединений с точки зрения количественных экономических показателей. Ведь определяющую роль в экономических блоках теперь играют политические соображения.

При сравнении различных региональных организаций и интеграционных объединений неизбежно встает вопрос оценки их эффективности. По мнению автора, в настоящий момент отсутствует исчерпывающая методология, которая позволила бы сравнить эффективность различных интеграционных структур и межправительственных организаций с точки зрения четко прописанных количественных и качественных показателей. Это обусловлено различной структурой организаций, их разными целями и задачами, различием применяемых инструментов для их выполнения, различной методологией для оценивания прогресса в достижении заявленных целей и, наконец, невозможностью четко отделить достижения интеграционного блока в целом от политики, проводимой отдельно взятым государством.

Литература

1. *Багдасарян К. М.* Сравнительный анализ моделей интеграционных процессов ЕАЭС, АСЕАН и ВРЭП и перспективы их сотрудничества // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2020. № 4 (72). С. 43–54. EDN: VPWHCA
2. *Вардомский Л. Б.* Евразийская интеграция и Большое Евразийское партнерство // Россия и новые государства Евразии. 2019. № III (XLIV). С. 9–26. DOI: 10.20542/2073-4786-2019-3-9-26. EDN: KLMAGW
3. *Вязовская В. В., Фальченко О. Д.* К вопросу об оценке эффектов евразийской экономической интеграции // Экономические отношения. 2019. Т. 9. № 3. С. 1655–1670. DOI: 10.18334/eo.9.3.40829. EDN: QELLPC
4. *Ганеева М. В.* Проблема эффективности региональных интеграционных проектов в современной экономике // Вестник РУДН. Сер.: Экономика. 2016. № 2. С. 50–61. EDN: WAWRWB
5. *Гурский В. Л.* Анализ влияния интеграционных эффектов в процессе становления Евразийского экономического союза на развитие промышленности и промышленную политику государств-членов // Журнал международного права и международных отношений. 2017. № 1–2 (80–81). С. 110–121 [Электронный ресурс]. URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/183566/1/gurskiy_Journal2017_1-2.pdf (дата обращения: 20.04.2023).
6. *Демина Ю. А.* ЕАЭС и АСЕАН: причины различий притока ПИИ при схожих моделях интеграции // Вестник РУДН. Сер.: Экономика. 2022. Т. 30. № 4. С. 449–466. DOI: 10.22363/2313-2329-2022-30-4-449-466. EDN: GRTNXX
7. *Зевин Л. З.* О некоторых проблемах экономического пространства Евразии XXI века : научный доклад. М. : Институт экономики РАН, 2015. 40 с. [Электронный ресурс] URL: https://www.inecon.org/docs/Zevin_paper_20151105.pdf (дата обращения: 22.05.2023).

8. *Изотов Д. А.* Международная экономическая интеграция: теоретические подходы к объяснению механизмов и методика оценки эффектов // Регионалистика. 2021. Т. 8. № 2. С. 14–30. DOI: 10.14530/reg.2021.2.14. EDN: QQQMOV
9. *Пак А. Ю., Андронова И. В.* Концептуальные основы экономической безопасности регионального интеграционного объединения // Вестник РУДН. Сер.: Экономика. 2022. Т. 30. № 4. С. 484–498. DOI: 10.22363/2313-2329-2022-30-4-484-498. EDN: YCGHRS
10. *Песцов С. К.* Региональные интеграционные объединения: критерии и оценка эффективности // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2009. № 2. С. 17–21. EDN: PIZWAT
11. *Подкина К. Ю., Андреева Е. Л.* Обзор методических подходов к оценке международной экономической интеграции // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16. № 3. С. 598–605. DOI: 10.31063/2073-6517/2019.16-3.26. EDN: BKCJST
12. *Стрельникова И. А., Харина О. А.* Инструменты обеспечения стрессоустойчивости до и во время пандемии COVID-19: опыт ЕС, АСЕАН и ЕАЭС // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2023. Т. 3. № 2 (59). С. 71–83. DOI: 10.31696/2072-8271-2023-3-2-59-071-083. EDN: RIYLSZ
13. *Ушкалова Д. И.* Модели экономической интеграции и их типология // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2016. № 3. С. 158–170. EDN: TUNRHK

Об авторе:

Мартынова Елена Святославовна, эксперт Управления международного многостороннего сотрудничества и интеграции Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП), ответственный секретарь Интеграционного совета РСПП по взаимодействию с Евразийской экономической комиссией;
e-mail: nefriema@list.ru; ORCID: 0000-0002-7355-4544

References

1. Baghdasaryan K. M. Comparative Analysis of EAEU, ASEAN and RCEP Integration Models and Cooperation Opportunities // Vestnik of Rostov State Economic University (RINH) [Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta (RINKh)]. 2020. No. 4 (72). P. 43–54. (In Russ.) EDN: VPWHCA
2. Vardomsky L. B. Eurasian Integration and the Greater Eurasian Partnership // Russia and New States of Eurasia [Rossiya i novye gosudarstva Evrazii]. 2019. No. III (XLIV). P. 9–26. (In Russ.) DOI: 10.20542/2073-4786-2019-3-9-26. EDN: KLMAGW
3. Vyazovskaya V. V., Falchenko O. D. To the Question of the Assessment of the Effects of Eurasian Economic Integration // Journal of International Economic Affairs [Ekonomicheskie otnosheniya]. 2019. V. 9. No. 3. P. 1655–1670. (In Russ.) DOI: 10.18334/eo.9.3.40829. EDN: QELLPC
4. Ganeeva M. V. Problem of Efficiency of Regional Integration Projects in the Modern Economy // RUDN Journal of Economics [Vestnik RUDN. Ser.: Ekonomika]. 2016. No. 2. P. 50–61. (In Russ.) EDN: WAWRWB
5. Hurski V. Analysis of the Integration Effects' Impact on the Evolution of Industry and Industrial Policies of Member States within the Process of the Eurasian Economic Union Development // Journal of International Law and International Relations [Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnoshenii]. 2017. No. 1–2 (80–81). P. 110–121. [Electronic resource]. URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/183566/1/gurskiy_Journal2017_1-2.pdf (accessed: 20.04.2023) (In Russ.)
6. Demina Yu. A. EAEU and ASEAN: Reasons for Differences in FDI Inflows with Similar Integration Models // RUDN Journal of Economics [Vestnik RUDN. Ser.: Ekonomika]. 2022. V. 30. No. 4. P. 449–466. (In Russ.) DOI: 10.22363/2313-2329-2022-30-4-449-466. EDN: GRTNXX
7. Zevin L. Z. On Some Problems of the Economic Space of Eurasia in the 21st Century: scientific report. Moscow : Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2015. 40 p. [Electronic resource]. URL: https://www.inecon.org/docs/Zevin_paper_20151105.pdf (accessed: 22.05.2023) (In Russ.)

8. Izotov D. A. Theoretical Approaches to International Economic Integration: Mechanisms and Effects // Regionalistics [Regionalistika]. 2021. V. 8. No. 2. P. 14–30. (In Russ.) DOI: 10.14530/reg.2021.2.14. EDN: QQQMOV
9. Pak A. Yu., Andronova I. V. Conceptual Foundations of the Economic Security of a Regional Integration Association // RUDN Journal of Economics [Vestnik RUDN. Ser.: Ekonomika]. 2022. V. 30. No. 4. P. 484–498. (In Russ.) DOI: 10.22363/2313-2329-2022-30-4-484-498. EDN: YCGHRS
10. Pestsov S. K. Regional Integration Associations: Criteria and Effectiveness Assessment // The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University [Territoriya novykh vozmozhnostei. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa]. 2009. No. 2. P. 17–21. (In Russ.) EDN: PIZWAT
11. Podkina K. Yu., Andreeva E. L. Overview of the Methodological Approaches to the Assessment of International Economic Integration // The Russian Journal of Economic Theory [Zhurnal ekonomicheskoi teorii]. 2019. V. 16. No. 3. P. 598–605. (In Russ.) DOI: 10.31063/2073-6517/2019.16-3.26. EDN: BKCJST
12. Strelnikova I. A., Kharina O. A. Resilience Instruments Before and during the COVID-19 Pandemic: Evidence from the EU, ASEAN and the EAEU // Southeast Asia: Actual Problems of Development [Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya] 2023. V. 3. No. 2 (59). P. 71–83. (In Russ.) DOI: 10.31696/2072-8271-2023-3-2-59-071-083. EDN: RIYLSZ
13. Ushkalova D. I. Models of Economic Integration and their Typology // The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences [Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk]. 2016. No. 3. P. 158–170. (In Russ.) EDN: TUNRHK

About the author:

Elena S. Martynova, Expert, Department of International Multilateral Cooperation and Integration of Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs; Executive Secretary of the RSPP Integration Council for Interaction with the Eurasian Economic Commission (Moscow, Russian Federation);
e-mail: nefriema@list.ru; ORCID: 0000-0002-7355-4544

CC BY

DOI: 10.22394/2073-2929-2024-01-130-139

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ: 5.5.4

EDN: CIEVEV

Особенности внедрения целей устойчивого развития в региональные интеграционные системы стран ЕАЭС

Ирошкина Т. В.
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация
e-mail: tiroshkina-21@edu.ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Цель. Исследование особенностей стратегического планирования и практической реализации концепции устойчивого развития стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС) с учетом Целей устойчивого развития (ЦУР) в условиях формирования новой архитектуры мирового устройства и изменения текущего мирового порядка.

Задачи. Рассмотреть суть и принципы реализации ЦУР; проанализировать особенности локализации ЦУР на уровне региона на примере евразийской интеграции; определить роль ЕАЭС в контексте формирования многополярной мировой системы и укрепления его позиций как макрорегионального центра силы; обосновать приоритетные задачи по достижению ЦУР в контексте устойчивого развития ЕАЭС.

Методология. Для достижения поставленных целей и задач в статье использованы следующие методологические подходы. Конструктивистский подход дает возможность определения сущности устойчивого развития, его значения для общества и экономики, а также анализ нормативно-правовой базы стран ЕАЭС в этой области. Компаративный анализ дал возможность определения взаимосвязи ЦУР с изменениями мировой архитектуры в ретроспективе и условиях настоящего времени. Эмпирический анализ дает возможность оценить практические шаги и усилия стран ЕАЭС по достижению ЦУР, включая реализацию инновационных проектов и рациональное использование ресурсной базы.

Результаты. Обосновано понимание и регулирование устойчивого развития в ЕАЭС. Исследование позволило установить, что страны Союза придают важное значение устойчивому развитию, однако на законодательном уровне остается проблемой недостаточная согласованность нормативно-правовых актов по данной тематике. Это подчеркивает необходимость более ясной и конкретной нормативной базы в области устойчивого развития. Исследование позволило проанализировать влияние глобализации на мировое и региональное устройство. Утверждается, что ЕАЭС как региональное объединение имеет уникальную возможность закрепиться в качестве одного из макрорегионов в многополярной мировой системе. Это обеспечивает стратегические преимущества в условиях изменения мирового порядка на пути к многополярности.

Выводы. Исследование выявило ряд приоритетных задач, способствующих достижению ЦУР в контексте устойчивого развития ЕАЭС. Важнейшими факторами в этом контексте являются: продовольственная независимость, энергетическая устойчивость, укрепление экономической интеграции, развитие инфраструктуры, сосредоточенность на научных инновациях и цифровизации.

Ключевые слова: ЦУР, ООН, ЕАЭС, региональная интеграция, центр силы, устойчивость, развитие

Для цитирования: Ирошкина Т. В. Особенности внедрения целей устойчивого развития в региональные интеграционные системы стран ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 1. С. 130–139.
https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-01-130-139. EDN: CIEVEV

Features of the Implementation of Sustainable Development Goals in the Regional Integration Systems of the EAEU Countries

Tatyana V. Iroshkina
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management), Saint Petersburg, Russian Federation
e-mail: tiroshkina-21@edu.ranepa.ru

ABSTRACT
Aim. To study the features of strategic planning and practical implementation of the concept of sustainable development of the countries of the Eurasian Economic Union, taking into account the Sustainable Development Goals in the context of the formation of a new architecture of the world structure and a change in the current world order.
Tasks. Consider the essence and principles of the SDG implementation; identify the specifics of the integration of the SDGs into the national strategies of individual states of the post-Soviet space; analyze the features of the localization of SDGs at the regional level using the example of Eurasian integration; determine the role of the EAEU in the context of the formation of a multipolar world system and strengthening the its position as a macro-regional center of the power; justify the priorities for achieving the SDGs in the context of sustainable development of the EAEU.
Methods. To achieve the set goals the following methodological approaches were used in the article. The constructivist approach makes it possible to determine the essence of sustainable development, its significance for society and the economy, as well as to analyze the regulatory and legal framework of the EAEU countries in this area. Comparative analysis made it possible to determine the relationship of SDGs with changed world architectures in retrospect and the current conditions. Empirical analysis makes it possible to assess the practical steps and efforts of the EAEU countries to achieve the SDGs, including the implementation of innovative projects and the rational use of the resource base.
Results. Understanding and regulation of sustainable development in the EAEU is justified. The study made it possible to establish that the countries of the Union attach importance to sustainable development, but at the legislative level there remains a problem of insufficient consistency of regulatory legal acts on this topic. This highlights the need for a clearer and more concrete regulatory framework for sustainable development. The study allowed to analyze the impact of globalization on the world and regional structure. It is argued, that the EAEU, as a regional association, has a unique opportunity to gain a foothold as one of the macro-regions in the multipolar world system. This provides strategic advantages in the context of a change in the world order on the way to multipolarity.
Conclusions. The study identified a number of priority tasks contributing to the achievement of the SDGs in the context of the sustainable development of the EAEU. The most important factors in this context are: food independence, energy sustainability, strengthening economic integration, infrastructure development, focus on hard innovation and digitalization.
Keywords: SDGs, UN, EAEU, regional integration, center of power, sustainability, development
For citing: Iroshkina T. V. Features of the Implementation of Sustainable Development Goals in the Regional Integration Systems of the EAEU Countries // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 1. P. 130–139. (In Russ.)
https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-01-130-139. EDN: CIEVEV

Введение

Современные мировые процессы ставят необходимость определения долгосрочных векторов развития, следование которым способствовало бы гармонизации, стабильности и прогнозируемости международного взаимодействия, повышению безопасности, созданию механизмов по координации усилий

государств в контексте детализации, превентивной работы и разрешения проблем, которые уже сформированы перед человечеством на текущем этапе и которые могут обрести свою актуальность в перспективе.

Глобальные вызовы и угрозы не могут быть в полной мере урегулированы на основе деятельности как одного государства, так и одного региона или интеграционного объединения, хоть и с оговоркой, что влияние глобальных факторов может быть пропущено через «призму местной специфики» того или иного региона, что позволяет «адаптировать» существующий инструментарий для противодействия конкретной угрозе [8, с. 176].

В то же время наблюдается повышение роли универсальных площадок, потенциал которых позволяет сформировать общие «векторы движения» международного сообщества. Наиболее ярким примером данной практики на текущем этапе выступает повышение роли ООН, на базе которой (в рамках ГА ООН) были сформированы Цели устойчивого развития, являющиеся результатом логического развития и эволюции подходов международного сообщества, сформированных в рамках Целей развития тысячелетия.

Реализация ЦУР в современных условиях: проблемы и перспективы

ЦУР представлены в виде 17 целей и 169 профильных задач, определяющих направления развития человечества, а также вызовы и угрозы, от эффективности противодействия которым на всех уровнях будет зависеть общее благополучие, стабильность, гармоничность как мира в целом, так и каждого региона, государства, человека в частности. Следует отметить, что в своем детализированном виде каждый элемент ЦУР носит взаимосвязанный с другими целями характер, вызванный, по оценкам экспертов, потребностью международного сообщества в создании плана достижения лучшего и более устойчивого будущего без ущерба для возможностей будущих поколений [4, с. 208]. Данный подход, в свою очередь, обусловливает долгосрочный характер каждого существующего в рамках ЦУР направления взаимодействия.

Предметная работа международного сообщества в реализации ЦУР велась с 2015 г., и этот период деятельности можно охарактеризовать как сложный в контексте международных отношений. Пандемия начала процесс сегментации глобализации, а полная конфронтация России и Запада, по всей видимости, придала ему необратимый характер[1].

Очевидно, что такие изменения требуют серьезного исследования и глубокого анализа, который в данный момент только начинается. Поэтому нет ничего странного в том, что у научного и политического сообщества нет единого мнения по поводу реализации не только в отношении достижения некоторых целей, но целесообразности самой Программы ЦУР в целом. Аргументы при этом приводятся самые разные — от невозможности устойчивого развития в период кризиса до необходимости ожидания нового мирового порядка [9, с. 349].

Представляется, что сама Программа ЦУР во многом рисовала картину будущего мира, с которым были согласны абсолютное большинство составляющих его государств. Весьма важно и то, что представлялся такой мир в конкретных цифрах, через индикаторы выполнения целей [5, с. 164].

Как отмечает С. Веланд, представленные усилия по локализации ЦУР географически неоднородны и в глобальном масштабе отражают весь континуум политических систем [10, с. 638]. Потрясения, вызванные COVID-19, отрицательно повлияли на 13 из 17 ЦУР примерно по десяти направлениям. Прямое воздействие на каждую из 17 ЦУР в общей сложности может быть оказано конкретными путями, совпадающими с тремя первоначальными потрясениями, вызванными COVID-19: ростом смертности и заболеваемости в результате вспышки пандемии, замедлением экономики из-за карантинных ограничений, а также истощением государственных ресурсов.

Пандемия замедлила прогресс в достижении целей устойчивого развития не только на глобальном уровне, но и в региональных и национальных масштабах. Она вынудила страны вести борьбу с экономическими и социальными последствиями заболевания, отложив при этом реализацию многих важных

[1] Без вины виноватая: повлияла ли пандемия на Цели устойчивого развития в странах БРИКС? [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. 21.04.2023. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/young-and-smart/bez-viny-vinovataya-povliyala-li-pandemiya-na-tseli-ustoychivogo-razvi/ (дата обращения: 12.12.2023).

инициатив [11]. Однако в контексте ЕАЭС пандемия подчеркнула важность региональной интеграции. Мировой порядок изменяется, и это приводит к формированию многополярного мира, в котором определенные регионы и центры власти приобретают большую значимость.

Поэтому ЕАЭС с укреплением сотрудничества внутри него может стать более привлекательным для инвестиций и торговых партнерств, что, в свою очередь, приведет к повышению экономической стабильности и жизненного уровня населения в регионе. Кроме того, сильный ЕАЭС может активно участвовать в глобальных дебатах и решениях, касающихся экономики, политики и безопасности, способствуя достижению ЦУР.

Итак, несмотря на вызовы, созданные пандемией, ЕАЭС может использовать этот фактор для укрепления своей интеграции и позиционирования в качестве макрорегиона в условиях изменяющегося мирового порядка. Это подчеркивает важность региональных объединений и их способности адаптироваться к новым вызовам и возможностям.

Реализация ЦУР охватывает не только отдельные суверенные государства, но также может быть осуществлена через региональные интеграционные объединения. Региональное экономическое взаимодействие позволяет стимулировать развитие экономики, социальной сферы и технологий благодаря использованию разнообразных инструментов интеграции. Важно отметить, что ЕАЭС стремится активно поддерживать и реализовывать Повестку дня ООН по устойчивому развитию на евразийском пространстве.

Особенности локализации ЦУР в ЕАЭС

Государства ЕАЭС проявляют достаточно большой интерес к реализации целей и задач ЦУР, что обусловлено естественной потребностью в повышении уровня качества жизни своих граждан, обеспечением безопасности, борьбой с негативными социальными явлениями. Как показал проведенный анализ, наибольших успехов в реализации национального потенциала ЦУР могут достичь страны, которые включают в практику работы государственных органов такие глобальные вопросы национальной повестки, как приверженность программам по ЦУР и создание нормативной базы, определяя ответственных за их реализацию и отчетность структуры [2; 3].

Также необходимо отметить, что государства на постсоветском пространстве отдают себе отчет в важности т. н. «локализации» элементов ЦУР с учетом текущей проблематики — как на уровне всего региона (постсоветское пространство), так и на уровне отдельных государств, что обусловливает повышенное внимание к отдельным элементам ЦУР.

Но вернемся на региональный уровень. Как и на национальном уровне, здесь возможны три направления:

- отсутствие локализации ЦУР (работа идет по всем направлениям);
- глубокая локализация, которая предполагает тщательное исследование глобальных задач и внимательный их мониторинг;
- имплементация ЦУР без их формальной локализации.

В этом контексте можно говорить о таких субрегионах, как ЕС, ЕАЭС, СПЕКА (специальная программа ООН для экономик Центральной Азии), в каждом из которых приоритет отдается достижению отдельных целей.

В фокусе нашего интереса страны региона ЕАЭС (Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия). ООН предполагает, что индикаторы ЦУР будут использоваться странами как практический инструмент для разработки собственных приоритетных задач, а также они будут разрабатываться на основе контекста для содействия процессам национального мониторинга[1]. В этом случае можно говорить о локализации целей ЦУР на региональном уровне. Это дает возможность организовать субрегиональное / региональное сотрудничество оптимальным способом.

[1] Роль парламентов в достижении целей устойчивого развития. Пособие по парламентской деятельности [Электронный ресурс] // Программа развития ООН. URL: https://web.archive.org/web/20220414094327/https://www1.undp.org/content/dam/undp/library/Democratic%20Governance/Parliamentary%20Development/parliaments%20role%20in%20implementing%20the%20sdgs_rus.pdf (дата обращения: 20.07.2023).

Реализация ЦУР на евразийском пространстве осуществляется на двух уровнях: национальном, касающемся каждого государства-члена, и интеграционном, в контексте деятельности ЕАЭС. Анализ доклада 2017 г. о достижении ЦУР в рамках ЕАЭС (далее — Союз) дает возможность подчеркнуть, что каждая страна — участница Союза предпринимает конкретные шаги для достижения поставленных Целей[1]. В основном усилия основываются на национальных программных документах, стратегиях и концепциях развития, что показывает важность индивидуальных национальных подходов для достижения устойчивого развития на национальном уровне.

Одновременно экономическая интеграция в рамках ЕАЭС также играет существенную роль в достижении ЦУР государствами-членами. Сотрудничество в рамках ЕАЭС способствует обмену передовыми практиками, технологиями и опытом, коллективные усилия также могут повысить устойчивость региона в целом перед вызовами и возможностями, связанными с экономическим, социальным и экологическим развитием. Таким образом, интеграция на уровне ЕАЭС дополняет и увеличивает национальные усилия государств-членов по достижению Целей устойчивого развития, что делает этот процесс более результативным и перспективным для всего региона евразийского пространства.

В апреле 2022 г. Евразийская экономическая комиссия представила новый региональный список показателей достижения ЦУР, который будет использоваться для отслеживания прогресса в достижении ЦУР в странах ЕАЭС. Этот список включает в себя 130 показателей, из которых 63 связаны с глобальными аспектами, а 67 касаются региональных аспектов[2]. В июле 2023 г. Министр по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии С. Глазьев подчеркнул значительные достижения в ряде показателей ЦУР в регионе ЕАЭС, что объясняется укреплением институциональной системы и правовой базы Евразийского экономического союза[3].

На данный момент из 514 целей и задач ЦУР 149 связаны с интеграционными инициативами ЕАЭС. Особое внимание уделяется реализации ЦУР-2, которая направлена на борьбу с голодом, так как мировой рынок продуктов питания зависит от вклада ЕАЭС в эту сферу. ЕАЭС способен обеспечить продовольствием более 600–700 млн чел., а с использованием современных технологий и модернизации объем производства продуктов питания может быть увеличен в 5–7 раз. В контексте реализации ЦУР-7, которая направлена на обеспечение доступной и экологически чистой энергии, отмечается активная работа Евразийской экономической комиссии и государств-членов в формировании общего рынка электроэнергии, газа, нефти и нефтепродуктов.

Продвижение в направлении гармонизации и улучшения статистической деятельности в ЕАЭС также является важным шагом в реализации ЦУР. Утверждение Программы развития интеграции в сфере статистики на период 2021–2025 гг.[4] предусматривает повышение сопоставимости официальной статистической информации между государствами — членами ЕАЭС. Это позволяет лучше оценивать прогресс в области устойчивого развития и формировать более точные данные для принятия стратегических решений.

Для оценки уровня инновационного развития стран — членов ЕАЭС следует задействовать показатели Глобального инновационного индекса, представляющего рейтинг для 131 страны мира на базе более чем 80 показателей. Согласно этому индексу, страны ЕАЭС не достигают высоких показателей в развитии инновационной деятельности, Россия занимает 47-е место, Белоруссия — 77-е, Армения — 80-е, Казахстан — 83-е, Кыргызстан — 97-е[5].

---

[1] Доклад о достижении целей устойчивого развития в регионе ЕАЭС представлен в ООН [Электронный ресурс] // БЕЛТА. 12.07.2017. URL: https://www.belta.by/society/view/doklad-o-dostizhenii-tselej-ustojchivogo-razvitija-v-regione-eaes-predstavlen-v-oon-256960-2017 (дата обращения: 21.07.2023).

[2] В ЕАЭС согласовали региональный перечень показателей достижения Целей устойчивого развития. [Электронный ресурс] // Офиц. сайт ЕЭК. 26.04.2022. URL: https://eec.eaeunion.org/news/v-eaes-soglasovali-regionalnyy-perechen-pokazateley-dostizheniya-tseley-ustoychivogo-razvitiya/ (дата обращения: 05.09.2023).

[3] В штаб-квартире ООН обсудили прогресс ЕАЭС в достижении Целей устойчивого развития. [Электронный ресурс] // Vereql. 19.07.2023. URL: https://verelq.am/ru/node/130131 (дата обращения: 05.09.2023).

[4] Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 23 ноября 2020 года № 116 «О Программе развития интеграции в сфере статистики Евразийского экономического союза на 2021–2025 годы» [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/H20EV000116/info (дата обращения: 21.07.2023).

[5] Global Innovation Index 2022 [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo-pub-2000-2022-en-main-report-global-innovation-index-2022-15th-edition.pdf (дата обращения: 21.07.2023).

Также анализ показывает, что странам — членам ЕАЭС необходимо стимулировать инвестиции в НИОКР, поддерживать развитие образования, инфраструктуры и создавать условия для поддержки зеленых инноваций и экологически устойчивого развития. Это позволит увеличить потенциал экономического роста, содействуя развитию конкурентоспособной и устойчивой экономики евразийской интеграции.

Для достижения Целей устойчивого развития стоит рассмотреть возможность перехода на модель экономики, основанную на приросте ВВП, зависящем от отраслей, эксплуатирующих природные ресурсы, и ресурсосберегающий подход. Один из важных шагов к реализации такой модели заключается в разработке системы показателей для мониторинга результатов перехода стран к устойчивой экономической модели. В данном контексте рекомендуется использовать методологию Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) для создания системы показателей «зеленого» роста.

Согласно рекомендациям ОЭСР, для оценки «зеленого» роста целесообразно использовать 25–30 индикаторов, объединенных в пять групп: экологическая и ресурсная эффективность экономики; природные активы; экологические аспекты качества жизни; экономические возможности в области «зеленого» роста; социально-экономические аспекты «зеленого» роста[1]. Также по методике ОЭСР производится оценка негативного воздействия страны на окружающую среду, а на уровне ЕЭК рассчитываются такие показатели ресурсной эффективности, как энергоемкость, ресурсоемкость и материалоемкость. Это позволит оценить эффективность использования ресурсов и выявить потенциал для устранения негативного воздействия на окружающую среду в процессе перехода к «зеленому» росту и устойчивому развитию экономической интеграции в ЕАЭС.

Рассмотрение абсолютных показателей устойчивого развития и индикаторов устойчивого развития, основанных на экономическом, социальном и экологическом аспектах, представляет собой важный шаг для оценки достижения целей в странах ЕАЭС. Возможность рассчитать такие индикаторы дает полную картину уровня устойчивого развития и позволяет определить успешность достижения целевых показателей в регионе (табл. 1).

Для оценки экономического аспекта устойчивого развития можно использовать ВВП на душу населения по паритету покупательской способности. Этот показатель позволяет определить экономическую производительность и благосостояние населения, учитывая разницу в ценах и стоимости товаров и услуг в разных странах. Для оценки социальной составляющей устойчивого развития может быть использована ожидаемая продолжительность жизни. Этот показатель отражает уровень здоровья и качества жизни населения, а также эффективность системы здравоохранения и социальной защиты. Для оценки экологической составляющей устойчивого развития можно рассчитать долю возобновляемых источников энергии в общем объеме конечного энергопотребления. Этот показатель отражает степень зависимости от источников энергии, которые устойчиво воспроизводятся природой и не исчерпаются в процессе использования.

Таблица 1

Индикаторы устойчивого развития в ЕАЭС

Table 1. Indicators of sustainable development in the EAEU

Индикаторы	Россия	Армения	Белоруссия	Казахстан	Кыргызстан
Экономический ВВП на душу населения (тыс. долл. США)	27,5	16,4	19,1	26,09	5,2
Социальный Ожидаемая продолжительность жизни (лет)	74,5	76,2	75	70,4	71,1
Экологический Доля ВИЭ[2] (%)	17,7	39,4	7,4	11,8	85

Источник: составлено по материалам World Bank Open Data[3]

[1] The OECD Green Growth Measurement Framework and Indicators [Электронный ресурс] // Green Growth Indicators 2014. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/environment/green-growth-indicators-2013_9789264202030-en (дата обращения: 15.09.2022). DOI: 10.1787/9789264202030-en

[2] ВИЭ — возобновляемые источники энергии.

[3] World Bank Open Data [Электронный ресурс] // The World Bank. URL: https://data.worldbank.org/ (дата обращения: 06.07.2023).

Оценка и анализ данных индикаторов устойчивого развития позволяют странам — участницам ЕАЭС определить успешность своих усилий по переходу к устойчивой модели развития, а также выявить области, требующие дополнительных усилий и мер для достижения целей устойчивого развития. Важно также регулярно мониторить и обновлять данные, чтобы следить за динамикой развития и вносить корректировки в стратегии и планы развития, при необходимости.

Анализ значений индекса устойчивого развития в странах — участницах ЕАЭС показывает, что, хотя значения незначительно различаются между странами, некоторые общие тенденции все же можно выделить (табл. 2).

Таблица 2

Результаты подсчета индекса устойчивого развития в ЕАЭС

Table 2. Sustainability Index count results in the EAEU

Индикаторы	Россия	Армения	Белоруссия	Казахстан	Кыргызстан
Экономический	0,24	0,2	0,16	0,22	0,047
Социальный	0,89	0,92	0,907	0,899	0,88
Экологический	0,33	0,12	0,08	0,018	0,035
Индекс устойчивого развития	0,39	0,387	0,379	0,378	0,384

Источник: расчеты по данным из источника [2]

Так, Киргизия, Россия и Армения демонстрируют наивысшие результаты индекса устойчивого развития, составляющие около 0,38–0,39. Это указывает на относительно высокий уровень устойчивого развития в данных странах по сравнению с другими странами — членами ЕАЭС. Все страны — участницы ЕАЭС имеют достаточно высокий показатель социального фактора устойчивого развития, что отражает благополучие населения и качество жизни в регионе. Однако экономические составляющие устойчивого развития демонстрируют различные результаты. Наибольшие значения зафиксированы в России и Казахстане, что может быть связано с их более развитой экономикой и инфраструктурой. В экологическом аспекте Киргизия и Армения показывают более высокие результаты по сравнению с другими странами — членами ЕАЭС, что может указывать на более активное внимание к вопросам экологической устойчивости и использованию возобновляемых источников энергии (ВИЭ).

Таким образом, для перехода на модель устойчивого развития странам ЕАЭС необходимо уделять особое внимание модернизации экономик с помощью инвестиций и инноваций. Это поможет обеспечить более устойчивую и современную энергетику, что является ключевым аспектом устойчивого развития. Такие усилия по совершенствованию экономической структуры региона будут способствовать сбалансированному развитию и содействовать общим усилиям по достижению устойчивости в рамках евразийской интеграции.

Очевидно, что в основном цели и направления социально-экономического развития ЕАЭС соответствуют целям и задачам Повестки дня в области устойчивого развития. Данные демонстрируют, что региональная экономическая интеграция становится инструментом поддержания устойчивого роста государств-членов.

Заключение

Дальнейшее внедрение устойчивого развития в ЕАЭС представляет значимую задачу, и для успешной реализации этой политики необходимо предпринять ряд мер и совместных усилий со стороны всех стран-членов. ЕАЭС может использовать ЦУР как платформу для укрепления своего регионального и глобального влияния. Эти усилия могут сделать ЕАЭС ключевым центром силы в многополярной мировой системе, способствуя достижению устойчивого развития не только в регионе, но и на глобальном уровне. Можно изобразить это таким образом.

1. Ликвидация голода (ЦУР 2). ЕАЭС обладает огромным потенциалом в сельском хозяйстве и продовольственной промышленности. Продовольственная безопасность и обеспечение продовольствием более 600–700 млн чел. в регионе могут сделать ЕАЭС ключевым поставщиком продуктов питания на мировом рынке. Развитие интенсивных сельскохозяйственных технологий и модернизация производства могут увеличить объем производства продуктов питания в несколько раз.

2. Энергетическая устойчивость (ЦУР 7). ЕАЭС ставит приоритетным условием интеграции необходимость сосредоточить усилия на формировании общего топливно-энергетического рынка. Эффективное управление энергетическими ресурсами и развитие чистых источников энергии могут сделать регион более конкурентоспособным и надежным поставщиком энергии, что будет способствовать укреплению позиции Союза как важного игрока на мировом энергетическом рынке и повысит его влияние.

3. Торговое и инвестиционное сотрудничество (ЦУР 17 и 18). Развитие торговых и инвестиционных отношений между государствами — членами ЕАЭС может усилить региональную экономическую интеграцию и сделать регион более привлекательным для иностранных инвесторов. Это способно привести к увеличению экономического роста и созданию рабочих мест, что будет способствовать достижению ЦУР, связанных с устойчивым экономическим развитием.

4. Инфраструктура и транспорт (ЦУР 9 и 11). Развитие инфраструктуры и углубление транспортных связей в рамках ЕАЭС может сделать регион более доступным для торговли и инвестиций. Новые транзитные маршруты между Востоком и Западом сделают ЕАЭС ключевым транспортным узлом в мировой логистике.

5. Образование и наука (ЦУР 4 и 9). Поддержка науки может сделать ЕАЭС центром научных и технологических исследований. Тем более что, по справедливому утверждению С. Глазьева, «материальной основой трансформации мирового порядка является новый технологический уклад, ядро которого составляет совокупность цифровых, информационных, биоинженерных, когнитивных, аддитивных и нанотехнологий» [1, с. 94].

Таким образом, ЕАЭС обладает потенциалом стать значимым центром силы в многополярной архитектуре мирового устройства, используя ЦУР как стратегический инструмент. Продовольственная независимость, энергетическая устойчивость, укрепление экономической интеграции, развитие инфраструктуры, сосредоточенность на научных инновациях и образовании — все эти аспекты могут сделать ЕАЭС ключевым макрорегионом на мировой арене. Представляется, что макрорегиональный полицентричный мир и многоуровневая иерархическая структура постепенно заменяют уходящий в прошлое вестфальский международный порядок. В таких условиях ЕАЭС способен занять роль одного из ведущих центров силы с акцентом на концепте Большой Евразии, как большого цивилизационного проекта, основанного на равноправном сотрудничестве союзнических акторов[1].

С учетом реализации указанных ЦУР ЕАЭС способен не только укрепить свое положение в регионе, но и активно влиять на глобальные процессы, способствуя достижению устойчивого развития на мировом уровне. Важно подчеркнуть, что сотрудничество и интеграция в региональных объединениях, таких как ЕАЭС, могут содействовать более эффективному достижению ЦУР и укреплению мировой многополярности, где разнообразные центры силы сотрудничают для решения глобальных вызовов и достижения устойчивого будущего.

Литература

1. *Глазьев С. Ю.* Глобальная трансформация через призму смены технологических и мирохозяйственных укладов // AlterEconomics. 2022. Т. 19. № 1. С. 93–114. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.6. EDN: MULEYG
2. *Давыденко Е. Л.* Интеграционные процессы в ЕАЭС в контексте устойчивого развития // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество : ежегодник. М. : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2022. С. 399–403. 2022. Вып. 5. Ч. 1. С. 399–403. EDN: DUZZAZ

[1] *Лазарева Е.* Владимир Путин возродил проект Большая Евразия в противовес странам Запада [Электронный ресурс] // Информационное агентство URA.RU. 26.05.2022. URL: https://ura.news/articles/1036284661 (дата обращения: 11.09.2023).

3. Достижение целей в области устойчивого развития в регионе Евразийского экономического союза 2017–2021 гг. Статистический сборник. М. : Евразийская экономическая комиссия, 2022. 186 с. [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/econstat/statpub/SDG_2022_rus.pdf (дата обращения: 20.02.2024).
4. *Ланьшина Т. А., Баринова В. А., Логинова А. Д., Лавровский Е. П., Понедельник И. В.* Опыт локализации и внедрения Целей устойчивого развития в странах-лидерах в данной сфере // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2019. Т. 14. № 1. С. 207–224. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-01-12. EDN: RDIRJI
5. *Ларионова М. В.* Спасти ЦУР. Укрепление партнерства для достижения ЦУР в постпандемическом цифровом мире // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2020. Т. 15. № 4. С. 163–188. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-04-08. EDN: GIQDRC
6. *Новикова И. В., Равино А. В.* Оценка уровня цифровизации в государствах ЕАЭС по показателям достижения Целей устойчивого развития // Труды БГТУ. Сер. 5: Экономика и управление. 2023. № 1 (268). С. 5–15. DOI: 10.52065/2520-6877-2023-268-1-1. EDN: DMJKMR
7. *Сафян А.* Установочный семинар по проекту «Укрепления научных исследований для улучшения качества статистики ЦУР в Центральной Азии». Опыт Армении [Электронный ресурс] // Экономическая и социальная комиссия для Азии и Тихого океана. 10.05.2019. URL: https://www.unescap.org/sites/default/files/Session4_Armenia_SDG_indicators_Russian.pdf (дата обращения: 15.09.2022).
8. *Урсул А. Д., Леонова К. С.* Достижение глобальной устойчивости: проблемы и перспективы // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 3. С. 167–178. EDN: KTXRJB
9. *Swain R.* A Critical Analysis of the Sustainable Development Goals // Handbook of Sustainability Science and Research. Ed. by W. Leal Filho. Cham : Springer, 2018. P. 341–356. DOI: 10.1007/978-3-319-63007-6_20
10. *Veland S., Gram-Hanssen I., Maggs D., Lynch A.* Can the Sustainable Development Goals Harness the Means and the Manner of Transformation? // Sustainability Science. 2022. Vol. 17. № 2. P. 637–651. DOI: 10.1007/s11625-021-01032-8
11. *Yuan H., Wang X., Gao L.* [и др.] Progress Towards the Sustainable Development Goals Has Been Slowed by Indirect Effects of the COVID-19 Pandemic [Электронный ресурс] // Communications Earth & Environment. 2023. № 4 (184). URL: https://www.nature.com/articles/s43247-023-00846-x (дата обращения: 06.09.2023). DOI: 10.1038/s43247-023-00846-x

Об авторе:

Ирошкина Татьяна Владимировна, аспирант Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: tiroshkina-21@edu.ranepa.ru

References

1. Glazyev S. Yu. Global Transformations from the Perspective of Technological and Economic World Order Change // AlterEconomics. 2022. Vol. 19. No. 1. P. 93–114. (In Russ.) DOI: 10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.6. EDN: MULEYG
2. Davydenko E. L. Integration Processes in the EAEU in the Context of Sustainable Development // Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation [Bol'shaya Evraziya: Razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo] : yearbook. Moscow : Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 2022. Is. 5. Pt. 1. P. 399–403. (In Russ.) EDN: DUZZAZ
3. Achievement of Sustainable Development Goals in the Region of the Eurasian Economic Union 2017–2021. Statistical compendium. Moscow : Eurasian Economic Commission, 2022. 186 p. [Electronic resource]. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/econstat/statpub/SDG_2022_rus.pdf (accessed: 20.02. 2024) (In Russ.)

4. Lanshina T. A., Barinova V. A., Loginova A. D., Lavrovsky E. P., Ponedelnik I. V. Localizing and Achieving the Sustainable Development Goals at the National Level: Cases of Leadership // International Organisations Research Journal [Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika]. 2019. Vol. 14. No. 1. P. 207–224. (In Russ.) DOI: 10.17323/1996-7845-2019-01-12. EDN: RDIRJI
5. Larionova M. V. Saving the SDGs? Strengthening Partnership for Achieving SDGs in the Post-Covid-19 Digital World // International Organisations Research Journal [Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika]. 2020. Vol. 15. No. 4. P. 163–188. (In Russ.) DOI: 10.17323/1996-7845-2020-04-08. EDN: GIQDRC
6. Novikova I. V., Ravino A. V. Assessment of Digitalization by Indicators of Sustainable Development Goals of the EAEU Member States // Proceedings of BSTU. Ser. 5: Economics and Management [Trudy BGTU. Ser. 5: Ekonomika i upravlenie]. 2023. No. 1 (268). P. 5–15. (In Russ.) DOI: 10.52065/2520-6877-2023-268-1-1. EDN: DMJKMR
7. Safyan A. Installation Seminar on the Project "Strengthening Scientific Research to Improve the Quality of SDG Statistics in Central Asia". Experience of Armenia [Electronic resource] // Economic and Social Commission for Asia and the Pacific. May 10, 2019. URL: https://www.unescap.org/sites/default/files/Session4_Armenia_SDG_indicators_Russian.pdf (accessed: 15.09.2022). (In Russ.)
8. Ursul A. D., Leonova K. S. Achieving Global Sustainability: Challenges and Prospects // Social and Humanitarian Knowledge [Sotsial'no-gumanitarnye znaniya]. 2019. No. 3. P. 167–178. (In Russ.) EDN: KTXRJB
9. Swain R. A Critical Analysis of the Sustainable Development Goals // Handbook of Sustainability Science and Research. Ed. by W. Leal Filho. Cham : Springer, 2018. P. 341–356. DOI: 10.1007/978-3-319-63007-6_20
10. Veland S., Gram-Hanssen I., Maggs D., Lynch A. Can the Sustainable Development Goals Harness the Means and the Manner of Transformation? // Sustainability Science. 2022. Vol. 17. No. 2. P. 637–651. DOI: 10.1007/s11625-021-01032-8
11. Yuan H., Wang X., Gao L. [et al.] Progress Towards the Sustainable Development Goals Has Been Slowed by Indirect Effects of the COVID-19 Pandemic [Electronic resource] // Communications Earth & Environment. 2023. No. 4 (184). URL: https://www.nature.com/articles/s43247-023-00846-x (accessed: 06.09.2023). DOI: 10.1038/s43247-023-00846-x

About the author:

Tatyana V. Iroshkina, graduate student of North-West Institute of Management of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation);
e-mail: tiroshkina-21@edu.ranepa.ru

CC BY

DOI: 10.22394/2073-2929-2024-01-140-152

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ: 5.5.4, 5.2.5

EDN: CLGLHQ

Место евразийского бизнеса в процессах развития евразийской экономической интеграции[1]

Михневич С. В.[1,] *, **Аксенов М. А.**[2]

[1] Деловой совет Евразийского экономического союза, Москва, Российская Федерация

* e-mail: sxzex@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3662-9022

[2] НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Цель. Исследование вовлеченности делового сообщества в процессы развития евразийской интеграции через отражение их приоритетов в решениях и деятельности наднациональных органов.

Задачи. Проанализировать проблематику отражения интересов делового сообщества в евразийской интеграции; рассмотреть связанное с этим практическое взаимодействие бизнеса с наднациональными органами на примере деятельности Делового совета ЕАЭС; выделить направления развития интеграционных процессов в рамках ЕАЭС, перспективные с точки зрения бизнес-сообщества.

Методология. В исследовании использованы общенаучные и специальные методы количественного и качественного анализа, а также разработана и применена авторская методика оценки вовлеченности бизнеса в процессы интеграции.

Результаты. Анализ документов и деятельности органов ЕАЭС с использованием авторской методики подтверждает существенную роль делового сообщества в процессах евразийской интеграции.

Выводы. Торгово-экономическое сотрудничество в ЕАЭС характеризуется положительной динамикой, несмотря на усложнение международной обстановки. Во многом это связано с активной позицией евразийского бизнеса, демонстрирующего значительный и возрастающий интерес к евразийской интеграции.

Евразийские органы уделяют серьезное и возрастающее внимание к интересам делового сообщества, что положительно сказывается на вовлеченности бизнеса в институциональную динамику ЕАЭС. Это подтверждает включение соответствующих задач в ключевые документы ЕАЭС, а также запуск специальных механизмов, стимулирующих деловое сотрудничество, — евразийского финансирования промышленной кооперации.

Ключевые слова: ЕАЭС, Евразийская экономическая интеграция, Деловой совет ЕАЭС, Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП), Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года, «Евразийский экономический путь»

Для цитирования: Михневич С. В., Аксенов М. А. Место евразийского бизнеса в процессах развития евразийской экономической интеграции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 1. С. 140–152.

https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-01-140-152. EDN: CLGLHQ

[1] Мнение авторов, отраженное в статье, не является официальной позицией представляемых ими организаций.

Eurasian Business in Developing Eurasian Economic Integration

Sergey V. Mikhnevich[a, *], **Maxim A. Aksenov**[b]
[a] Eurasian Economic Union (EAEU) Business Council, Moscow, Russian Federation
***** e-mail: sxzex@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3662-9022
[b] National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT
Aim. The study of the involvement of the business community in the development of Eurasian integration through the reflection of their priorities in the decisions and activities of supranational bodies.
Tasks. To analyze the problems of reflecting the interests of the business community in Eurasian integration; to consider the related practical interaction of business with supranational bodies on the example of the activities of the EAEU Business Council; to identify areas of development of integration processes within the EAEU that are promising from the point of view of the business community.
Methods. The research uses general scientific and special methods of quantitative and qualitative analysis, as well as the author's methodology for assessing business involvement in integration processes has been developed and applied.
Results. The conducted analysis of valid strategic documents of the Eurasian Economic Union (EAEU) and its supranational bodies using the authors' technique confirms the considerable and growing role of business in Eurasian economic integration.
Conclusions. Trade and investment cooperation under the EAEU demonstrates positive dynamics despite growing international uncertainty and tensions. It is in many ways connected with the proactive stance of Eurasian business, which demonstrates substantial and rising interest towards Eurasian economic integration.
The Eurasian supranational bodies pay serious and growing consideration to positions of business community, which positively affect business involvement in institutional dynamics of the EAEU. That is affirmed by adding appropriate tasks to the key documents of the Union and introduction of special mechanisms for promoting business cooperation.
Keywords: EAEU, Eurasian economic integration, the EAEU Business Council, Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs (RSPP), Strategic Directions for Developing the Eurasian Economic Integration until 2025, "Eurasian economic path"
For citing: Mikhnevich S. V., Aksenov M. A. Eurasian Business in Developing Eurasian Economic Integration // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 1. P. 140–152. (In Russ.) https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-01-140-152. EDN: CLGLHQ

Введение

Экономическая интеграция в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС, Союз) играет возрастающую роль в социально-экономическом развитии России и ее партнеров по Союзу. Это находит отражение в динамике основных показателей международного экономического сотрудничества стран — членов ЕАЭС, а также развитии ключевых институтов евразийской экономической интеграции. Так, по данным Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), в 2021 г. на долю России пришлось 44% всего импорта и 24,5% экспорта государств — членов ЕАЭС (табл. 1).

Усложнение международной ситуации в 2022 г. привело к разрыву или резкому сокращению российских связей с рядом традиционных торговых и инвестиционных партнеров из числа западных государств. На этом фоне на евразийском пространстве наблюдалась совершенно иная динамика. В 2022 г.

взаимная торговля в рамках ЕАЭС увеличилась на более чем 14,7% к 2021 г., до 83,3 млрд долл. США[1]. Положительные тенденции прослеживаются и во взаимных прямых инвестициях (ПИИ)[2]. Так, за один лишь I квартал 2023 г. взаимные ПИИ в ЕАЭС составили 64,3% от уровня всего 2022 г.[3]

Таблица 1

Доля России в торговле государств — членов ЕАЭС в 2021 г., %

Table 1. Russia's share in the trade of the EAEU member states in 2021, %

Партнер по ЕАЭС	Доля импорта из России в совокупном импорте страны	Доля экспорта в Россию в совокупном экспорте страны
Армения	33,5	21,5
Беларусь	55,6	47
Казахстан	35,6	10,3
Кыргызстан	29,8	14,4
Всего по ЕАЭС	44	24,5

Источник: расчеты авторов на основе данных UNCTADstat[4]

В этой связи нельзя не выделить важную роль взаимодействия наднациональных органов с бизнес-сообществом в продвижении интеграционных процессов, чему посвящено настоящее исследование. На сегодня число научных работ, посвященных изучению соответствующей проблематики, довольно ограничено. В большинстве случаев исследователи фокусируются на анализе международной акторности транснациональных компаний, лишь ограниченно касаясь проблематики участия отечественного бизнеса в региональной институциональной динамике.

Например, вопросы взаимодействия евразийского бизнеса и наднациональных органов по проблематике нетарифных барьеров рассматривались Р. Г. Волковым [2], сферы услуг и торговой политики — С. Р. Красильниковым и С. В. Михневичем [5], стратегического планирования и антикризисного управления — Д. В. Галушко, М. К. Глазатовой, В. Н. Зуевым [3], взаимодействия на рынках третьих стран и макрорегиональной интеграции — К. М. Барским, С. Р. Красильниковым и С. В. Михневичем [1], обеспечения качества и повышения конкурентоспособности продукции — В. Ю. Саламатовым и И. И. Чайкой [8], торгово-экономического и социально-гуманитарного сотрудничества — С. В. Михневичем [7].

Среди работ, рассматривающих вопросы взаимодействия бизнеса и власти на евразийском пространстве в комплексе, можно выделить исследования В. И. Сологуба [9], С. Р. Красильникова, С. В. Михневича и др. [6], С. Ю. Глазьева и коллектива авторов Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) [4], а также доклад ЕЭК о деловом и инвестиционном климате[5].

Можно отметить, что именно бизнес осуществляет практическую реализацию совместных инициатив и проектов с партнерами по ЕАЭС, участвует в развитии нормативной правовой базы Союза, устранении существующих ограничений на общем рынке. Таким образом, деловое сообщество способствует укреплению возможностей и ресурсного потенциала государств как международных акторов в реализации суверенитета, в частности его социально-экономического и технологического измерения. Бизнес и сам получает существенные преимущества от участия в развитии отечественной экономики. Как отметил

---

[1] Оверчук заявил о рекордном уровне взаимной торговли в ЕАЭС в 2023 г. [Электронный ресурс] // ТАСС. 24.05.2023. URL: https://tass.ru/ekonomika/17831711 (дата обращения: 24.01.2024).

[2] О взаимных инвестициях в государствах — членах Евразийского экономического союза за 1 квартал 2022 года. Экспресс-информация ЕЭК от 27 декабря 2022 г. [Электронный ресурс] // ЕЭК. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/fin_stat/express_information/mutual_investments/express_mi_2Q2022.pdf (дата обращения: 24.01.2024).

[3] Объем взаимных инвестиций в странах ЕАЭС с начала 2023-го вырос до 64,3% [Электронный ресурс] // Спутник. 21.09.2023. URL: https://ru.sputnik.kz/20230921/obem-vzaimnykh-investitsiy-v-stranakh-eaes-s-nachala-2023-go-vyros-do-643-38639647.html (дата обращения: 24.01.2024).

[4] Расчеты авторов на основе данных UNCTADstat [Электронный ресурс] // UNCTAD. URL: https://unctadstat.unctad.org/EN/ (дата обращения: 24.03.2023).

[5] Доклад «О состоянии делового и инвестиционного климата в государствах-членах Евразийского экономического союза». ЕЭК. М. : 2023. [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/ca0/Doklad-o-delovom-klimate-EAES-19-05-2023-g-docx.pdf (дата обращения: 24.01.2024).

Президент России В. В. Путин, «национальный бизнес, работая на укрепление суверенитета, сам становится сильнее и суверенней»[1].

Президент Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП) А. Н. Шохин выделяет следующие темы в числе перспективных с точки зрения бизнеса для продвижения в рамках ЕАЭС[2].

1. Формирование благоприятного делового и инвестиционного климата в ЕАЭС для запуска новых драйверов евразийской интеграции.

2. Развитие существующих механизмов по направлениям, на которых имеет место существенное продвижение, таких как таможенное сотрудничество.

3. Развитие платежно-расчетной системы с использованием национальных валют и цифровых инструментов для кардинального снижения транзакционных издержек всех участников сотрудничества.

4. Выявление и устранение избыточных барьеров, ограничений и изъятий на внутреннем рынке.

5. Укрепление партнерств с дружественными и нейтральными партнерами в Азии, Африке, Латинской Америке и международными институтами — ШОС, БРИКС, АСЕАН и др., что позволит улучшить потенциал сотрудничества членов ЕАЭС и их компаний на рынках третьих стран и поможет диверсификации связей «на внешнем периметре» Союза.

По многим из упомянутых направлений уже достигнуты серьезные результаты. Компании из государств — членов ЕАЭС активно работают на рынках друг друга с использованием разнообразных стратегий, включающих промышленную кооперацию, создание совместных предприятий, дочерних компаний, экспортные и импортные сделки. Например, в казахстанском городе Кокшетау компанией ПАО «КАМАЗ» создано собственное производство по сборке автомобилей в сотрудничестве с Национальной компанией «Казахстан Инжиниринг». Вся произведенная продукция реализуется на внутреннем рынке страны[3]. Для обслуживания произведенной продукции создана развитая сеть дилеров и авторизованных сервисных центров. «Ярославский моторный завод» и «Коломенский завод» (входит в «Трансмашхолдинг») поставляют двигатели для установки в крупнейшие карьерные грузовики «БелАЗ». Согласно планам белорусской компании, с 2025 г. она намерена выпускать основные виды самосвалов только на российских двигателях[4]. Дочерние производственные и дилерские предприятия многопрофильного белорусского холдинга АМКОДОР действуют в России и Казахстане. Предприятие последовательно наращивает инвестиции. Так, в октябре 2023 г. в Уфе был запущен завод по выпуску оборудования для послеуборочной обработки зерна — «Амкодор-Агидель»[5]. И это лишь отдельные примеры.

Для оценки вовлеченности делового сообщества в интеграционные процессы можно предложить следующую систему квалификации, состоящую из пяти основных элементов.

1. Отражение важности делового сотрудничества в дискурсе и публичных выступлениях официальных лиц.

2. Наличие официальных документов рекомендательного характера, нацеленных на продвижение интересов бизнеса и участие бизнеса в их разработке.

3. Закрепление в официальных документах обязательств со стороны органов в отношении взаимодействия с бизнесом, а также институциональных норм, регулирующих участие бизнеса в процессах интеграции.

4. Наличие постоянно действующих механизмов взаимодействия для выстраивания диалога с бизнесом или его привлечения к выработке решений наднациональными и национальными органами.

---

[1] Пленарное заседание Всемирного русского народного собора. Владимир Путин в формате видеоконференции выступил на пленарной сессии Всемирного русского народного собора. 28 ноября 2023 г. [Электронный ресурс] // Президент России (сайт). URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/comminity_meetings/72863 (дата обращения: 24.01.2024).

[2] На Интеграционном форуме НРБ 2023 обсудили реализацию стратегии евразийской экономической интеграции в новых условиях [Электронный ресурс] // РСПП. 06.03.2023. URL: https://rspp.ru/events/news/na-integratsionnom-forume-nrb-2023-obsudili-realizatsiyu-strategii-evraziyskoy-ekonomicheskoy-integratsii-v-novykh-usloviyakh-6406210617ab6/ (дата обращения: 24.01.2024).

[3] АО «КАМАЗ-Инжиниринг» [Электронный ресурс] // КАМАЗЦентр. URL: https://kamaz-service.kz/zavod.html (дата обращения: 25.01.2024).

[4] «БелАЗ» с 2025 г. намерен выпускать основные виды самосвалов только на российских двигателях [Электронный ресурс] // Интерфакс. 17.07.2023. URL: https://www.interfax.ru/business/911866 (дата обращения: 25.01.2024).

[5] В Уфе запустили построенный за девять месяцев завод «Амкодора» [Электронный ресурс] // РБК. 10.10.2023. URL: https://ufa.rbc.ru/ufa/10/10/2023/652534f79a7947cc73110ae6 (дата обращения: 25.01.2024).

5. Создание инструментов финансового обеспечения продвижению делового сотрудничества, а также наличие иных механизмов материального стимулирования кооперационных процессов.

Рассмотрим взаимодействие бизнеса и власти с использованием представленного инструментария.

Деловое сотрудничество в ключевых документах ЕАЭС

Понимание особой роли делового сотрудничества в ЕАЭС отражено в основополагающих документах Союза. «Одной из трех основных целей евразийской интеграции, провозглашенных в Договоре о ЕАЭС и получивших укрепление в Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС, является стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза и обеспечение его максимальной эффективности для бизнеса и потребителей» [3].

Кроме того, Стратегическими направлениями развития евразийской экономической интеграции до 2025 года (Стратегия-2025)[1] в числе ключевых мер и механизмов реализации Стратегии-2025 отмечено Содействие развитию предпринимательства (п. 1.7).

В своем обращении к главам государств — членов ЕАЭС в качестве Председателя Высшего Евразийского экономического совета (ВЕЭС) в 2023 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин предложил «вместе оценить ход реализации действующих Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года и уже в текущем году приступить к подготовке новых документов долгосрочного планирования, которые определят основные векторы интеграционного взаимодействия на период до 2030 и 2045 годов»[2].

Данная работа увенчалась принятием 25 декабря 2023 г. Декларации ВЕЭС о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках ЕАЭС до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь»[3].

Для бизнеса особое значение представляет, что в документе наряду с отдельными отраслевыми и межотраслевыми направлениями получили отражение задачи «совершенствования условий для ведения бизнеса в рамках ЕАЭС», а также «содействия созданию благоприятных условий в государствах-членах для вовлечения малого и среднего бизнеса в кооперацию в рамках ЕАЭС». Таким образом, значимость делового сообщества для развития интеграции вновь получила официальное закрепление.

Механизмы и направления продвижения интересов бизнеса в ЕАЭС

Ключевым органом делового сотрудничества, обеспечивающим выработку и продвижение скоординированных позиций бизнеса в ЕАЭС, выступает Деловой совет ЕАЭС, действующий с 2015 г. Данный институт включает крупнейшие объединения бизнеса государств — членов ЕАЭС: Союз промышленников и предпринимателей (работодателей) Республики Армения, Конфедерацию промышленников и предпринимателей (нанимателей) Республики Беларусь, Национальную палату предпринимателей Республики Казахстан «АТАМЕКЕН», Кыргызский союз промышленников и предпринимателей и Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП), который председательствовал в Деловом совете ЕАЭС в 2023 г.

Деловой совет ЕАЭС активно работает с ЕЭК. С 2016 г. между сторонами действует меморандум о взаимодействии. Он предусматривает рассмотрение направленных на развитие нормативной правовой базы ЕАЭС предложений Делового совета и организацию бизнес-форумов. Представители Делового совета принимают участие в деятельности консультативных органов при Коллегии ЕЭК. Помимо этого,

[1] Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. № 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года».

[2] Обращение Председателя Высшего Евразийского экономического совета, Президента Российской Федерации Владимира Путина к главам государств — членов ЕАЭС по случаю председательства России в органах Союза в 2023 г. [Электронный ресурс] // Президент России (сайт). URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/70380 (дата обращения: 24.01.2024).

[3] Декларация Высшего Евразийского экономического совета (ВЕЭС) о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь» от 25 декабря 2023 г.

для обсуждения стратегических и системных вопросов развития и функционирования ЕАЭС с участием бизнеса с 2016 г. функционирует Консультативный совет по взаимодействию ЕЭК и Делового совета ЕАЭС[1]. Он обеспечивает взаимодействие и диалог ЕЭК и Делового совета ЕАЭС по вопросам определения направлений и перспектив развития предпринимательской деятельности.

1. Повышение информированности о перспективных проектах

В ЕАЭС сформирована карта индустриализации, включающая в себя следующие элементы[2]:

- крупные реализуемые и планируемые к реализации инвестиционные проекты;
- технологические направления, по которым в ЕАЭС имеется необходимость в импортозамещении и есть предприятия, готовые участвовать в реализации соответствующих проектов;
- данные о промышленной продукции, составляющей наибольшие объемы импорта из третьих стран на таможенную территорию ЕАЭС.

Соответственно, заинтересованные компании могут использовать данный инструмент как для выявления наиболее перспективных сфер для осуществления инвестиций, так и для выстраивания связей с партнерами из государств — членов Союза. Карта регулярно обновляется и актуализируется. Если на момент принятия в 2020 г. она содержала данные о почти 180 проектах в 21 отрасли экономики на сумму 194,5 млрд долл. США[3], то по состоянию на январь 2024 г. карта включает 158 проектов из 25 отраслей общей стоимостью почти 240 млрд долл. США (табл. 2)[4].

Таблица 2

Распределение проектов Карты индустриализации по государствам — членам ЕАЭС

Table 2. Distribution of the Industrialization Map projects by the EAEU Member States

Страна	Число проектов	Стоимость проектов, млрд долл. США
Армения	7	2,04
Беларусь	25	17,2
Казахстан	16	51,84
Кыргызстан	30	3,32
Российская Федерация	80	165,43
Итого	**158**	**239,83**

Источник: расчеты авторов по данным Карты индустриализации ЕАЭС

В 2021–2022 гг. было реализовано 25 проектов импортозамещения на сумму свыше 21 млрд долл. США в автомобильной, электротехнической, химической, металлургической, медицинской и других сферах[5].

2. Устранение барьеров и улучшение делового климата

Важность формирования безбарьерной среды и движения товаров для бизнеса подчеркивает Председатель белорусской Республиканской ассоциации предприятий промышленности «БелАПП»

---

[1] Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) от 25 октября 2016 г. № 121 «О Консультативном совете по взаимодействию Евразийской экономической комиссии и Делового совета Евразийского экономического союза».

[2] Карта индустриализации ЕАЭС [Электронный ресурс] // ЕЭК. URL: https://app.powerbi.com/view?r=eyJrIjoiOTMzOGJiYWMtMzA0MC00Y2FjLWIyMmEtMmZjNTQ3ZDQ1NDgzIiwidCI6IjA2MzgxYjVhLWRlZDAtNDFjNy1iNGZiLTRkNTdhOWRlYTdjNCIsImMiOjl9&pageName=ReportSection0a1e8400600395400e70 (дата обращения: 24.01.2024).

[3] Страны ЕАЭС реализуют более 150 проектов Карты индустриализации в 25 отраслях [Электронный ресурс] // Спутник. 27.09.2023. URL: https://ru.sputnik.kz/20230927/strany-eaes-realizuyut-bolee-150-proektov-karty-industrializatsii-v-25-otraslyakh-38816755.html (дата обращения: 24.01.2024).

[4] Карта индустриализации ЕАЭС.

[5] В ЕАЭС уже реализовано 25 проектов по импортозамещению [Электронный ресурс] // БЕЛТА. 01.03.2023. URL: https://www.belta.by/economics/view/v-eaes-uzhe-realizovano-25-proektov-po-importozameschenij u-553100-2023/ (дата обращения: 24.01.2024).

А. Д. Харлап[1]. С 2016 г. устранены 67 барьеров, 16 ограничений и 26 изъятий, препятствующих доступу на рынки стран ЕАЭС[2]. В 2022–2023 гг. на внутреннем рынке ЕАЭС устранено 15 барьеров, 10 препятствий с признаками барьеров, 3 ограничения и 2 изъятия[3]. Положительной динамике способствовало принятие в 2023 г. обновленной Методологии квалификации препятствий на внутреннем рынке ЕАЭС и признания барьеров и ограничений устраненными[4], которая во многом соотносится с видением делового сообщества. В результате, по данным Портала общих информационных ресурсов и открытых данных на внутреннем рынке ЕАЭС, на конец января 2024 г. действовали один барьер и 34 ограничения[5].

Тем не менее, в силу того что барьеры могут возникать вследствие «несоответствия … сложившейся в государствах-членах правоприменительной практики праву Союза»[6], работа по мониторингу и устранению соответствующих препятствий ведется постоянно при участии бизнес-сообщества. В частности, Планом работы Президиума Делового совета ЕАЭС на 2024 г. предусмотрены «Регулярный мониторинг и выявление барьеров, ограничений и изъятий на пространстве ЕАЭС, выработка предложений Делового совета ЕАЭС по их устранению и их продвижение во взаимодействии с национальными и наднациональными органами и организациями»[7].

Устранение барьеров сопряжено с улучшением делового климата на пространстве ЕАЭС. В 2023 г. был обнародован подготовленный при участии Делового совета ЕАЭС первый Доклад о состоянии делового и инвестиционного климата в странах ЕАЭС. Данный документ разработан во исполнение п. 1.7.1 Плана мероприятий по реализации Стратегии-2025[8]. Доклад выступает инструментом улучшения делового климата и развития сотрудничества на пространстве ЕАЭС и с партнерами из третьих стран, получающих комплексную информацию о возможностях и условиях сотрудничества в ЕАЭС[9]. На его основе была разработана и 8 декабря 2023 г. принята Рекомендация Коллегии ЕЭК № 36 «О создании наиболее благоприятных условий для учреждения и ведения бизнеса»[10], получившая высокую оценку делового сообщества[11].

3. Формирование механизма финансового обеспечения кооперации

Важным результатом конструктивного диалога с бизнесом стало формирование евразийского механизма финансирования промышленной кооперации. Многие предложения делового сообщества получили отражение при подготовке ключевых документов, определяющих функционирование данного механизма. Речь идет о Положении об отборе совместных кооперационных проектов в отраслях промышленности и оказании финансового содействия при их реализации государствами — членами ЕАЭС[12], а также Перечне финансовых организаций, участвующих в механизме финансового

---

1 Председатель Коллегии ЕЭК подчеркнул роль бизнеса в развитии интеграции в 2023 г. [Электронный ресурс] // РСПП. 29.11.2023. URL: https://rspp.ru/events/news/predsedatel-kollegii-eek-podcherknul-rol-biznesa-v-razvitii-integratsii-v-2023-godu-65678b5741cf9/ (дата обращения: 24.01.2024).

2 Отчет о деятельности Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) в 2020–2023 гг. ЕЭК. М., 2024 [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/807/EEC-Book-2020_2023.pdf (дата обращения: 24.01.2024).

3 В ЕАЭС устранено 25 препятствий на внутреннем рынке [Электронный ресурс] // ЕЭК. 25.12.2023. URL: https://eec.eaeunion.org/news/v-eaes-ustraneno-25-prepyatstviy-na-vnutrennem-rynke/ (дата обращения: 24.01.2024).

4 Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) от 28 марта 2023 г. № 41 «Об утверждении Методологии квалификации препятствий на внутреннем рынке ЕАЭС и признания барьеров и ограничений устраненными».

5 Функционирование внутренних рынков. Портал общих информационных ресурсов и открытых данных [Электронный ресурс] // ЕЭК. URL: https://barriers.eaeunion.org/ru-ru/Pages/home.aspx (дата обращения: 24.01.2024).

6 См. сноску 23.

7 План работы Президиума Делового совета ЕАЭС на 2024 г. Утвержден на XXIII заседании Президиума Делового совета ЕАЭС 23 ноября 2023 г.

8 Распоряжение Совета Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) от 5 апреля 2021 г. № 4 «О плане мероприятий по реализации Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года».

9 Деловой совет ЕАЭС внес вклад в подготовку Доклада о деловом и инвестиционном климате ЕАЭС [Электронный ресурс] // РСПП. 30.10.2023. URL: https://rspp.ru/events/news/delovoy-sovet-eaes-vnes-vklad-v-podgotovku-doklada-o-delovom-i-investitsionnom-klimate-eaes-653fda16642dc/ (дата обращения: 24.01.2024).

10 Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) от 8 декабря 2023 г. № 36 «О создании наиболее благоприятных условий для учреждения и ведения бизнеса».

11 Улучшение условий деятельности бизнеса в ЕАЭС: Коллегия ЕЭК рекомендовала наилучшие практики [Электронный ресурс] // DKN News. 12.12.2023. URL: https://dknews.kz/ru/ekonomika/310362-uluchshenie-usloviy-deyatelnosti-biznesa-v-eaes (дата обращения: 24.01.2024).

12 Утверждено решением Евразийского межправительственного совета (ЕМПС) от 26 октября № 3.

содействия при реализации государствами — членами ЕАЭС совместных кооперационных проектов в отраслях промышленности[1].

На указанные цели будет направлено 10% поступлений в бюджет ЕАЭС от антидемпинговых пошлин (на 2024 г. — примерно 1,8 млрд руб.)[2]. Данный механизм предусматривает субсидирование процентной ставки для заемщика по кредиту в размере 100% ставки центрального банка эмитента валюты, в которой происходит финансирование проекта. При этом максимальная ставка принимающих участие в механизме финансовых организаций по соответствующим кредитам не может превышать уровень ключевой ставки +6,5%. Максимальный размер субсидии на один проект в год не может превышать эквивалента 350 млн руб., а срок реализации проекта — до пяти лет.

Важным условием получения субсидии является выполнение требования «кооперационности» — участие в проекте сторон из не менее чем трех государств — членов ЕАЭС. Положением предусмотрены и иные критерии. Особенностью механизма, повышающего его привлекательность, является то, что проекты для получения субсидии в комиссию представляют уполномоченные банки, которые предварительно сами проверяют их соответствие установленным евразийским требованиям и собственным риск-профилю и процедурам. Ранее в ЕАЭС не было предусмотрено инструментов прямого стимулирования кооперации. Таким образом, новый механизм станет серьезным шагом вперед в укреплении практического измерения евразийской кооперации.

Созданию благоприятных условий для использования нового механизма поможет подключение Делового совета ЕАЭС и членов Сторон Делового совета ЕАЭС к проводимой ЕЭК и национальными органами работе:

- по формированию перечней кооперационных проектов и их представлению в уполномоченные финансовые организации;
- по презентации вновь созданного механизма для заинтересованных компаний совместно с ЕЭК;
- по дальнейшей доработке механизма евразийского финансирования промышленной кооперации с привлечением к реализации соответствующих проектов национальных и международных финансовых институтов, не являющихся уполномоченными финансовыми организациями.

4. Сотрудничество с партнерами на «внешнем периметре» ЕАЭС

Развитие сотрудничества с третьими странами и партнерами из числа ведущих международных организаций входит в число приоритетов международной деятельности ЕАЭС. В частности, одним из направлений Стратегии-2025 является «Формирование Союза как одного из наиболее значимых центров развития современного мира» (Направление 11). В План мероприятий по реализации Стратегии-2025[3] включены конкретные мероприятия, направленные на претворение в жизнь Направления 11 Стратегии, в том числе:

- формирование в рамках Делового совета ЕАЭС механизмов развития бизнес-контактов между Союзом и третьими странами, с которыми существуют устойчивые механизмы взаимодействия или проявляющими интерес к сотрудничеству с Союзом;
- налаживание по линии Делового совета ЕАЭС прямых деловых контактов между государствами-членами и третьими странами с целью активизации отраслевого сотрудничества с учетом компетенции Комиссии.

В числе инструментов реализации указанных задач в Плане указано «создание канала прямого взаимодействия Делового совета Союза с деловыми ассоциациями третьих стран, в том числе посредством подписания меморандумов и формирования действующих рабочих органов». В этой связи Деловым советом ЕАЭС заключены предусматривающие создание постоянно действующих бизнес-диалогов

---

[1] Утвержден Распоряжением Совета ЕЭК от 12 декабря 2023 г. № 47.

[2] Промсубсидии вышли на простор ЕАЭС [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 26.10.2023. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6298529 (дата обращения: 24.01.2024).

[3] Распоряжение Совета Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) от 5 апреля 2021 г. № 4 «О плане мероприятий по реализации Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года».

меморандумы о сотрудничестве с бизнес-объединениями, представляющими Монголию, Иран, Кубу, Молдавию, Бельгию и Люксембург, Узбекистан, а также Международным конгрессом промышленников и предпринимателей (МКПП). Кроме того, в 2023 г. Деловым советом ЕАЭС заключено соглашение с Фондом Ежегодного инвестиционного Конгресса (AIM) из Абу-Даби (ОАЭ), а также были приняты решения по развитию связей и созданию бизнес-диалогов с ведущими партнерами, в частности из государств — членов АСЕАН, БРИКС, ШОС. По мнению Президента России В. В. Путина, «система бизнес-диалогов Делового совета ЕАЭС может выступить примером потенциальной платформы делового сотрудничества Большой Евразии»[1].

Оценка деловым сообществом динамики и перспективных направлений развития евразийской экономической интеграции

Обратная связь по вопросам развития евразийской интеграции — важный фактор обеспечения их комплексного и инклюзивного характера, отражающего в полной мере приоритеты всех заинтересованных сторон. С этой целью РСПП уже много лет проводит традиционный Интеграционный форум Недель российского бизнеса (НРБ). В 2023 г. он вошел в план мероприятий в связи с председательством Российской Федерации в органах ЕАЭС в 2023 г., утвержденный заместителем Председателя Правительства Российской Федерации А. Л. Оверчуком.

В преддверии форума был проведен опрос его участников по различным аспектам евразийской экономической интеграции. В общей сложности в нем приняли участие более 190 участников из числа компаний, органов власти, бизнеса, СМИ. Это позволило получить вполне представительный срез мнений, на основе которого можно сделать следующие выводы.

1. Сотрудничество с партнерами по ЕАЭС представляет для бизнеса значительный интерес

Свыше 51% респондентов сообщили о том, что их организации уже ведут дела с партнерами по ЕАЭС. 74,3% сотрудничают с партнерами из Казахстана, 67,6% — из Беларуси. На партнеров из Армении и Кыргызстана, с которыми уже ведется сотрудничество, приходится 48,6% и 47,3% ответов соответственно[2].

Наиболее популярные формы сотрудничества[3]: создание совместных предприятий (59,6%), экспорт в страны ЕАЭС (51,9%), трансфер технологий (42,3%) (рис. 1).

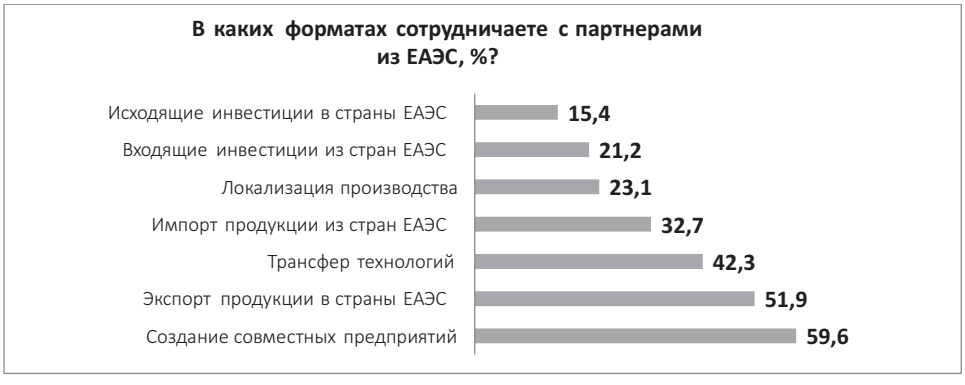

Рис. 1. Формы сотрудничества с партнерами по ЕАЭС

Fig. 1. Forms of cooperation with EAEU partners

Источник: расчеты авторов на основе результатов опроса

[1] Первый Евразийский экономический форум. Владимир Путин в режиме видеоконференции выступил на пленарной сессии I Евразийского экономического форума. 26 мая 2022 г. [Электронный ресурс] // Президент России (сайт). URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/68484 (дата обращения: 24.01.2024).

[2] Участники опроса имели возможность выбрать несколько вариантов ответа.

[3] Из 74 ответов участников опроса, которые имели возможность выбрать несколько вариантов.

В числе причин мотивации для развития сотрудничества с партнерами из государств — членов ЕАЭС называются объективные потребности развития бизнеса, влияние геополитической обстановки, наличие перспективных рынков, приоритетность задач импортозамещения и ряд других причин.

В общей сложности 61% всех участников форума заявили о заинтересованности в развитии бизнеса на евразийском пространстве. При этом из числа организаций, уже ведущих бизнес с партнерами по ЕАЭС, свыше 88% заинтересованы в расширении сотрудничества. Участники опроса верят в успешность сотрудничества на евразийском пространстве: 95% опрошенных[1] не планируют отказываться от сотрудничества с партнерами из ЕАЭС.

2. ЕАЭС предоставляет хорошие возможности для сотрудничества на внешних рынках

Участники опроса готовы вместе с партнерами из стран — членов ЕАЭС сотрудничать на рынках третьих стран: об этом сообщили 45% участников форума. В число приоритетных направлений сотрудничества на рынках третьих стран (СРТС) вошли государства СНГ, КНР, Малайзия и другие государства Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), Индия, Пакистан, Иран, ОАЭ, Турция, Африка и даже ЕС.

В наиболее популярные формы сотрудничества с партнерами из ЕАЭС на рынках третьих стран также входят[2] создание совместных предприятий (50%), экспорт продукции (40%), трансфер технологий (38%). Интересно, что импорт продукции оказался только на четвертом месте: 28% опрошенных указали его в числе приоритетных форматов сотрудничества (рис. 2.).

Рис. 2. Наиболее популярные формы сотрудничества с партнерами из ЕАЭС на рынках третьих стран

Fig. 2. The most popular forms of cooperation with partners from the EAEU in the markets of third countries

Источник: расчеты авторов на основе результатов опроса

3. Интеграция ЕАЭС благоприятно влияет на деловой климат

Респонденты высоко оценивают результаты функционирования ЕАЭС для ведения бизнеса: 70% участников опроса[3] отметили весьма и умеренно положительное влияние интеграционных процессов в рамках ЕАЭС на условия ведения бизнеса. Об умеренно негативном влиянии заявили лишь 3% (рис. 3.).

4. Дальнейшее развитие евразийской интеграции в среднесрочном периоде наряду с распространением на новые направления требует планомерной реализации принятых решений

С точки зрения участников опроса, наиболее важное направление, которое должно получить отражение в процессах дальнейшего развития евразийской экономической интеграции, — «Планомерная

[1] Из 151 ответа участников опроса (как уже сотрудничающих, так еще не начавших).

[2] Из 50 ответов участников опроса, которые имели возможность выбрать несколько вариантов.

[3] Из 151 ответа.

реализация ранее принятых решений в области интеграции» (51,7%). Второе наиболее востребованное направление — «Развитие цифровой экономики ЕАЭС, включая системы платежей и расчетов в национальных валютах стран ЕАЭС и ведущих партнеров из третьих стран» (49%). На третьем и четвертом местах — «Формирование механизмов стимулирования взаимной торговли с третьими странами (евразийские торговые дома, евразийский экспортный центр, евразийская перестраховочная компания)» с 47% голосов и «Развитие и наращивание финансирования кооперационных проектов (промышленность, АПК, транспорт и инфраструктура и др. направления ЕЭИ)» — 41,7%.

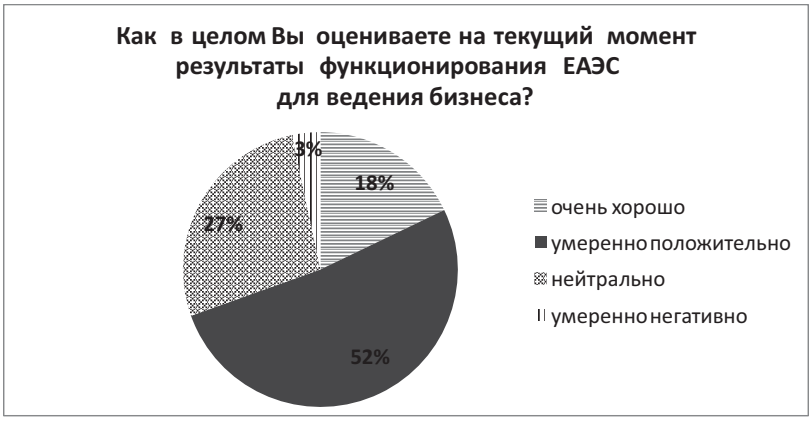

Рис. 3. Влияние интеграционных процессов в рамках ЕАЭС на условия ведения бизнеса

Fig. 3. The impact of integration processes within the EAEU on business conditions

Источник: расчеты авторов на основе результатов опроса

В число государств, с которыми, по мнению участников опроса, необходимо проработать вопрос заключения соглашений о свободной торговле, вошли Турция, Индия, Саудовская Аравия, Монголия, Иран, Индонезия, а также иные страны СНГ, Латинской Америки, Ближнего Востока и АТР.

Заключение

Поступательное развитие евразийской экономической интеграции требует эффективного диалога всех заинтересованных сторон, включая власти, экспертное и деловое сообщества, общественность стран — членов Союза. Соответствующий диалог требует не только готовности к нему всех участников, но и наличия эффективных площадок, таких как тематические и межотраслевые форумы и мероприятия, а также постоянно действующие консультативные механизмы.

Как показал проведенный анализ, в рамках ЕАЭС сформирована и развивается комплексная система обеспечения участия делового сообщества в процессах евразийской интеграции. Она включает в себя все пять основных форм отражения интересов делового сообщества: от присутствия в официальном дискурсе до создания постоянно действующих диалоговых механизмов и инструментов материального содействия кооперации. Вместе с тем дальнейшее развитие евразийской интеграции подтверждает важность задачи обеспечения постоянного системного выстраивания взаимодействия наднациональных органов с евразийским деловым сообществом.

Литература

1. *Барский К. М., Красильников С. Р., Михневич С. В.* Продвигая инициативу Большого евразийского партнерства: совпадение интересов государств, бизнеса и международных институтов // Международная жизнь. 2021. № 10. С. 1–19. EDN: GUXHBM

2. *Волков Р. Г.* Влияние нетарифных барьеров на оценку доступности общего рынка международного интеграционного объединения предприятиями государств-участников: на примере промышленных предприятий Евразийского экономического союза : дисс. ... кандидата экономических наук. М., 2020. 169 с. EDN: ZNQVYT
3. *Галушко Д. В., Глазатова М. К., Зуев В. Н.* [и др.] Механизмы принятия наднациональных решений в ЕАЭС: вклад в стратегическое планирование и антикризисное управление : экспертный докл. к XXIV Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. Москва, 2023 г. / науч. ред. Т. А. Колобашкина. М. : Высшая школа экономики, 2023. 234 с. ISBN: 978-5-7598-2784-9. EDN: MPELWQ
4. *Глазьев С. Ю., Андронова И. В., Мясникович М. В.* [и др.] Евразийская экономическая интеграция: теория и практика : учеб. пособие. М. : Проспект, 2023. 648 с. ISBN: 978-5-392-38216-3. EDN: JFOGCI
5. *Красильников С. Р., Михневич С. В.* Продвигая евразийскую интеграцию: роль бизнеса в развитии сотрудничества в сфере услуг и торговой политике // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 4 (30). С. 41–49. EDN: ZMLNWZ
6. *Красильников С. Р., Михневич С. В., Соловьева А. В.* [и др.] Взаимодействие бизнеса и власти в современной России. Международное деловое сотрудничество и интеграция. М. : РСПП, 2021. 260 с. ISBN: 978-5-6047340-4-9
7. *Михневич С. В.* Факторы торгово-экономического и социально-гуманитарного сотрудничества в развитии интеграции в рамках ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2018. № 1 (23). С. 40–45. EDN: YNDCYH
8. *Саламатов В. Ю., Чайка И. И.* Стратегия обеспечения качества и повышения конкурентоспособности продукции ЕАЭС // Стандарты и качество. 2023. № 1. С. 66–70. EDN: NVXRCL
9. *Сологуб В. И.* Современные интеграционные процессы в Евразийском экономическом союзе : дисс. ... кандидата политических наук. М., 2019. 182 с. EDN: AUMLCG

Об авторах:

Михневич Сергей Владимирович, исполнительный секретарь, член Президиума Делового совета Евразийского экономического союза (ЕАЭС); управляющий директор Управления международного многостороннего сотрудничества и интеграции Российского союза промышленников и предпринимателей (Москва, Российская Федерация); приглашенный преподаватель Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ «Высшая школа экономики», кандидат политических наук;
e-mail: sxzex@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-3662-9022

Аксенов Максим Артурович, педагог высшей категории, магистрант программы «Международные отношения: европейские и азиатские исследования» Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ «Высшая школа экономики»;
e-mail: maksaksenov@gmail.com; ORCID: 0009-0001-0680-6297

References

1. Barsky K. M., Krasilnikov S. R., Mukhnevich S. V. Promoting Greater Eurasian Partnership: Coincidence of Interests of the States, Business and International Institutions // International Affairs [Mezhdunarodnaya zhizn']. 2021. No. 10. P. 1–19. (In Russ.) EDN: GUXHBM
2. Volkov R. G. Impact of non-Tariff Measures on Assessment of Affordability of Common Market of International Integration Body by Enterprises of Its Member-States: By the Example of the Industrial Enterprises of the Eurasian Economic Union. PhD thesis in economics. Moscow, 2020. 169 p. (In Russ.) EDN: ZNQVYT
3. Galushko D. V., Glazatova M. K., Zuev V. N. [et al.] Supranational Decision-Making Mechanisms in the EAEU: Contribution to the Strategic Planning and anti-Crisis Governance. Report for XXIV Yasin (April)

international scientific conference. Moscow, 2023 / ed. by T. A. Kolobashkina. Moscow : Higher School of Economics Publishing, 2023. 234 p. ISBN: 978-5-7598-2784-9. (In Russ.) EDN: MPELWQ
4. Glazyev S. Yu., Andronova I. V., Myasnikovich M. V. [et al.] Eurasian Economic Integration: Theory and Practice : textbook. Moscow : Prospekt, 2023. 648 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-392-38216-3. EDN: JFOGCI
5. Krasilnikov S.R., Mikhnevich S.V. Fostering Eurasian Integration: The Role of Business in Services and Trade Policy Cooperation Development. Eurasian Integration: Economics, Law, Politics [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2019. No. 4 (30). P. 41–49. (In Russ.) EDN: ZMLNWZ
6. Krasilnikov S. R., Mikhnevich S. V., Solovieva A. V. [et al.] Interaction of Business and State in Modern Russia. International Business Cooperation and Integration. Moscow : RSPP. 2021. (In Russ.) ISBN: 978-5-6047340-4-9
7. Mikhnevich S. V. Factors of Trade and Economic and Social and Humanitarian Cooperation in Development of Integration within EEU. Eurasian Integration: Economics, Law, Politics [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2018. No. 1 (23). P. 40–45. (In Russ.) EDN: YNDCYH
8. Salamatov V. Yu., Chayka I. I. The Strategy of Ensuring the Quality and Increasing the Competitiveness of EAEU Products // Standards and Quality [Standarty i kachestvo]. 2023. No. 1. P. 66–70. (In Russ.) EDN: NVXRCL
9. Sologub V. I. Modern Integration Process in the Eurasian Economic Union : PhD thesis in economics. Moscow, 2019. 182 p. (In Russ.) EDN: AUMLCG

About the authors:

Sergey V. Mikhnevich, managing director of the Department for International Multilateral Cooperation and Integration, Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs (RSPP); executive secretary, member of the Board, the Eurasian Economic Union (EAEU) Business Council (Moscow, Russian Federation), PhD in political science;
e-mail: sxzex@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-3662-9022

Maxim A. Aksenov, master student of "International Relations: European and Asian Studies" Programme, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation);
e-mail: maksaksenov@gmail.com; ORCID: 0009-0001-0680-6297

CC BY

DOI: 10.22394/2073-2929-2024-01-153-163

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ: 5.5.2, 5.5.4

EDN: CNHUSL

Институциональная регламентация Миссии наблюдателей от СНГ в избирательных кампаниях и освещение ее деятельности в средствах массовой информации

Малинина С. А.

Пресс-служба Исполнительного комитета Содружества Независимых Государств, Москва, Российская Федерация

e-mail: malinina_s@mail.ru

РЕФЕРАТ

Настоящее исследование направлено на изучение институциональных и организационно-правовых проблем взаимодействия средств массовой информации и международных наблюдателей на выборах и референдумах в государствах — участниках Содружества Независимых Государств. Вопрос противодействия иностранному вмешательству в избирательный процесс в работе не рассматривался.

Цель. Устранить методологические проблемы в определении содержания термина «международное наблюдение»; и доказательство необходимости институционализации процесса освещения деятельности международных наблюдателей в средствах массовой информации.

Задачи. Выделить необходимые направления деятельности средств массовой информации при освещении деятельности международных наблюдателей в ходе избирательной кампании и референдумов.

Методология. Состояние современной среды мониторинга выборов свидетельствует о существовании тонкой границы между необходимостью обеспечения открытости избирательных процессов и недопустимостью вмешательства во внутренние дела государств. Необходимо выделение ограничительных порогов для деятельности средств массовой информации при освещении процессов международного наблюдения на выборах и референдумах и их институционализация в соответствующих рекомендациях, основанных на презюмируемой непредвзятости как международных наблюдателей, так и средств массовой информации.

Результаты. Исследование показало, что важнейшей задачей процесса легитимации избирательного процесса является обеспечение его полноценного освещения деятельности всех его субъектов в средствах массовой информации. Освещение международного наблюдения в СМИ должно охватывать широкий круг вопросов в течение всего избирательного процесса от начала до конца, включая: деятельность наблюдателей в период официальной избирательной кампании до начала голосования; в день выборов и в процессе подсчета голосов; в период после выборов с момента оглашения официальных результатов до формирования новых органов власти. При этом на всех этапах освещение должно охватывать широкий круг вопросов сущности избирательного процесса и управления им, правовую регламентацию выборов и референдумов и существующие институциональные структуры обеспечения процесса.

Выводы. Освещение в СМИ деятельности международных наблюдателей следует рассматривать не только как одну из важнейших мод политической коммуникации, но и как средство противодействия избирательному абсентеизму. Объективное и беспристрастное освещение деятельности международных наблюдателей в СМИ, несомненно, может содействовать как внутренней политической мобилизации населения, так и международному признанию государства.

Ключевые слова: избирательный процесс, международное наблюдение, взаимодействие международных наблюдателей и СМИ, вмешательство во внутренние дела государств, препятствование деятельности наблюдателей, препятствование деятельности СМИ
Для цитирования: Малинина С. А. Институциональная регламентация Миссии наблюдателей от СНГ в избирательных кампаниях и освещение ее деятельности в средствах массовой информации // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 1. С. 153–163. https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-01-153-163. EDN: CNHUSL

Institutional Regulation of the CIS Observer Mission in Election Campaigns and Coverage of Its Activities in the Media

Svetlana A. Malinina
Press service of the Executive Committee of the Commonwealth of Independent States, Moscow, Russian Federation
e-mail: malinina_s@mail.ru

ABSTRACT
This study is aimed at studying the institutional, organizational and legal problems of interaction between the media and international observers during elections and referendums in the member states of the Commonwealth of Independent States. The issue of countering foreign interference in the electoral process was not considered in the work.
Aim. Eliminate methodological problems in defining the content of the term "international observation", and proving the need to institutionalize the process of covering the activities of international observers in the media.
Tasks. Identify the necessary areas of media activity when covering the activities of international observers during elections and referendums.
Methods. The state of the modern election monitoring environment indicates the existence of a fine line between the need to ensure openness of electoral processes and the inadmissibility of interference in the internal affairs of states. It is necessary to identify restrictive thresholds for the activities of the media when covering the processes of international observation of elections and referendums and their institutionalization in relevant advisory documents based on the presumed impartiality of both international observers and the media.
Results. The study showed that the most important task of the process of legitimizing the electoral process is to ensure its full coverage of the activities of all its subjects in the media. International monitoring media coverage should cover a wide range of issues throughout the entire electoral process from start to finish, including; activities of observers during the official election campaign before the start of voting; on election day and during the vote counting process; in the period after the elections from the moment the official results are announced until the formation of new authorities. At the same time, at all stages, coverage should cover a wide range of issues of the essence of the electoral process and its management; legal regulation of elections and referendums and existing institutional structures to support the process.
Conclusions. Media coverage of the activities of international observers should be considered not only as one of the most important modes of political communication, but also as a means of countering selective absenteeism. Objective and impartial coverage of the activities of international observers in the media can undoubtedly contribute to both the internal political mobilization of the population and the international recognition of the state.
Keywords: electoral process, international observation, interaction between international observers and the media, interference in the internal affairs of states, obstruction of the activities of observers, obstruction of the activities of the media

For citing: Malinina S. A. Institutional Regulation of the CIS Observer Mission in Election Campaigns and Coverage of Its Activities in the Media // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18. No. 1. P. 153–163. (In Russ.)
https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-01-153-163. EDN: CNHUSL

Введение

Существует мнение, изложенное в издании Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) «Десять лет наблюдения за выборами: люди и практика», что первый известный случай международного наблюдения за выборами в современной истории относится к 1857 г., когда Европейская комиссия наблюдала за всеобщими выборами на спорных территориях Молдавии и Валахии[1].

В действительности, данную совокупность событий вряд ли можно отнести к «международному наблюдению», равно как и определить те выборы как «всеобщие», по ряду существенных причин, которые будут раскрыты в данной статье.

«Международное наблюдение» как инструмент великих держав по принуждению к выбору государственного устройства

Дунайские княжества Валахия и Молдавия на протяжении большей части XVIII и первой половины XIX вв. были одним из главных полей сражений Российской, Габсбургской и Османской империй. Вопрос определения государственного обустройства придунайских провинций Валахии и Молдавии — практически полностью этнически однородных христианских провинций — явился одним из результатов Крымской войны 1853–1856 гг. Обоснование необходимости обращения к силе для защиты христианского населения было заявлено в документе «Собственноручно написанный и исправленный Императоромъ Николаемъ манифест 11 апрѣля 1854 г.» [1, с. 242]. Данные территории находились под протекторатом Российской империи по Адрианопольскому договору с 1829 г. [4, с. 102–116]. А в соответствии с Парижским договором 1856 г. [5, с. 23–34] они передавались под протекторат Османской империи, то есть на момент проведения выборов территории уже не имели статуса «спорных».

Стороны, подписавшие Парижский договор 1856 г., а именно «их величества император всероссийский, император французов, королева Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии, король сардинский и император оттоманский, побуждаясь желанием положить конец бедствиям войны и с тем вместе предупредить возобновление давших к оной повод недоразумений и затруднений, решились войти в соглашение с е. в. императором австрийским касательно оснований для восстановления и утверждения мира с обеспечением целости и независимости империи оттоманской взаимным действительным ручательством» [Там же]. Во-первых, уже из преамбулы договора следовало, что ослабление Османской империи не входило в интересы держав-победительниц. Во-вторых, в это же время в Европе начинались процессы формирования национальных государств, и разрешение вопроса определения государственного устройства выведенных из-под российского покровительства придунайских принципалитетов являлось, по сути, примером того, как самые сильные государства Европы пытались противодействовать проявлениям национализма, угрожавшего их сферам влияния[2]. Причем непосредственно сами «молдово-валахи» по большей части в данном процессе были «безмолвными наблюдателями» [6, p. 229–230]. В-третьих, появление нового единого независимого государства, даже формально определенного в договоре в сфере влияния Османской империи, не отвечало ее интересам. Противоположную позицию, направленную на образование единого государства, занимали согласные по данному вопросу Россия и Франция [Там же].

[1] Десять лет наблюдения за выборами: люди и практика. ОБСЕ/БДИПЧ 2006 г. ISBN: 83-60190-12-7. 51 с. [Электронный ресурс]. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/4/d/17165.pdf (дата обращения: 16.11.2023).

[2] Тренд к формированию национальных государств стал одним из итогов революций 1948 г.

Парижский договор обязал султана «немедленно созвать в каждой из двух областей нарочный для того диван, который должен быть составлен таким образом, чтобы он мог служить верным представителем польз всех сословий общества. «Сим диванам будет поручено выразить желания народонаселения касательно окончательного устройства княжеств» [5]. Параллельно с данным положением, отнесенным исключительно к компетенции турецкой стороны, государства — подписанты договора, а также Пруссия должны были создать комиссию, которая должна была бы во взаимодействии с придунайскими принципалитетами «без отлагательства собраться в Бухаресте; при оной будет находиться комиссар Блистательной Порты. Сия комиссия имеет исследовать настоящее положение Княжеств и предложить основания их будущего устройства» [5, с. XXIII]. На Османскую империю возлагалось обязательство «оставить в сих Княжествах независимое и национальное управление, а равно и полную свободу вероисповедания, законодательства, торговли и судоходства» [Там же].

Представленное обоими диванами соображение относительно государственного устройства принципалитетов и результаты работы комиссии должны были быть представлены на рассмотрение и утверждение будущей конференции договаривающихся сторон, как основа для окончательного соглашения с «верховной над Княжествами державой» (т. е. Османской империей) «при общем ручательстве всех подписавшихся держав» [Там же, с. XXIV].

Консенсус держав относительного государственного устройства многократно оспариваемых Российской, Османской и Австро-Венгерскими империями территорий к моменту окончания войны не сложился. Окончание войны дало определенные положительные частные результаты для союзников по русско-турецкой войне и в то же время привело к столкновению их новых интересов. Это было обусловлено как изменением баланса сил, так и развитием процесса создания национальных государств как в пределах самих европейских империй, так и в оспариваемых придунайских принципалитетах.

Таким образом, наблюдение за «выборами» состояло в основном в дипломатическом противостоянии продвижению собственных, но не общих интересов формальных союзников. Причем недавние противники Россия и Франция часто придерживались сходных позиций в желании противостоять влиянию Австрии и Османской империи. Коалиции держав менялись едва ли не ежедневно. И в конечном итоге сложились два лагеря: Австрия, Османская империя, Великобритания — с одной стороны, Франция, Сардиния, Россия и Пруссия — с другой [6, p. 240].

Заинтересованные стороны, широко толкуя султанский фирман от 13 января 1857 г., санкционировавший выборы, предлагали свои списки выборщиков и процедуры голосования, совершали подлоги. Выборы состоялись. Но непризнание их результатов государствами второго лагеря привело к тому, что их дипломатические отношения с Османской империей были разорваны [Там же, p. 243].

Таким образом, наблюдение, как это заявило ОБСЕ в вышеупомянутом издании «Десять лет наблюдения за выборами: люди и практика»[1], ни в той ситуации не являлось таковым и тем более не может быть определено таковым в современной парадигме международных отношений. Это был процесс поиска дипломатических компромиссов и попыток согласовать интересы правящих династий Европы и Османской империи в условиях возможного применения вооруженной силы Австрией. А народы Валахии и Молдавии в данном случае были не субъектны, не суверенны, поскольку процедуры выборов и форма правления определялись не ими, а также в результате компромиссов влиятельных держав.

Современное содержание института международного наблюдения

Современный институт наблюдения за выборами и референдумами сформировался и стал важнейшим индикатором качества международных отношений лишь во второй половине XX в., когда исчезла система протекторатов, разрушилась колониальная система и получили развитие международные институты — межгосударственные организации, которым государства передали часть своих властных полномочий. В основу системы международных отношений, в ряду прочих, был положен принцип «равенства прав

[1] См. сн. 1.

больших и малых наций»[1]. Постулат суверенного равенства государств предопределяет, что они юридически равны и имеют право свободно выбирать и развивать свои политические системы независимо от различий экономического, социального, политического или иного характера[2]. А выражение суверенных прав населения страны осуществляется посредством механизма демократических выборов, которые наделяют правительство легитимностью. То есть поскольку наблюдение за выборами и референдумами в такой парадигме международных отношений осуществляется субъектами, обладающими равным правовым статусом, то участие Миссий международных наблюдателей в наблюдении является актом, подтверждающим международное признание государства — объекта наблюдения.

Мировое сообщество очевидным образом заинтересовано в подлинности демократических процедур, поскольку лишь законно избранная власть признается международными акторами, что, в свою очередь, способствует поддержанию мира и международной безопасности[3].

В общем случае термин «наблюдение за выборами» обозначает деятельность независимых лиц или организаций по контролю избирательного процесса с целью подтверждения его соответствия как национальному законодательству, так и международным стандартам выборов. А международный характер наблюдения за выборами означает, что участвующие в процессе наблюдатели не могут быть гражданами принимающей страны. Это служит двум целям: во-первых, обеспечивает высокую достоверность выводов относительно демократичности проведенных выборов в связи с презюмируемой непредвзятостью международных наблюдателей, а во-вторых, дополняет или оспаривает выводы национальных наблюдателей, поскольку международное наблюдение опирается на международные стандарты и избирательную практику государств, от которых данные наблюдатели были включены в состав Миссий. В большинстве ситуаций наблюдение осуществляется региональными межгосударственными и международными неправительственными организациями. Наблюдатели за выборами тщательно изучают не только подачу и подсчет бюллетеней в день выборов, но и практику периода до выборов, включая регистрацию кандидатов, ход избирательной кампании и подготовку к голосованию, а также соответствующие механизмы обеспечения легитимации итогов выборов и референдумов после голосования и подсчета голосов, такие как существование и дееспособность институтов разрешения споров и обеспечение гласности контроля расходов на кампанию.

Во всех своих Миссиях международные наблюдатели за выборами ставят перед собой как минимум следующие цели[4]:

- содействовать повышению честности избирательных процессов и сведению к минимуму нарушений на выборах и связанных с ними нарушений прав человека;
- предоставлять достоверную, беспристрастную информацию и анализ по вопросам, связанным с выборами в частности и перспективами демократического развития в целом;
- поддерживать и укреплять потенциал организаций гражданского общества в создании условий, способствующих проведению свободных выборов и реализации демократических устремлений народов;
- укреплять гражданское общество в странах-участницах путем продвижения демократических ценностей наблюдателями в своих собственных странах;
- поддерживать и укреплять местные сети органов по наблюдению за выборами в сборе, организации и анализе информации во время Миссий;
- оглашать свои замечания и выводы, а также рекомендации по совершенствованию избирательного процесса.

---

[1] См. Преамбулу Устава Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text (дата обращения: 20.11.2023).

[2] См.: Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 11.01.2024).

[3] См.: Декларация принципов международного наблюдения за выборами [Электронный ресурс] // Российский фонд свободных выборов. URL: https://rfsv.ru/law/normy-i-printsipy/deklaratsiia-printsipov-mezhdunarodnogo-nabliudeniia-za-vyborami (дата обращения: 14.11.2023).

[4] *Singh Laitonjam*. Electoral Rights: Concept and Theory (October 16, 2013). DOI: 10.2139/ssrn.2341060

Институциональной, т. е. формализованной в нормах права либо политически согласованной в рамках международных форумов, основой процедур наблюдения за выборами в Содружестве являются ст. 21 Всеобщей декларации прав человека[1], ст. 21 Международного пакта по гражданским и политическим правам[2], положения которого по данному предмету раскрыты Комитетом ООН по правам человека в так называемых «Замечаниях общего порядка»[3], Парижская хартия для Новой Европы[4], документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ[5], Стамбульский документ ОБСЕ 1999 г.[6], а также принятая 7 октября 2002 г. Советом глав государств СНГ Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах — участниках Содружества Независимых Государств[7] и утвержденное 26 марта 2004 г. Советом министров иностранных дел Содружества по поручению глав государств Положение о Миссии наблюдателей от СНГ на президентских и парламентских выборах, а также референдумах в государствах — участниках Содружества[8].

Существует также ряд документов ненормативного характера, таких как, например, Декларация Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств «О принципах международного наблюдения за выборами и референдумами в государствах — участниках Содружества Независимых Государств» (25 ноября 2008 г.)[9], модельный закон «О международном наблюдении за выборами и референдумами»[10] и Рекомендации для международных наблюдателей от Содружества Независимых Государств по наблюдению за выборами и референдумами[11], в которых формализована политическая оценка состояния процессов развития демократических процедур в государствах — участниках СНГ.

Копенгагенский документ является одним из наиболее важных региональных политических международных соглашений ненормативного характера по поддержке, защите и продвижению демократического управления и широкого спектра основных прав человека, в том числе тех, которые необходимы для проведения демократического избирательного процесса. Этот документ предлагает общую методологию и конкретные инструменты (критерии) оценки механизма выборов во всех государствах-участниках[12]. Он стал

---

1 Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 11.01.2024).

2 Международный пакт о гражданских и политических правах [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 12.01.2024).

3 Комитет ООН по правам человека. Замечание общего порядка № 34. Ст. 19: Свобода мнений и их выражения. Документ ООН CCPR/C/GC/34, 12 сентября 2011 г. [Электронный ресурс]. URL: https://digitallibrary.un.org/record/715606?ln=ru&v=pdf (дата обращения: 12.01.2024).} {Комитет ООН по правам человека. Замечания общего порядка в соответствии с п. 4 ст. 40 Международного пакта о гражданских и политических правах. Замечание общего порядка № 25 (57). Документ ООН CCPR/C/21/Rev.1/Add.7, 27 августа 1996 г. [Электронный ресурс]. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/TreatyBodyExternal/Download.aspx?symbolno=CCPR%2FC%2F21%2FRev.1%2FAdd.7&Lang=en (дата обращения: 14.01.2024).

4 Итоговый документ Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшегося в Париже 21 ноября 1990 г. [Электронный ресурс]. URL: https://docs.cntd.ru/document/1903009 (дата обращения: 11.01.2024).

5 Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ 1990 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/d/0/14305.pdf (дата обращения: 14.01.2024).

6 Стамбульский документ ОБСЕ 1999 г. Хартия европейской безопасности [Электронный ресурс]. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/7/1/39573.pdf (дата обращения: 15.01.2024).

7 Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах — участниках Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс]. URL: https://docs.cntd.ru/document/901836765?marker (дата обращения: 10.12.2023).

8 Положение о Миссии наблюдателей от СНГ на президентских и парламентских выборах, а также референдумах в государствах — участниках Содружества [Электронный ресурс]. URL: https://docs.cntd.ru/document/901937360 (дата обращения: 14.12.2023).

9 Декларация Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств «О принципах международного наблюдения за выборами и референдумами в государствах — участниках Содружества Независимых Государств» [Электронный ресурс]. URL: https://docs.cntd.ru/document/902157665 (дата обращения: 10.01.2024).

10 Приложение 1 к постановлению МПА СНГ от 28.10.2022 № 54-4 [Электронный ресурс]. URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendatcii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni/30 (дата обращения: 23.12.2023).

11 Приложение 2 к постановлению МПА СНГ от 28.10.2022 № 54-4 (новая редакция) [Электронный ресурс]. URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendatcii_mpa_sng/rekomendatcii/10 (дата обращения: 23.12.2023).

12 Основные обязательства государств в отношении выборов, согласованные в Копенгагенском документе 1990 г., заключаются в следующем: уважать право других государств свободно выбирать и развивать в соответствии с международными стандартами в области прав человека свои политические, социальные, экономические и культурные системы (п. 4); проводить свободные выборы через установленные разумные промежутки времени (п. 5.1); признать, что воля народа, выражаемая свободно и честно в ходе периодических и подлинных выборов, является основой власти и законности любого правительства (п. 6); проводить свободные выборы с разумной периодичностью (п. 7.1); позволить народу избирать полностью по крайней мере одну палату национального законодательного органа (п. 7.2); гарантировать всеобщее и равное избирательное право (п. 7.3); обеспечить соблюдение тайны голосования, честный подсчет голосов и честное и своевременное опубликование результатов избирательного процесса (п. 7.4); уважать право граждан добиваться политических или государственных постов (п. 7.5); обеспечить

первым межгосударственным политическим соглашением — «не договором», позволившим институционализировать наблюдение за выборами через механизм постоянно действующего приглашения государств — участников ОБСЕ на участие в наблюдении за избирательными процессами в каждом из членов организации. Также в нем, в ряду других положений, была установлена исключительно важная обязанность государств по обеспечению недискриминационного доступа к СМИ для участников избирательного процесса[1]. В отношении наблюдателей, как иностранных, так и национальных, документ установил, что их присутствие может повысить авторитетность избирательного процесса для населения государств, в которых проводятся выборы. Поэтому государства-участники вправе приглашать наблюдателей от любых других членов СБСЕ (переименована в ОБСЕ) и любых должных заинтересованных частных учреждений и организаций, которые пожелают наблюдать за ходом как национальных выборов, так и избирательных процессов, проводимых на более низком, чем общенациональном, уровне, в объеме, допускаемом законом[2].

Стамбульский документ ОБСЕ 1999 г. в пп. 25 и 26 подтвердил приверженность членов организации проведению свободных и честных выборов согласно политическим обязательствам, принятым в рамках ОБСЕ, и в частности Копенгагенскому документу 1990 г., а именно: приглашать на проводимые выборы наблюдателей из других государств-участников и соответствующих институтов и организаций, которые хотели бы наблюдать за их проведением. Там же было подтверждено значение независимых средств массовой информации и свободных потоков информации, а также доступа общественности к информации и взято обязательство предпринять все необходимые меры по созданию необходимой основы для функционирования свободных и независимых средств массовой информации и беспрепятственного трансграничного и внутригосударственного потоков информации[3].

Формирование института международного наблюдения на пространстве Содружества Независимых Государств

История международного наблюдения на выборах на пространстве СНГ начинается 6 марта 1994 г., когда группа наблюдателей от МПА СНГ по приглашению уполномоченных органов власти ознакомилась с ходом выборов в парламент Казахстана [2, с. 9–10]. С тех пор группы наблюдателей от МПА СНГ регулярно принимают участие в мониторинге избирательных процессов в государствах — участниках СНГ в составе Миссии наблюдателей от СНГ.

Непосредственно начало формализации процесса создания института мониторинговой деятельности может быть увязано с моментом принятия первого решения Совета глав государств СНГ о направлении наблюдателей от Содружества Независимых Государств на выборы Президента Республики Беларусь 1 июня 2001 г.[4]

В 2003 г. Совет глав государств СНГ, оценив важность мониторинговой деятельности, признал необходимым продолжить практику направления наблюдателей от СНГ на президентские и парламентские выборы, а также референдумы в государства — участники Содружества и возложил координацию деятельности наблюдателей на Исполнительный комитет СНГ. Тем самым была создана политическая основа для развития в СНГ собственной методики наблюдения, не уступающей методикам авторитетных международных организаций и позволяющей обеспечить объективность наблюдения за выборами и референдумами.

Всего Исполнительным комитетом СНГ во взаимодействии с государствами Содружества на начало 2024 г. была организована работа более 120 Миссий, а в мониторинге выборов участвовало более 22 тыс. наблюдателей из всех стран Содружества[5].

право создавать политические партии или другие политические организации и предоставить им необходимые политические гарантии (п. 7.6); обеспечить проведение предвыборных кампаний в атмосфере свободы и честности (п. 7.7) и др.

[1] Копенгагенский документ, пп. 7.8, 10.1.

[2] Там же, п. 8.

[3] См.: Стамбульский документ, пп. 25, 26.

[4] Перечень документов, принятых на заседании Совета глав государств СНГ (Минск, 1 июня 2001 года) [Электронный ресурс]. URL: https://e-cis.info/page/3395/83245/ (дата обращения: 24.01.2024).

[5] База данных о кандидатах в наблюдатели от СНГ создана и поддерживается в актуальном состоянии Исполнительным комитетом СНГ, что дает возможность привлекать к работе в Миссии наиболее опытных и профессионально подготовленных специалистов.

В состав Миссии, как правило, входят официальные представители государств — участников СНГ, представители МПА СНГ, Парламентского Собрания Союза Беларуси и России, других интеграционных объединений. Исполнительный комитет СНГ приступает к формированию Миссии на основании предложений государств Содружества гласно и открыто только после получения приглашения от государства — участника СНГ, проводящего выборы. Кандидатуру Главы Миссии согласовывает Совет постоянных полномочных представителей государств — участников Содружества при уставных и других органах Содружества[1].

Все необходимые виды обеспечения Миссии осуществляет формируемый Исполнительным комитетом СНГ Штаб Миссии наблюдателей от СНГ[2].

В общем случае система мониторинга избирательного процесса включает долгосрочное[3] и краткосрочное[4] наблюдение.

Состав Миссий наблюдателей формируется количественно и оптимизируется с учетом административно-территориального деления, количества избирательных округов и пожеланий принимающих сторон. Оценки Миссии базируются как на основании собственного наблюдения, так и материалов долгосрочного мониторинга, официальной информации, фактического материала, предоставленного избирательными комиссиями и органами публичной власти, обеспечивавшими подготовку и проведение выборов, данных, полученных в результате личных встреч с участниками избирательного процесса, а также проверочных анкет, поступивших от наблюдателей накануне и в день голосования. Подготовка итоговых документов о результатах наблюдения осуществляется Советом координаторов, который формируется из представителей, входящих в состав Миссии. Как правило, это руководители и члены центральных избирательных комиссий, депутаты национальных парламентов государств — участников СНГ, представители Исполнительного комитета СНГ, МПА СНГ, Парламентского Собрания Союза Беларуси и России и др.

Совет координаторов Миссии наблюдателей от СНГ на основе материалов долгосрочного наблюдения, а также поступивших от наблюдателей накануне и в день голосования проверочных анкет готовит соответствующее заявление, которое передается в органы публичной власти страны проведения выборов или референдумов, доводится до сведения общественности и представителей СМИ и размещается на информационных ресурсах Исполнительного комитета СНГ (https://cis.minsk.by/, https://e-cis.info/).

Таким образом, государства — участники СНГ, руководствуясь международными стандартами администрирования выборов и собственным национальным опытом проведения выборов и референдумов, создали благоприятные условия для международного наблюдения, в том числе формализовали процедуры заблаговременного приглашения Миссий наблюдателей на выборы и референдумы. А наработанный Миссиями опыт, в свою очередь, снабжает международное сообщество надежным инструментарием оценки качества практики применения избирательного законодательства не только в государствах на пространстве СНГ.

Регламентация деятельности средств массовой информации в процессе освещения международного наблюдения

Процесс наблюдения нашел отражение как в национальных законах, так и иных нормативных предписаниях, к которым можно отнести, например, Постановление Центральной избирательной комиссии

---

[1] См.: Положение о Миссии наблюдателей от СНГ на президентских и парламентских выборах, а также референдумах в государствах — участниках Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс]. URL: https://cis.minsk.by/page/2016 (дата обращения: 24.01.2024).

[2] В частности, функции Штаба заключаются в организации аккредитации членов Миссии, анализе избирательного законодательства, подготовке для наблюдателей информационно-методических, нормативно-правовых и аналитических материалов, касающихся избирательного процесса, распределении наблюдателей по регионам и определении порядка их работы, осуществлении мониторинга освещения избирательной кампании электронными и печатными СМИ, а также решении других вопросов.

[3] В ходе долгосрочного наблюдения осуществляется мониторинг этапов избирательной кампании, проводятся встречи с представителями органов публичной власти, обеспечивающих подготовку и проведение выборов, кандидатами, их доверенными лицами, руководителями политических партий, изучается деятельность центральных, окружных и участковых избирательных комиссий. В качестве долгосрочных наблюдателей привлекаются сотрудники посольств государств Содружества, аккредитованные в стране проведения выборов, а также специалисты, имеющие опыт наблюдения, в том числе представляющие международные организации.

[4] Краткосрочные наблюдатели прибывают в государство за 3–5 дней до выборов и осуществляют мониторинг избирательной кампании накануне и в день голосования.

Российской Федерации от 31.01.2024 № 153/1218-8 «О Разъяснениях порядка деятельности иностранных (международных) наблюдателей при проведении выборов Президента Российской Федерации»[1], которое детализирует взаимоотношения участников процессов наблюдения.

Интересной особенностью освещения избирательного процесса в СМИ является то, что законодательство и практика рассматривают, главным образом, вопросы ознакомления граждан с программами конкурентов во время предвыборных кампаний, их финансированием, что оказывает влияние на информационные потоки, способствует формированию ценностных установок и ориентаций [3, с. 25–53].

Участие и роль СМИ в избирательном процессе состоит, по сути, в обеспечении общенационального гражданского контроля на всех этапах подготовки, организации и проведения выборов и референдумов. А роль международного наблюдения, как одного из средств международной политической коммуникации, — в обеспечении подтверждения легитимности избранной власти, т. е. ее международного признания. Но в настоящее время по сути взаимоотношения СМИ с наблюдателями сводятся лишь к предоставлению общей информации о работе Миссии и о роли наблюдателей, но не о самих наблюдателях.

Считаем возможным предположить, что освещение в СМИ деятельности международных наблюдателей (в нашем случае Миссии СНГ), в том числе освещение карьерных достижений, профессиональных заслуг и иных важных качеств персоналий Миссии наблюдения следует рассматривать не только как одну из важнейших мод политической коммуникации, но и как средство противодействия избирательному абсентеизму. Участие авторитетных представителей других государств и международных организаций и их «подсветка» в СМИ, очевидно, могут продемонстрировать гражданам существование международного интереса к результатам выборов и референдумов и некоторым образом повысить их явку.

Представляется также очевидным, что освещение международного наблюдения в СМИ охватывает широкий круг вопросов от начала до конца избирательного процесса, включая деятельность наблюдателей в период официальной избирательной кампании до начала голосования; в день выборов и в процессе подсчета голосов; в период после выборов с момента оглашения официальных результатов до формирования новых органов власти. При этом на всех этапах процесса освещается широкий круг вопросов сущности избирательного процесса и управления им; правовая регламентация выборов и референдумов и существующие институциональные структуры обеспечения процесса. Очевидным образом, подготовка иностранных СМИ обязательно включает ознакомление с политическим климатом в государстве — месте проведения выборов.

Вышеприведенные аспекты взаимодействия «СМИ — наблюдатели» нормативно урегулированы и проверены практикой Содружества Независимых Государств, чего нельзя сказать об освещении непосредственно персоналий, участвующих в международном наблюдении. Определение возможных к раскрытию личных аспектов участников международного наблюдения и способов их доведения до избирателей представляется необходимым элементом развития института международного наблюдения.

Заключение

Международное наблюдение за выборами и референдумами является достаточно серьезным инструментом, который может использоваться различными акторами для противодействия национальным интересам государства — объекта наблюдения, и, как следствие, данный институт активно развивается в последние годы. Даже несмотря на отсутствие у государств формальной юридической обязанности принимать во внимание результаты международного наблюдения, его международная оценка оказывает серьезное влияние на положение государства в международной системе. В связи с этим усложняется проблема объективности оценки проведенных выборов и референдумов и, соответственно, признания их легитимности. Объективное и беспристрастное освещение деятельности международных наблюдателей в СМИ, несомненно, может содействовать как внутренней политической мобилизации населения,

[1] Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 31.01.2024 № 153/1218-8 **«**О Разъяснениях порядка деятельности иностранных (международных) наблюдателей при проведении выборов Президента Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/54541/ (дата обращения: 05.02.2024).

так и международному признанию государства. Поскольку международное наблюдение за выборами стало устойчивой формой контроля избирательных процедур, то развитие регламентации деятельности СМИ по освещению деятельности международных наблюдателей, во избежание обвинения их в пристрастности и вмешательстве во внутренние дела государства, нуждается в серьезной регламентации[1].

Литература

1. *Зайончковский А. М.* Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 1–2. СПб., 1908–1913. В 5 т. Т. 2: Приложенія. 1912. XII. 452 с.
2. Материалы международной научно-практической конференции «Избирательный процесс в условиях глобализации» / Кишиневский филиал Международного института мониторинга развития демократии, парламентаризма и соблюдения избирательных прав граждан государств — участников Межпарламентской Ассамблеи СНГ. Кишинев, 16 мая 2018. 192 с. ISBN: 978-9975-3241-0-6.
3. *Мокану В., Мокану И.* Роль СМИ в электоральном процессе // Материалы международной научно-практической конференции «Роль средств массовой информации в избирательном процессе» / Кишиневский филиал Международного института мониторинга развития демократии, парламентаризма и соблюдения избирательных прав граждан государств — участников Межпарламентской Ассамблеи СНГ. Кишинев, 12 апреля 2017. 320 с. ISBN: 978-9975-3110-4-5.
4. Под стягом России : Сборник архивных документов. М., Русская книга, 1992.
5. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1952. 470 с. [Электронный ресурс]. URL: https://runivers.ru/upload/iblock/b36/sbornik%20dogovorov.pdf (дата обращения: 26.01.2024).
6. *Riker T. W.* The Concert of Europe and Moldavia in 1857 // The English Historical Review. Oxford University Press. Apr., 1927. Vol. 42. No. 166. P. 227–244.

Об авторе:

Малинина Светлана Анатольевна, руководитель пресс-службы Исполнительного комитета Содружества Независимых Государств, Москва, Российская Федерация;
e-mail: malinina_s@mail.ru

References

1. Zayonchkovsky A. M. Eastern War 1853–1856 in Connection with the Contemporary Political Situation: Vol. 1–2. Saint Petersburg, 1908–1913. 5 vol. Vol. 2: Annexes. 1912. XII. 452 p. (In Russ.)
2. Materials of the International Scientific and Practical Conference “Electoral Process in the Context of Globalization”. Chisinau Branch of the International Institute for Monitoring the Development of Democracy, Parliamentarism and Observance of the Electoral Rights of Citizens of the Member States of the CIS Interparliamentary Assembly. Chisinau, May 16, 2018. 192 p. ISBN: 978-9975-3241-0-6. (In Russ.)
3. Mocanu V., Mocanu I. The Role of the Media in the Electoral Process. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference “The Role of Media in the Electoral Process”. Chisinau Branch of the International Institute for Monitoring the Development of Democracy, Parliamentarism and Observance of the Electoral Rights of Citizens of the Member States of the CIS Interparliamentary Assembly. Chisinau, April 12, 2017. 320 p. ISBN: 978-9975-3110-4-5. (In Russ.)
4. Under the Banner of Russia: Collection of Archival Documents. Moscow, Russian Book, 1992. (In Russ.)
5. Collection of Treaties between Russia and other States. 1856–1917. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1952. 470 p. [Electronic resource]. URL: https://runivers.ru/upload/iblock/b36/sbornik%20dogovorov.pdf (accessed: 26.01.2024). (In Russ.)

[1] См. Рекомендации по противодействию иностранному вмешательству в национальные выборы и референдумы. Приложение 4 к постановлению МПА СНГ от 28.10.2022 № 54-4 [Электронный ресурс]. URL: https://iacis.ru/mod_file/p_file/1066 (дата обращения: 26.01.2024).

6. Riker T. W. The Concert of Europe and Moldavia in 1857 // The English Historical Review. Oxford University Press. Apr., 1927. Vol. 42. No. 166. P. 227–244.

About the author:

Svetlana A. Malinina, Head of the press service of the Executive Committee of the Commonwealth of Independent States (Moscow, Russian Federation);
e-mail: malinina_s@mail.ru

2024. Том 18, № 1

**ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:
ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА**

Международный научно-аналитический журнал

Выходит 4 раза в год

Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Выпускающий редактор
Е. А. ЛЫСУНЕЦ
lysunets-ea@ranepa.ru

Верстка
А. Л. СЕРГЕЕНОК

Сдано в набор 15.03.2024.
Подписано к печати 31.03.2024.
Формат 84×108 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 10,25. Тираж 100 экз.
Заказ № 1/2024.

УЧРЕДИТЕЛЬ:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-72803 от 25 мая 2018 г.

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61
Тел. (812) 335-94-72

Контент доступен под лицензией
Creative Commons Attribution 4.0

Правила для авторов

«ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА» – профессиональный журнал государственных и политических деятелей, сотрудников научных и образовательных учреждений, аналитиков и экспертов. Публикуются статьи, посвященные состоянию и перспективам развития ЕАЭС и стран Большого Евразийского пространства. Партнером журнала является Евразийская экономическая комиссия.

"EURASIAN INTEGRATION: ECONOMICS, LAW, POLITICS" is a professional journal of state and political figures, employees of scientific and educational institutions, analysts and experts. Articles on the state and prospects for the development of the EAEU and the countries of the Greater Eurasian space are published. The journal's partner is the Eurasian Economic Commission.

《欧亚一体化：经济、法律、政治》是國家和政治人物、科學和教育機構員工、分析師和專家的專業期刊。 發表有關歐亞經濟聯盟和大歐亞空間國家的狀況和發展前景的文章。該雜誌的合作夥伴是歐亞經濟委員會。